ЛЕНИН

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 35 АВГУСТ 1974

Нелегкое это дело — обслуживать семь сторонок прядильных машин, но Ольга Павловна отлично с ними управляется.

Много волнующих встреч было у О. П. Вохмяниной на XVII съезде ВЛКСМ.

У Тани Духаниной, Любы Копыловой и Тани Радостевой нет никаких секретов от их любимой тети Оли.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2460)

24 АВГУСТА 1974

Б. СОПЕЛЬНЯК,

фото А. ГОСТЕВА.

НАСТАВНИЦА

Ольга Павловна пересекла Манежную площадь, вошла в Кремль, поднялась в зал Дворца съездов, нашла свое место в ложе для гостей.

И вот XVII съезд комсомола открыт! Ольга Павловна с большим вниманием слушала речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, а когда он повел разговор о воспитании достойной смены рабочего класса, о развитии движения наставников молодых рабочих, с удовлетворением подумала: значит, не зря возится со своими девчатами, значит, сердцем чуяла, что это не только ее забота, а важнейшее дело всех кадровых рабочих. И вдруг... перехватило дыхание.

«Мне приятно сообщить вам,— услышала она слова Леонида Ильича,— что за проявленную трудовую доблесть, большую работу по коммунистическому воспитанию и профессиональной подготовке молодежи Президиум Верховного Совета СССР присвоил высокое звание Героя Социалистического Труда:

Витченко Степану Степановичу — бригадиру слесарей-сборщиков ленинградского объединения «Электросила»,

Вохмяниной Ольге Павловне — прядильщице Реутовской фабрики Московской области...»

Ольга Павловна так разволновалась, что больше ничего не слышала. А когда пришла в себя, весь зал стоя приветствовал, как сказал Л. И. Брежнев, кадровых рабочих и талантливых педагогов С. С. Витченко, О. П. Вохмянину, П. Н. Печенкина и А. Л. Шатилина.

Словно во сне, Ольга Павловна возвращалась домой и радостно улыбалась, вспоминая события минувшего дня.

...Мы приехали на Реутовскую хлопкопрядильную фабрику вечером. В тот день О. П. Вохмянина работала в первую смену, и мы хотели сперва поговорить с ее подшефными девушками, а уже затем — и с самой Ольгой Павловной. Вот что рассказали девушки о своей тете Оле — так они называют О. П. Вохмянину.

— Если бы не тетя Оля, я бы, наверное, давно ушла с фабрики,— говорит Таня Духанина.— В ФЗУ меня только и успели научить, как подходить к прядильной машине. Если что не ладится, зовешь инструктора. А когда пришла в цех, дали не одну, а сразу три машины — на каждой 384 веретена. Крутятся они, как сумасшедшие, нить рвется, на валиках «борода». Забегала я, засуетилась, ничего не успеваю... Ну — и в слезы! Забилась в угол и реву. Уеду, думаю, в свою родную деревню, на ферму пойду или... Не успела до конца додумать — что делать, как быть? — чувствую, кто-то гладит по голове: мягко так, по-матерински. Обернулась, обняла эту незнакомую женщину и разревелась пуще прежнего. А она дала мне выплакаться, вытерла слезы, взяла за руку и повела к машинам. Показала, как лучше присучивать нить, очищать валики и даже как ходить, не выпуская из поля зрения ни одного веретена. Потом повела к своим машинам. Больше всего меня поразило, что все то время, пока хозяйка занималась со мной, они работали, словно часы. Так я познакомилась

К. В. Клинкова и Е. А. Митрофанова знают Ольгу Павловну с 1943 года, когда она двенадцатилетней девочкой пришла на фабрику.

с Ольгой Павловной. С тех пор прошло пять лет, но до сих пор диву даюсь: и как она успевает не только регулярно перевыполнять план, но и опекать нас?

— Я тоже была изрядная плакса,— подхватывает Люба Копылова.— Но мне повезло меньше, чем Тане: первое время я работала не рядом с тетей Олей, а совсем на другом участке. Так что ни пожаловаться, ни поплакаться было некому. План не выполняла, помощник мастера меня «жучил», заработки небольшие. Замкнулась я в себе, обиделась на весь свет. И вдруг освободились машины рядом с тетей Олей. Она не стала меня ни ругать, ни утешать, а предложила походить рядом и посмотреть: «Вот так можно управляться со всеми веретенами!» Кстати, Ольга Павловна уже тогда обслуживала три с половиной машины, или, как мы говорим, семь сторонок. Но больше всего меня поражало одно необъяснимое качество нашей наставницы: работаем мы с ней в разные смены, а у нас будто назло «завал» — не ладится дело, да и только, как, например, сегодня. И вдруг откуда ни возьмись появляется тетя Оля. Поговорит, пошутит, поможет ликвидировать «завал» и как ни в чем не бывало уходит домой. Цены нет нашей тете Оле! Так и напишите. Я, например, ей во всем верю. И когда выходила замуж, то без всяких шуток сказала жениху: «Не понравишься тете Оле, останешься холостяком». Но она мой выбор одобрила, — улыбнулась Люба.

— Мне пришлось, пожалуй, труднее всех,— вздыхает Таня Радостева.— Так случилось, что я долго не могла получить постоянных машин, мы их называем коренными. А быть подменной прядильщицей — работа не из лучших: сегодня одна машина, завтра — другая. Но ведь у каждой свой норов, к каждой нужен свой подход, так что нет ничего удивительного в том, что давала я брак. Потом мне повезло: получила три коренные машины, к тому же неподалеку от тети Оли. Позже я узнала, что это произошло не без ее помощи: Ольга Павловна, пользуясь правами профгрупорга цеха, потребовала: «Перестаньте гонять девушку с места на место!» И настояла, чтобы выделили машины рядом с ее зоной. Тут-то она за меня и взялась! Не все, конечно, шло гладко. К тому же я рано вышла замуж, родился ребенок, а в ясли его не берут. Я никому не жаловалась, но тетя Оля сама все разузнала, сходила в общежитие, добилась, чтобы мне выделили комнату, устроила Сережку в ясли, а если он не дай бог заболеет, и советом пособит и лекарства раздобудет... Нет, это наше счастье, что мы повстречались с Ольгой Павловной. Неизвестно, как сложилась бы наша жизнь, не будь ее рядом. Ой, а вот и она, легка на помине!

Девушки бросились к своей любимой тете Оле. Надо было видеть их сияющие глаза, их радость, волнение. Но они хорошо знали: раз Ольга Павловна пришла не в свою смену, значит, не только поговорит о самочувствии, домашних делах, но и придирчиво последит за тем, как девчата работают. А глаз у нее такой, что заметит малейшую промашку... И действительно, Ольга Павловна надела рабочий халат и деловито шагнула к гудящим машинам.

Репортаж с полей битвы за украинский миллиард ведут собкор «Огонька» Станислав КАЛИНИЧЕВ и художник Леонтий ТУРОВЕЦКИЙ.

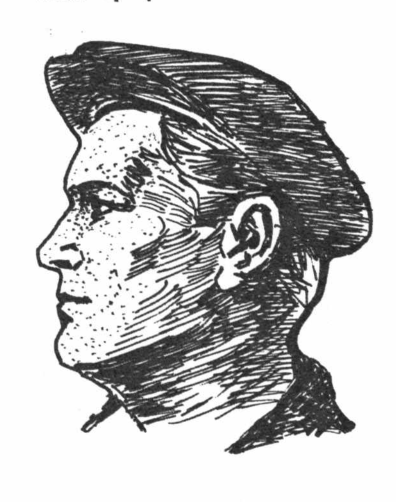
КОМБАЙНЫ СПЕШАТ НА СЕВЕР

Сейчас будет отдана команда: «По машинам!»

Председатель колхоза имени XXII съезда КПСС Григорий Осипович Кузик.

На колхозном току готовится семенное зерно.

Лучший комбайнер колхоза Иван Трофимович Бойко.



...Позавчера здесь, в Бершадском районе, Винницкой области, прошел обильный дождь. Больше суток ждали комбайнеры, пока подсохнет зерно в валках. Где-то около полудня выехали. И вот, оказывается, снова отсрочка. А небо белесое. Парит. Не ровен час — снова дождь хлынет.

И так всю уборочную. Не только в районе, а по всей области, по всей Украине. Украинский «каравай-74» берется с бою, с большим напряжением сил.

— С сентября по май — ни капли дождя, ни пушинки снега,— рассказывает Григорий Осипович Кузик.— В районе три четверти озимых пересевали заново. А с мая и до сей поры дожди мучили. И тем не менее берем по пятьдесят центнеров зерновых с гектара. А на отдельных массивах пшеница по шестьдесят четыре центнера с гектара дала. План продажи зерна государству колхоз уже выполнил.

Председатель поглядывает на небо и все же решается повременить часок с уборкой. Тут и убирать-то меньше ста гектаров — все, что осталось от нескольких тысяч. На полдня работы при нынешней технике. Восемь комбайнов с лучшими экипажами колхоз отправил в соседние хозяйства.

Когда мы добирались из Винницы в Бершадский район, то на трассах в потоке «Волг», «Жигулей», тяжелых рефрижераторов и наполненных зерном бортовых машин видели целые караваны зерновых комбайнов, своим ходом спешащих на север. Заведующий сельхозотделом Винницкого обкома партии Владимир Иванович Шевченко объяснил нам:

— Сейчас в области из южных районов, где жатва заканчивается, мы перебрасываем в северные шестьсот комбайнов и пятьсот автомобилей. В нынешнем, очень сложном году особую роль играют организованность, широкий маневр техникой. Жатва началась недели на две позже обычного, частые дожди еще больше растянули ее сроки. А поля под озимые надо вспахать хотя бы за месяц до сева. Поэтому хлеборобы области делают все необходимое, чтобы вслед за комбайном шел трактор с плугом. Одновременно ведется заготовка силоса — главная битва за молоко и мясо. На линейке готовности свеклоуборочные комбайны, а там должна поспеть кукуруза — второй хлеб. И люди знают: передышки не будет до глубокой осени.

...Фронт уборки на Украине движется с юго-востока на северо-запад. Первыми о выполнении своих обязательств по продаже зерна государству рапортовали хлеборобы Днепропетровской, за ними Запорожской, потом Донецкой областей. Близки к этому полтавчане, херсонцы. Идет битва за украинский миллиард. Ныне украинский хлебороб во всеоружии. Новые высокоурожайные сорта семян, мощный поток удобрений, мелиорация и орошение, квалифицированные кадры механизаторов и обилие техники, четкое руководство на всех уровнях управления — вот что придает хлеборобу уверенность в своих силах. Вот о чем увлеченно говорит Григорий Осипович Кузик, председатель колхоза имени XXII съезда КПСС,— несколько лет назад это хозяйство возглавлял выдающийся мастер сельскохозяйственного производства Герой Социалистического Труда Василий Михайлович Кавун.

— Две трети площади озимых у нас пришлось весной пересевать. Но и тут мы взяли по сорок пять — пятьдесят центнеров зерна с гектара. А в середине июня восемьсот гектаров посевов выбил град. Там, где была пшеница, сажали кукурузу на силос, чтобы с каждого гектара если не хлебом, то молоком и мясом взять! А гречку — она уже цвела — выбило до корешков. Но мы за один день, 22 июня, все огромное поле снова засеяли гречихой. И вот она цветет во второй половине августа. Уверены, что успеет дозреть.

— Нелегкий год,— поддерживает председателя главный инженер колхоза Леонид Арсентьевич Карман.— Но мы научились маневрировать. Да и есть чем — больше ста автомобилей в колхозе, сто семь тракторов, шестьдесят пять различных комбайнов... Появилась возможность в течение нескольких дней пересевать, перепахивать тысячи гектаров, закрывать влагу, обеспечивать водой огромные площади посевов.

Конечно, такие маневры требуют большого напряжения сил. Но партийные организации республики, сельскохозяйственные министерства, советские органы умело направляют битву за украинский миллиард, за прочную базу под урожай завершающего года пятилетки.

КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Пылающие города, разрушенные селения, десятки тысяч киприотов — греков и турок,— вынужденных покинуть родные места, всеобщее ожесточение — таков трагический диапазон кипрского кризиса.

Маленький остров буквально разрывают на части. Зловещая тень агрессивных кругов НАТО, рассчитывающих «не мытьем, так катаньем» втянуть остров в систему Атлантического блока, сделать его, по словам французской газеты «Орор», «авианосцем альянса», тяготеет над Кипром...

Особенностью «второй фазы кризиса», как называют последние события на острове, является изменение методов действий агрессивных кругов НАТО при сохранении прежней цели.

Вначале задача подрыва независимости Кипра была поручена хунте «черных полковников» и их агентуре: прибрать Кипр к рукам путем «энозиса» — присоединения к Греции, насадить там марионеточное правительство и попытаться заставить международную общественность принять все это как «свершившийся факт».

Однако благодаря энергичной позиции Советского Союза и других миролюбивых сил, категорически выступивших в поддержку суверенитета республики, этот замысел был сорван. Принятая Советом Безопасности резолюция № 353 предусматривала восстановление законного правительства Кипра, выход всех иностранных вооруженных сил с острова и обязывала все государства уважать целостность и независимость Кипра.

В результате «кипрской авантюры» разверзлась пропасть, в которую канул режим «черных полковников» в Греции, а вместе с ними и самозваное «правительство» на Кипре.

Создались реальные условия для урегулирования конфликта путем применения резолюции Совета Безопасности и восстановления конституционной власти на Кипре.

Однако такой исход кризиса меньше всего устраивал организаторов заговора против Республики Кипр. «В связи с кипрской драмой,— справедливо писала французская газета «Юманите»,— Атлантический союз предстает в своем истинном свете: это оружие напряженности и войны». Если «энозис» не удался, то нужно организовать «двойной энозис» — раздел острова,— таков был замысел заправил НАТО.

Нетрудно заметить, что таким образом эти круги хотели бы решить «двойную задачу» — закрепить на острове позиции НАТО, а с другой стороны, добиться урегулирования находящихся на грани войны отношений между Турцией и Грецией за счет Кипра. Иначе говоря, острову, согласно этим планам, отводилась роль своего рода «разменной монеты» для оплаты пошатнувшейся «атлантической солидарности» в Средиземном море.

Но реальные закономерности жизни, новые тенденции в международных отношениях поставили натовских заговорщиков перед сложными проблемами: Греция вышла из военной организации блока.

Меры нового греческого правительства были с одобрением встречены населением страны. По Греции пронеслась волна демонстраций. «Большинство греков приветствует выход из НАТО»,— сообщает корреспондент «Нью-Йорк таймс» из Афин. «Решение правительства о выходе из военной организации НАТО,— пишет греческая газета «Акрополис»,— не только своевременно и оправданно, но и полностью отвечает воле народа».

Взятый в более широком аспекте выход Греции, ранее считавшейся «наиболее лояльным членом альянса», обусловлен не только позицией блока в связи с «кипрским кризисом», но и растущим стремлением избавиться от «атлантической опеки», как неспособной обеспечить национальные интересы страны. И такие настроения присущи не только Греции. Как иронически писала западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне», «начиная с шестидесятых годов некоторые страны устали от пребывания в НАТО...».

В свое время Франция вышла из военной организации блока, сегодня — Греция. Не будут ли эти примеры заразительны и для некоторых других членов НАТО?

В эти дни в западной печати можно прочесть и такие рассуждения: выход Греции из военной организации НАТО связан с вопросом о судьбе американских баз и баз НАТО в Пирее, на Крите и островах Эгейского моря. Поэтому «ценность» кипрского авианосца «для атлантической стратегии» особенно возрастает.

Заговорщическая деятельность агрессивных кругов НАТО привела к тому, что Республика Кипр переживает сейчас один из наиболее трагических периодов своей истории. Поставлено под угрозу само существование независимого государства, члена Организации Объединенных Наций.

«Руки прочь от Кипра!» — таково требование всех людей доброй воли, всех, кому дороги мир и безопасность народов. Выступивший на заседании Совета Безопасности представитель СССР Я. А. Малик заявил, что Советское правительство категорически настаивает на незамедлительном прекращении иностранной военной интервенции против Кипра, выводе с острова всех иностранных войск, восстановлении конституционного правительства Республики Кипр и всех институтов этого правительства.

Кипрский вопрос не может решаться в «атлантическом контексте». Независимому и суверенному Кипру должна быть предоставлена возможность проводить политику неприсоединения в соответствии с законными желаниями его народа.

Никозия. 19 августа здесь состоялась массовая демонстрация протеста против политики НАТО и Соединенных Штатов в кипрском вопросе.

Вышедший в это время из здания посольства посол США на Кипре Р. Дэвис был убит несколькими выстрелами в грудь.

Агентство АП, ссылаясь на своего корреспондента в Никозии, утверждает, что по посольству США стреляли из толпы демонстрантов члены нелегальной террористической организации «Эока-2».

На снимке: солдаты уносят тело убитого посла Р. Дэвиса.

Телефото ЮПИ — ТАСС.

ПОЗДРАВЛ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОН

ПРИГЛАШАЕТ «ОРБИС»

«Орбис» рад приветствовать на страницах «Огонька» победителей конкурса, посвященного ПНР. По путевкам нашего бюро путешествий десять лауреатов совершат поездку в Польшу. В прошлом году нашу страну посетили около семи миллионов иностранных туристов. Самое большое число путешественников — из Советского Союза.

Уже в декабре 1944 года в Люблине появилось отделение «Орбиса». Бюро организует путешествия по стране и за границу.

Мы предлагаем своим гостям большой выбор: для тех, кто предпочитает отдых в горах,— Татры, Судеты и Бескиды, для любителей морских курортов — Сопот, Колобжег, Свиноуйсьце. Самый популярный маршрут — по ленинским местам в Польше. Сюда входят Краков, Поронин, Бялы-Дунаец, Новы-Тарг. Эти места окружены особой заботой, свидетельства чего — музеи в Кракове, Варшаве и Поронине. Память о Ленине живет и в таких гигантах современной польской индустрии, как Нова-Гута и верфь в Гданьске, которые названы именем вождя. Их также посещают многочисленные группы туристов.

Нас очень радует интерес советских граждан к народной Польше. В результате туристического обмена рождаются новые знакомства. Они перерастают в дружбу, способствуя тем самым дальнейшему укреплению неразрывных уз, которыми связаны народы Польши и Советского Союза.

Зенон НОВАКОВСКИ,
директор представительства польского бюро путешествий «Орбис» в СССР

Конкурс «Моя встреча с Польшей» завершен. На состоявшемся заседании жюри подвело итоги.

ПЕРВОЙ ПРЕМИЕЙ — ТУРИСТСКОЙ ПУТЕВКОЙ В ПОЛЬСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ ПОЛЬСКИМ БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ «ОРБИС», НАГРАЖДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ТОВАРИЩИ:

БОБОВНИКОВА Н. В.— работница полиграфического комбината (г. Калинин); БУШКОВ Р. А. — школьник (с. Мари-Турек, Марийская АССР); ВОЗНЮК Н. К.— токарь китобазы «Дальний Восток» (г. Владивосток); ГОГЕБАШВИЛИ Р. А. — экскаваторщик на строительстве Ингури-ГЭС (г. Гали, Абхазская АССР); КОРОЛЕВ В. С. — инженер (г. Киев); КУДЕЛИН А. В. — инженер-геолог (г. Кировск, Мурманская обл.); ЛОБАЧЕВА А. Г. — пенсионерка (г. Рига); МАРАЧ Г. Д. — старший мастер автомобильного завода (г. Луцк); МАРЧЕНКО Э. Ф.— врач-педиатр (г. Орша, Витебская обл.); МОНОГАРОВА Н. Н.— инженер-технолог (г. Ленинград).

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗЫ ПРИСУЖДАЮТСЯ:

Белгородскому областному отделению Общества советско-польской дружбы; Клубу интернациональной дружбы школы № 2 г. Иванова (руководитель А. Ф. Щербакова); Львовскому областному отделению Общества советско-польской дружбы;

а также следующим товарищам:

АБРАМОВУ А. Ф.— персональному пенсионеру союзного значения (г. Москва); БЕЛОВОЙ Р. М.— библиотекарю (пос. Капустин Яр, Астраханская область); ДАНИЛЕНКО В. И.— педагогу (г. Севск, Брянская обл.); ДОМРАЧЕВУ Е. Л.— машинисту подъемных машин комбината «Интауголь» (г. Инта, Коми АССР); ЗАКОМЛИСТОВОЙ В.— школьнице (пос. Приютово, Башкирская АССР); ИВАНОВОЙ Н. И. — продавщице (г. Нарва, Эстонская ССР); КИСЕЛЕВУ О. И.— старшему технику-технологу завода «Красный молот» (г. Грозный); ЛИВШИЦУ В. М.— преподавателю Белорусской сельскохозяйственной академии (г. Горки, Могилевская обл.); МАЛАХОВУ Н. С.— инженеру (г. Кишинев); МАХКАМОВУ А.— студенту (г. Исфара, Таджикская ССР); МИРОШНИЧЕНКО М. А.— медсестре (г. Ха-

«МНЕ ПО ДУШЕ ПОЛЬША»

Конкурс «Моя встреча с Польшей» вызвал большой интерес у читателей «Огонька». Мы получили сотни писем, авторам которых было что рассказать о Польше, нашем соседе и друге, о том, как много связывает их с братским народом.

Среди работ, поступивших в редакцию,— альбомы, книги, коллекции марок и даже монет. А Лия Тылинская, школьница из Иркутска, прислала нам куклу, одетую в польский национальный костюм.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию работу девятиклассника Руслана Бушкова из села Мари-Турек, Марийской АССР. Он прислал в редакцию свой первый фоторепортаж.

...Дома из польских товаров я ничего не нашел и страшно огорчился. И вдруг — какая радость! — извлекаю из глубины шкафа коробочку с надписью «Изготовлено в Польше». В ней оказалась мазь — оксикорт. Я вспомнил, что зимой, когда у меня болели глаза, врач прописал это средство, и оно здорово помогло. Находка привела в районную аптеку, где я увидел длинный список имеющихся здесь польских лекарств. Значит, и польские фармацевты стоят на службе здоровья моих земляков.

Жители нашего села с удовольствием покупают товары, сделанные в Польской Народной Республике. В центральном универмаге Мари-Турека я сделал эти снимки. В тот день в продаже были чемоданы, сумки, мужские костюмы и лодзинская ткань. Каждому, кто покупал эти вещи, нравились их отделка, приятный внешний вид и добротность.

...Я не был в Польше. Но благодаря конкурсу «Огонька» я все-таки путешествовал по этой стране не неделю, не месяц, а целых 66 дней! Первое знакомство с ней состоялось в школе. Учительница географии дала всем задание собирать материалы о какой-либо стране. Одному захотелось взять ГДР, другому — Болгарию, а мне по душе была Польша. Ребята прозвали меня «специалистом по Польше». Я-то знаю, что еще не стал им.

И вот ваш конкурс. Трудными были его вопросы, но зато я узнал намного больше, чем написано в учебнике, и действительно стал в какой-то мере «специалистом» по этой стране. Спасибо!

Руслан БУШКОВ

село Мари-Турек,
Марийская АССР.

ЯЕМ КУРСА!

бaровск); НИГМАТУЛЛИНУ К. Х.— фотографу (г. Казань); ОВСЯННИКОВУ Н. С. и РОМАНОВУ С. В.— рабочим (г. Москва); РЕШЕТНИКОВОЙ И. Л.— студентке машиностроительного института (г. Ворошиловград); СОЛОМАТИНУ В. П.— военнослужащему (Читинская область); супругам ТЕРЕНТЬЕВЫМ Л. В. и М. П. (с. Ныда, Ямало-Ненецкий национальный округ); ТЫЛИНСКОЙ Л.— школьнице (г. Иркутск); ФЕДОРОВУ Н. Н.— пенсионеру (г. Москва); ШАКИРОВОЙ В. М.— технику-гидрологу (г. Ташкент); ШАРИПОВУ Р. А.— сельскому строителю (с. Ташлак, Узбекская ССР).

Жюри конкурса поздравляет победителей и сообщает, что лауреаты первой премии совершат поездку в ПНР в октябре этого года. Остальные награды будут разосланы победителям в ближайшие два-три месяца.

Лучшие из присланных на конкурс работ будут переданы Обществу польско-советской дружбы и отправлены в Варшаву.

Документы, снимки, которые участники конкурса просили выслать обратно, редакция вернет к ноябрю этого года.

Поздравить с покупкой!

На любой вкус!

ВО ИМЯ МИРА

«Трудные дороги мира» — так называется кинолента, созданная режиссером А. Колошиным на Центральной студии документальных фильмов по его совместному с К. Лавровым сценарию.

Главная тема кинофильма — осуществление Программы мира, принятой XXIV съездом партии.

В фильме запечатлены встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями США, Франции, ФРГ, Индии и других стран, ставшие важными вехами упрочения мира между народами, ярким доказательством претворения в жизнь ленинских принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Мы видим на экране представителей зарубежной общественности и деловых кругов; все они высоко оценивают вклад КПСС в дело сохранения мира. Американский промышленник А. Хаммер, в свое время встречавшийся с Владимиром Ильичем Лениным, отмечает в киноинтервью:

— Ленин говорил, что сосуществование двух систем возможно и необходимо. Примечательно, что Л. И. Брежнев проводит ту же самую политику мирного сосуществования: он действительно идет по ленинскому пути.

Борьба за мир — незыблемая основа внешнеполитического курса СССР. Достаточно вспомнить, что первым декретом Страны Советов был Декрет о мире. Неслыханной ценой отстаивал и в последующие годы наш народ право на мирный труд — именно об этом рассказывают кадры кинохроники военных лет... Напоминая о прошлом, они красноречиво говорят: ужасы войны не должны повториться, мир должен быть сохранен, а это требует от всех людей доброй воли активного противоборства силам милитаризма и реакции.

Все страницы кинодокумента пронизаны словами товарища Л. И. Брежнева: «Хочешь мира — проводи политику мира, борись за эту политику!».

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Не было в жизни польского народа события крупнее и радостнее, чем провозглашение 30 лет назад народной власти. Этой дате была посвящена юбилейная выставка в Москве — самая крупная зарубежная экспозиция Польши. За месяц ее посетили миллион двести тысяч человек.

Вместе с входным билетом я получил значок, на котором изображена эмблема выставки. У большинства посетителей ВДНХ — такие же значки. Шесть бело-красных лепестков расцвели на вышитой украинской рубахе и полосатом туркменском халате. С достижениями социалистической Польши познакомились не только москвичи.

Взгляд привлекает огромный, в натуральную величину гребной винт. На стендах — модели кораблей. Судостроение. В нем история Польши. Рудоуглевоз «Солдек» — малютка рядом с «Маршалом Буденным». «Солдек» — первое польское океанское судно. «Маршал Буденный» — гигант водоизмещением в сто с лишним тысяч тонн, строящийся по советскому заказу на верфи в Гдыне.

По тоннажу спускаемых ежегодно на воду рыбопромысловых судов республика занимает ведущее место в мире.

Науке и технике — впервые в истории польских выставок — был отведен особый раздел. Стойко отбивала «атаки» посетителей электронно-вычислительная машина «Р-30». За пять секунд она отвечала на любой из ста вопросов, указанных на табличке. «Р-30» принадлежит к единому ряду ЭВМ, разработанному странами СЭВ, и создана польскими и советскими конструкторами.

Самые крупные экспонаты разместились под открытым небом. Посетители с интересом наблюдали за работой экскаватора. Движения ковша экономны и точны: должно быть, ими управляет умелая рука. Но... кабина пуста. Сигналы посылаются по радио. Такие машины незаменимы в сложных условиях работы: управлять ими можно с расстояния до трех километров. На соседней площадке — «М-15», первый в мире реактивный самолет для сельского хозяйства, плод польско-советского сотрудничества. Застыли тысячесильные тягачи, семейство польских «фиатов»...

Миллионному посетителю выставки «30 лет социалистической Польши» слесарю-сборщику завода имени Владимира Ильича М. И. Кисину вручено приглашение посетить ПНР.

Выставка эта — визитная карточка сегодняшней Польши. Свидетельство преобразующей силы социализма, успехов страны, шагающей в дружном строю социалистических государств.

Б. ЛАБУТИН

Интервью «Огонька»

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Академик Ф. В. КОНСТАНТИНОВ, президент Философского общества, академик-секретарь отделения философии и права АН СССР

Главная проблема современности, которая волнует народы,— это прежде всего борьба за мир и мирное сосуществование двух противоположных систем, за разрядку международной напряженности, против сторонников «холодной» и «горячей» войны, сил милитаризма, гонки вооружений. Все идеологические и теоретические проблемы, от вопросов философии и социологии и до политических теорий, прямо или косвенно связаны с этой проблемой. Борьба за мир и социализм — та ось, вокруг которой вращаются все другие проблемы нашего века.

На XXIV съезде Коммунистическая партия Советского Союза выдвинула Программу мира. Политику мира, столь важную для судеб всех народов, последовательно проводят Советский Союз, наша партия во главе с Леонидом Ильичом Брежневым.

Великий учитель и вождь Владимир Ильич Ленин, партия большевиков еще в канун первой мировой войны подняли знамя борьбы за мир и социалистическую революцию. Под этим знаменем КПСС создала и сплотила великую армию борцов против войны. Война в наш век ядерного оружия представляет великую опасность для народов, для самой жизни на земле. Вот почему борьба нашей партии, борьба всех социалистических стран за дело мира, за разрядку международной напряженности, разоружение имеет всемирно-историческое значение: она выражает коренные интересы всех народов. Знамя борьбы за мир собирает вокруг себя сотни миллионов людей.

Программа мира вытекает из природы нашей партии, из социалистического строя, сущности марксистско-ленинской философии. Ведь еще Карл Маркс писал, что когда победит социализм и властелином мира будет труд, придет конец войнам: «...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»

Только учение Маркса — Ленина дает глубокое научное обоснование перехода от капитализма к социализму как закономерного явления, подготовленного всем предшествующего развития общества и противоречиями капитализма. Мировая социалистическая система — это то, к чему придут в конце концов все народы, а марксизм-ленинизм — их компас на этом пути. Именно поэтому вся энергия, весь огонь со стороны идеологов буржуазии сосредоточены на критике марксизма-ленинизма.

Сложные формы приобретает ныне эта борьба — прямые, открытые, и косвенные, завуалированные, но любые удары наших противников не имеют исторической перспективы.

Сейчас в философии капиталистического общества нет единого направления, которое могло бы противопоставить себя диалектическому и историческому материализму. Одно время модным был (да еще остается сейчас) так называемый экзистенциализм. Сторонники его — немецкие философы Ясперс, Хайдеггер и французские — Сартр и Камю. Но это направление неоднородно. Оно включает в себя так называемое «левое» крыло — во главе его стоит Сартр, ныне смыкающийся с маоистами,— и «правое», возглавляемое Хайдеггером, сотрудничавшим в свое время с фашистами.

Другое направление в буржуазной философии — позитивизм со всеми его разновидностями. Одна из характерных его черт — отрицание объективных законов в природе и обществе. И крайне правое направление буржуазной философии — это неотомизм, основы которого были созданы еще в средние века Фомой Аквинским; ныне это учение пытаются приспособить к современным условиям, примирив религию и науку, веру и знание.

Буржуазные философы, критикующие марксизм, хвастаются перед сторонниками диалектического материализма тем, что в буржуазном обществе существует множество философских направлений, а в Советском Союзе лишь одно — диалектический материализм. Но многообразие философских школ вовсе не достоинство, а признак разброда и наличия различных социальных сил, противостоящих друг другу. Заблуждений, ошибочных взглядов, тенденций может быть много, а истина лишь одна. В каждую историческую эпоху передовой философией, отражающей коренные проблемы времени, была лишь та, которая наиболее полно выражала назревшие исторические задачи. Так, в канун Великой Французской революции XVIII века передовой, революционной философией являлась материалистическая философия Дидро, Гольбаха, Гельвеция, а также Руссо и Вольтера. В Германии в канун буржуазной революции возникла немецкая классическая буржуазная философия Канта, Фихте, Гегеля.

Передовой, революционной философией, созданной в середине XIX века Марксом и Энгельсом и творчески развитой далее в XX веке Лениным, является философия диалектического материализма. Она представляет собой выражение и отражение современной революционной эпохи, ее великих проблем. Эта философия в корне враждебна догматизму, ибо ее сердцевину составляет материалистическая диалектика.

Наша революционная эпоха носит ярко выраженный диалектический характер, то, что можно назвать диалектикой в действии. Поступательное развитие в целом в ряде звеньев сменяется иногда некоторым спадом или даже зигзагом, движением назад. Примером могут служить события в КНР, расцвет там шовинизма, антисоветизма, братание с самыми реакционными силами современности.

Только марксистская диалектика в состоянии отразить и объяснить этот сложнейший процесс развития, полный различных противоречий.

Метафизические концепции, распространенные в буржуазной философско-социологической мысли, носители которых боятся революционных процессов как огня, хотели бы уложить сложнейшие социальные процессы современности в прокрустово ложе плоско-эволюционных теорий.

Социологическим выражением этих взглядов являются модные на Западе теории «индустриального» и «постиндустриального» общества, созданные Ароном во Франции, Беллом, Бжезинским, Ростоу в США. Буржуазные социологи выдвинули эти теории в противовес историческому материализму, который, как известно, рассматривает общество как исторически изменяющуюся категорию в виде целостной системы общественных отношений, среди которых определяющими являются производственные отношения. Теория же «индустриального» общества в качестве основного фактора берет не производственные отношения, а индустрию, технику и науку. Она игнорирует всю сложность социальной структуры, движущие силы и реальные закономерности общественного развития. Как буржуазную альтернативу коммунизму, социологи этого направления выдвигают «постиндустри-

альное» или «технотронное» общество. Например, Д. Белл откровенно заявил, что вся социология XX века, в сущности, представляет собой диалог с Марксом, а современные социологи, теоретики «постиндустриального» общества — это постмарксисты. Частица «пост» здесь означает «после» марксизма, а с наших позиций — его извращение, опошление, приспособление к потребностям, вкусам буржуазии некоторых положений марксизма о роли техники.

Живые люди, общественные классы, собственность, отношения людей в процессе производства — все это игнорируется. Таким путем пытаются стереть принципиальную разницу, антагонизм двух противостоящих друг другу социально-экономических систем — социализма и капитализма. Вроде бы и тут и там — «индустриальное» общество, а то, что (самое главное!) формы собственности различны—с точки зрения буржуазных теоретиков несущественно; то, что при капитализме цель производства — ненасытная жажда прибыли, накопление прибыли любой ценой, а при социализме— благо народа, удовлетворение насущных потребностей общества, неважно.

Интересно, что еще в начале нашего века Владимир Ильич Ленин, критикуя буржуазных теоретиков Струве, Бердяева, Булгакова, характеризовал их воззрения как отражение марксизма в буржуазной литературе. Современные буржуазные социологические теории «индустриального», «постиндустриального» или «технотронного» общества — это не менее уродливое, вульгарное, карикатурное отражение марксистского учения о роли индустрии, техники в развитии общества.

Характерной особенностью марксизма является исторический подход: каждая общественная формация рассматривается с точки зрения ее возникновения, развития и неизбежного перехода к другой, высшей формации. Этот переход носит революционный характер, и революцию осуществляют передовые классы.

Теоретики «индустриального», «постиндустриального» или, как у Бжезинского, «технотронного» общества (производное от слов «техника» и «электроника») ставят своей задачей доказать, что капитализм вечен. Правда, в наш век, когда все в мире находится в развитии, трудно защищать капитализм как нечто неизменное. Поэтому им приходится соглашаться, что он изменяется, но как?

Все их утверждения, что изменилась природа капитализма, его сущность,— чудовищная ложь. Конечно, капитализм промышленный, каким он был в XIX веке, сменился монополистическим капитализмом. Утвердилось господство гигантских монополий с их всевластием в экономике, социальной жизни, политике, духовной сфере. Для современного капитализма характерен углубляющийся, растущий антагонизм пролетариата и буржуазии. Вот это-то и пытаются скрыть, замолчать, затушевать теоретики «индустриального» общества.

Однако их усилия тщетны. Растущая классовая борьба в корне опровергает все теоретические хитросплетения апостолов буржуазного общества.

Меня могут спросить, ведь мировая система социализма ныне существует не только в теории, но и в реальной жизни. Как же оценивают этот факт буржуазные фальсификаторы?

Как уже говорилось, они пытаются представить капитализм и социализм тождественными системами единого «индустриального» общества. Такой подход служит открытой, а иногда замаскированной проповедью пресловутой теории конвергенции. Сторонники этой теории надеются, что социалистическое общество и капитализм под воздействием научно-технической революции изменятся, приобретут общие черты и в конце концов сольются в единое «постиндустриальное» общество.

Теория конвергенции не учитывает коренной противоположности двух социальных систем — социалистической и капиталистической, противоположности, определяющейся способом производства, классовой структурой и всеми вытекающими отсюда законами экономического, политического и социального развития. Она рассчитана на дезорганизацию социалистических сил и на защиту капитализма, его устоев.

Однако сейчас более дальновидные идеологи буржуазии под влиянием реальных фактов уже отказались от этой теории. Конвергенции «индустриальных» обществ, пишут эти буржуазные социологи, мешает противоположность политического строя и различие господствующих тут и там идеологий.

В этой связи ими выдвинут новый лозунг — «долой идеологию». Конечно, речь идет не об идеологии вообще и не о буржуазной идеологии, частью которой, несомненно, являются и теории «индустриального» общества. Авторы так называемой теории деидеологизации хотели бы деидеологизировать лишь социалистическое общество, социалистические страны и коммунистические партии, иными словами, идейно разоружить их.

Теории «индустриального» общества, теория конвергенции и теория деидеологизации внутренне связаны друг с другом и представляют собой формы идеологической, теоретической борьбы против стран социализма, против марксизма-ленинизма как самого влиятельного мировоззрения современности.

Человечество волнуют вопросы не только настоящего, но и будущего. Сейчас возникла специальная дисциплина — футурология. Представители футурологии строят различные прогнозы о том, что ожидает народы, человечество через 20, 30, 50 лет. «Мир в 2000 году» — под таким названием выходит много книг, статей. Экономические, социологические и философские прогнозы о будущем в капиталистических странах часто носят пессимистический, мрачный характер.

Например, в нашей печати было опубликовано эссе выдающегося немецкого ученого-физика Макса Борна. Его размышления проникнуты чувством пессимизма, тревоги в связи с отрицательными последствиями научно-технической революции в западных странах.

Глубоким пессимизмом проникнуты выступления маститого английского историка Арнольда Тойнби. Его волнует упадок нравственности, кризис духовной культуры. Эта же черта характеризует автора книги «Революция надежды» Фромма — американского социолога. Другой американский социолог, Тоффлер, назвал свою книгу «Футурошок» — шок перед будущим. Даже такой яростный защитник капитализма, как Арон, пишет свое «Разочарование в прогрессе». В этой книге нашли отражение события конца шестидесятых годов во Франции, Италии и других капиталистических странах.

Объясняется это прежде всего тем, что научно-техническая революция, по мнению руководителей и идеологов капиталистического мира, могла разрешить все противоречия, вылечить все болезни и язвы буржуазного общества. Но, как показала жизнь, научно-техническая революция не только не разрешила старые противоречия и антагонизмы капиталистического общества, а, наоборот, обострила эти антагонизмы. Мало того, она породила новые противоречия, прежде всего относящиеся к положению человека, личности в капиталистическом обществе, где эта личность обезличивается, превращается в автомат, в «технического человека», в винтик гигантской производственной и социальной машины. Силы, созданные человеческим гением, разумом, словно в результате какого-то злого заклинания, обращаются против самого человека — творца науки и техники.

Все это вызывает чувство тревоги, растерянности среди определенных кругов честной, мыслящей интеллигенции капиталистических стран. В свете этого следует рассматривать и теории «индустриального» общества и конвергенции как выражение и социальный заказ властителей капиталистического мира. Эти теории призваны усыпить умы, поработить души, дать некую ложную ориентацию в бурном океане социальной жизни.

Как показал исторический опыт нашего великого века, только теория марксизма-ленинизма выдержала историческую проверку временем и революционной практикой. Только она дает ответы на великие проблемы эпохи: где, в чем заключены коренные противоречия нашего времени, где главные силы, способные их разрешить, как обеспечить прочный мир, мир без оружия и войн для больших и малых народов, каков путь к социализму и коммунизму. В этом заключается сила и жизненность великой марксистско-ленинской теории, ее философии.

ЭФИОПИЯ: НА ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ

По столице Эфиопии Аддис-Абебе, что в переводе означает «новый цветок», разъезжают на вооруженных пулеметами «джипах» патрули, одетые в полевую форму...

Движение за обновление Эфиопии началось в феврале этого года, когда вслед за забастовкой преподавателей, водителей автобусов и таксистов Аддис-Абебы, армейские части, расположенные в Эритрее, северной провинции Эфиопии, подняли мятеж.

Солдаты потребовали отставки продажного правительства Аклилу Абте Вольда, борьбы против голода и нищеты, а также реформ, которые подняли бы средневековое общество Эфиопии на уровень XX века.

Военные ввели комендантский час, захватили радиостанцию, аэродром, банки. Вооруженные силы Эфиопии фактически полностью взяли в свои руки контроль над положением в стране. За последние пять месяцев арестовано более 150 бывших министров, губернаторов провинций, высших государственных чиновников и других лиц, обвиняемых в коррупции и злоупотреблении властью. Взяты под стражу министр обороны генерал-лейтенант Аббий Абебе и командующий императорской гвардией генерал-майор Тафессе Лемма.

Для рассмотрения дел арестованных создана специальная следственная комиссия из представителей правительства, парламента, армии и полиции.

По требованию координационного комитета вооруженных сил Эфиопии произошла смена главы правительства. Вместо вышедшего в отставку Энделкачеу Маконнена император Хайле Селассие I назначил новым премьер-министром Микаэля Имру, видного политического деятеля Эфиопии.

Первым конкретным актом деятельности нового кабинета во главе с Микаэлем Имру стало обнародование проекта конституции Эфиопии. Она предусматривает установление в стране конституционной монархии. Национальное собрание будет состоять из двух палат. Возрастной избирательный ценз сокращен с 21 до 18 лет. Премьер-министр, избираемый на 4 года, ответствен перед парламентом. Конституция гарантирует расширение гражданских прав народа. Предусматривается серия мер по упорядочению системы землепользования, налогообложения и оздоровлению экономики.

Эфиопская общественность с удовлетворением встречает предпринимаемые правительством и координационным комитетом шаги, направленные на осуществление программы реформ.

В. ДУНАЕВ

Демонстрация студентов в Аддис-Абебе.
Фото из журнала «Штерн».

ВЕЧНО В СТРОЮ

Борис ПОЛЕВОЙ

Когда, вспоминая, я думаю о моем давнем и добром друге художнике Николае Николаевиче Жукове, которого уже нет среди нас, в памяти всплывает такая картина.

Разгар Сталинградской битвы. Хмурая, осенняя Волга, в которой отражаются дымы негаснущих пожарищ. Знаменитая 62-я армия. Переправа, обстреливаемая с воздуха и из-за реки. Балочка безымянного ручья, впадающего в реку, и тихая нервная человеческая суета в этой балке.

Здесь, под защитой глинистых откосов, скапливаются для переправы подразделения сибиряков, перебрасываемые из фронтового резерва за реку, в пекло незатухающей битвы. Сейчас они здесь, в пестрой осенней зелени Ахтубинской поймы, а через малое время под обстрелом пересекут реку и сразу же окажутся на передовой среди закоптелых развалин, над которыми не уставая гуляет смерть.

На берегу у причала принимает на борт части пополнения старенький, видавший виды израненный речной трамвайчик, а рядом на столбе дощатый круг навигационного знака, тоже обрызганный осколками. Вместо знака на нем теперь плакат: солдат в пилотке лежит у пулемета, нажимая гашетку. Он ведет огонь, этот пожилой солдат, и на лице его, напряженном до судороги, такая ярость, что ясно — он стоит насмерть, никто и ничто не оторвет его от боевой работы. Я не помню слов, написанных на плакате. Зато отчетливо вспоминается, что вокруг все время до самой погрузки в тихом, сосредоточенном созерцании теснились солдаты, как бы подзаряжая свои нравственные аккумуляторы перед тем испытанием, которое ждало их в пылающем, громыхающем городе за хмурой, озябшей рекой.

И еще отчетливо помню, что в нижнем уголке под рисунком стояли две такие знакомые мне буквы «Н. Ж.», означавшие: Николай Жуков.

Сколько графических листов, картонов, сколько портретов, зарисовок, иллюстраций, плакатов, сколько тончайших акварелей оставил этот человек, уходя из жизни. Они надолго останутся жить, и с ними — автор, умевший вкладывать в любую работу частицу самого себя, свою душу, свою мысль, мечту. Вероятно, поэтому и сейчас трудно говорить о нем в прошедшем времени. Перо не поднимается написать «он был». И образ его, жизнерадостный образ веселого, подвижного, деятельного, немножко суетливого, но при всем том организованного, целеустремленного, доброго, отзывчивого человека с незатухающей юмористической искрой в узеньких зорких глазах, живо встает передо мной, как только увижу я эти буквы — «Н. Ж.»

Мы познакомились с ним на Калининском фронте в суровую вьюжную зиму сорок первого года. В какой-то дивизионной газете увидел я боевые зарисовки, исполненные необыкновенно точным и четким пером. Они сразу привлекли внимание не только мастерством исполнения, но особым, зорким проникновением во фронтовой быт. Подпись ничего еще мне тогда не говорила. Заехал в редакцию, поинтересовался:

— Кто это у вас так здорово рисует?

— Как, вы не знаете? — с удивлением и даже с некоторой обидой переспросил редактор.— Николай Жуков, тот самый, что иллюстрировал книгу «Воспоминания о Марксе».

И сразу припомнились действительно очень интересные рисунки, убедительно вводившие нас в середину прошлого столетия, в эпоху Маркса и Энгельса. Разумеется, захотелось познакомиться с художником.

— А он в редакции не сидит, всегда в частях, там, где горячо. Последние рисунки попутный офицер связи привез из...— Редактор назвал деревню. Мы отыскали ее на карте; это было место, где в те дни шли ожесточенные бои.— У него принцип,— продолжал редактор,— что-то вроде идеи-фикс: все надо видеть своими глазами. Между прочим, научился рисовать в теплых рукавицах, булавкой прикрепляет к ним карандаш.

— Почему же в рукавицах? — задал я нелепый вопрос.

— Холодно. Костров на передовой не зажигают.

Знакомство наше тогда так и не состоялось. Оно произошло позже, весной, когда Политуправление фронта, при котором теперь уже состоял Н. Жуков, находилось в маленькой тверской деревеньке Ульяновка.

В те дни я только что вернулся из немецкого тыла, из непокорившихся сел, продолжавших жить в тылу врага по советским законам, из партизанских деревень, прятавшихся в болотном краю, куда неприятель и носа не показывал. Был канун Первого мая. Я летал туда, к этим непобежденным людям, чтобы забрать их коллективное письмо, адресованное Центральному Комитету партии, в котором они повествовали о своем нелегком, но героическом житье-бытье. А вернувшись к себе «домой», то есть в Ульяновку, узнал, что художник тоже только что вернулся от партизан, но с другого направления. И увидел я его в полной партизанской справе, в ватнике, в какой-то бараньей шапчонке с торчащими в разные стороны лохматыми ушами, загорелого, небритого, в разбитых кирзовых сапогах, с волосами, нависающими сосульками над высоким, не тронутым загаром лбом, напоминавшего одного из тех героических партизан, с которыми я только что встречался.

И тут мелькнула мысль: а что, если к коллективному письму, которое завтра повезу в «Правду», попросить его сделать иллюстрацию?

— Ну а срок? Вчерашний день, наверное? — не без иронии спросил он.

— Не вчерашний, но завтрашний. К утру рисунок должен быть готов: самолет в Москву вылетит на заре.

— Ну что ж, попробуем,— согласился новый знакомый и рассыпал на столе целый веер зарисовок на обрывках бумаги, на обложках школьных тетрадей. Зарисовки были торопливые, сделаны явно в спешке, тем не менее поражала точность, лаконичность линий, зоркость художественного видения.

— Сделаю. Но попрошу создать для меня творческие условия,— произнес он, хитро поблескивая узенькими своими глазами и складывая в трубочку пухлые губы.

— Что за условия?

— Над душой не стоять и в затылок мне не дышать... Гуляйте там, на улице.

Утром, когда на посадочной площадке уже трещал мотор вездесущего самолета «У-2», который должен был отвезти в Москву письмо непокоренных моих земляков, я появился перед окном жуковской обители. В глубине виднелась кудрявая голова, опущенная над столом. Потом в окне появился и сам Жуков. Отставив руку, прищурился на свое произведение, подмигнул сам себе и, протянув мне рисунок, заявил:

— Вези, а я пошел спать.

Сидя в кабине самолета, я не раз осторожненько, чтобы встречный ветер не вырвал и не унес, развертывал и рассматривал этот довольно известный теперь рисунок, помещенный в свое время на первой странице «Правды» под названием «Утро в партизанском лесу»,— сложную, добрую и точную во всех деталях композицию, как бы сфокусировавшую в себе десятки эскизов, торопливо набросанных на клочках бумаги и на обложках ученических тетрадей.

В дни войны художник был неутомимым воином, яростно сражавшимся с оккупантами силой своего профессионального оружия. Из-под острого его карандаша выходили зарисовки, книжные иллюстрации, листовки — очень точные, обращенные к сознанию немецких солдат. И, наконец, плакаты, подобные тому, что видел я у сталинградского причала.

Николай Жуков воевал неутомимо. Тридцать лет он был бессменным руководителем студии военных художников имени славного баталиста, певца гражданской войны Грекова. Он собрал вокруг нее целое «соединение» молодых художников, которые учились, совершенствуя мастерство, и вместе со своим командиром искусно сражались с

Н. Жуков. В РАЗЛИВЕ.

Н. Жуков. ЛЕД ТРОНУЛСЯ.

врагом пером и кистью. У Николая Жукова трое хороших детей, но студию Грекова он всегда считал самым беспокойным и самым любимым своим детищем, отдавая ей все свободное время.

Было вполне логично и закономерно, что этого неутомимого художника-солдата после войны командировали в немецкий город Нюрнберг, где победившие народы судили главных преступников второй мировой войны. Я прилетел на этот процесс с небольшим опозданием, когда Жуков со своей, щедро отпущенной ему общительностью, или, как говорят теперь, коммуникабельностью, уже врос в международный журналистский быт, завел себе множество друзей, а главное, успел сделать серию зарисовок основных подсудимых.

Помнится, меня сначала больше всего поразила их обыденная внешность. На первый взгляд это были весьма даже респектабельные господа, военные с хорошей выправкой, почтенные бюргеры, отцы семейств. Но в тот же день Николай Николаевич, который здесь в дружеском кругу уже приобрел на американский лад прозвище Кока-Кола, извлек из папки свои рисунки. Сохраняя с большой точностью портретные черты, художник сумел вытащить откуда-то из душевных глубин и зафиксировать истинную сущность всех этих господ, сорвать с них маски обыденной благопристойности. И вот сила настоящего искусства: в зале суда ничто не изменилось, но я уже видел подсудимых такими, как запечатлел их неутомимый Кока-Кола.

Там, в Нюрнберге, начал я писать книгу об Алексее Маресьеве, идею которой вместе с тетрадкой записей проносил с собой почти всю войну, с самой Курской битвы. Помнится, написав первые страницы, распираемый нетерпением поскорее выложить на бумаге все, что давно созрело в голове, рассказал я Жукову одиссею необыкновенного летчика.

Мы гуляли с ним по аллее парка карандашного короля Иоганна Фабера, во дворце которого располагался тогда пресс-кэмп — в буквальном переводе лагерь прессы,— где обитали в дни процесса журналисты всех стран света. Стоял мягкий баварский март, подснежники, крокусы выклевывались наружу, поднимая серый слой прошлогодней листвы. Пылили сережки орешника, и, сбросив снежные одеяла, просыпалась земля, дыша в лицо бражным ароматом прелой травы.

— В самом деле, очень интересный сюжет... Напишешь — возьмусь иллюстрировать.

С этого дня утром, когда мы встречались у умывальников, он вместо приветствия спрашивал:

— Ну как, идет? Какую главу смолишь? Что теперь делает твой летчик?

Он сдержал слово. Взялся иллюстрировать книгу. И тут, часто встречаясь, наблюдая за его работой, я постиг, с какой страстью трудится этот жизнелюбивейший мастер. Не доверяя воображению, он искал и находил людей, похожих внешне, по характеру на того или другого героя. Живого Алексея Петровича Маресьева он изрисовал вкривь и вкось. Иногда, отвечая на телефонный звонок, я слышал возбужденный голос:

— Здравствуй! Радуйся, нашел Зиночку! Великолепная Зиночка. Заглядишься...

Долго не давался ему профессор Василий Васильевич. Было сделано несколько эскизов с разных людей, сделано и отброшено: не то, не то. И, наконец, измученный поисками, спросил:

— Ты-то с кого писал? Есть такой человек на белом свете?

— Есть. Мой земляк профессор Успенский. Живет в Калинине, в Москву наезжает читать лекции студентам. И очень нечасто.

— Едем в твой разлюбезный Калинин.

Помнится, в те дни я был занят. Ехать было не с руки. Но Жуков, если он чем-то увлекался, был просто неотразим.

— Если есть такой человек, немедленно к нему едем. Калинин не Владивосток. Что значит четыре часа езды?

И действительно поехали. Уломали старика позировать, и целый вечер Жуков провел с ним в разговорах, делая один набросок за другим. На обратном пути он довольно потирал руки, подмигивал, глаза его хитро сияли, полные губы складывались в трубочку:

— Ну что, разве зря потеряли время? Теперь я твоего Василия Васильевича, закрыв глаза, нарисую.

Он был необыкновенно жаден до жизни, до людей. В кармане его всегда была папочка с бумагой. Иногда, казалось бы, в самый неподходящий момент, он доставал ее и набрасывал что-то, его заинтересовавшее. Раз сидели мы с ним рядом в президиуме торжественного заседания. Положив свою папочку на колени, он, не стесняясь, колдовал над ней. И подвижное лицо его при этом сохраняло маску внимания. А он зарисовывал... нос председателя, чем-то показавшийся ему интересным. Потом потихоньку пояснил:

— Посмотри, какие у него распахнутые ноздри. Наверное, таким был нос у гоголевского Ковалева.

«Повесть о настоящем человеке» иллюстрировали в разное время девятнадцать отечественных и зарубежных художников. Среди них были замечательные мастера книжной графики. И все же лучшие рисунки вышли из-под руки Николая Жукова. Говорю я это не потому, что в свое время он получил за них Государственную премию: каждый лист этой серии может и сейчас жить вне книги, самостоятельной жизнью.

То же можно сказать и о рисунках для книги «Современники», которая появилась в результате нашей с ним поездки на строительство Волго-Донского канала. В ватнике, в сапогах-бахилах, в старенькой кепчонке, которую обычно носил в кармане, Жуков был неотличим от строителей. В погоне за интересовавшим его персонажем залезал в будку экскаватора, карабкался на леса и однажды — что было совсем уже удивительно для его возраста и положения — рисовал панораму строительства... со стрелы башенного крана. Помнится, оттуда, с этой «позиции», и снял его инженер С. Я. Жук. Жили мы с этим знаменитым гидростроителем в одном домике. Потом, за столом, он пенял мне:

— Вы бы хоть присматривали за вашим другом. Свалится, мы все бед не оберемся. Искусство нам этого не простит.

Неутомимо трудолюбивый, художник из любого путешествия, из любой поездки привозил новые работы, новые рисунки и даже картины. С трудом уговорят домашние поехать отдохнуть на дачу — возвращается с папкой акварелей — цветы. Поехал в Чехословакию лечиться в Карловы Вары — вернулся с зарисовками городских и сельских пейзажей, жанровых сценок, набросками, портретами, из которых впоследствии выросла серия отличных иллюстраций к книге Фучика «Репортаж с петлей на шее». Густа Фучикова говорила:

— Никто, кроме Швабинского, не мог так рисовать Юлека, как Жуков. Но Швабинский — чех, а Жуков — иностранец. Как глубоко умеет он копать жизнь...

«Копать жизнь». Эта оговорка, по-моему, очень точна и в данном случае звучит лучше, чем «наблюдать», «видеть» или даже «вгрызаться».

Из туристской поездки в Италию он привез целую серию акварельных портретов итальянских партизан и борцов Сопротивления. В облике этих пожилых людей угадывались черты молодых, полных энергии, сил парней и девушек, которые тридцать лет назад наводили страх на фашистов и немецких оккупантов в горах Северной Италии.

Художнику трудно работать за пределами родины и родной среды. Пейзажи, натюрморты, жанровые сцены — все это можно разглядеть и в туристский бинокль. Но портреты — иное дело. Надо, по выражению Густы Фучиковой, «глубоко копать», чтобы передать характер и душу иноземного человека. В серии «Итальянские партизаны» Жукову это удалось. Сам взыскательный художник, писатель и сенатор Карло Леви, видевший эту серию и гордый тем, что когда-то он создал очень удачные портреты Твардовского и Эренбурга, говорил мне:

— Синьор Жуков сделал то, что должны были сделать мы. Наши партизаны пели вашу «Катюшу». Русский маэстро своими рисунками отдал им честь.

С особой полнотой раскрывается глубокий гуманизм и доброе сердце мастера в бесконечной серии «Дети», которую он пополнял до последнего своего дня. Кто-то сказал, что в отношении к детям определяется истинная суть человека. Рисунки, акварели, наброски— десятки листов, картонов серии определяют характер этого жизнелюбивого человека.

Он сам был отцом, и, находясь при исполнении отцовских обязанностей, не расставался с карандашом и бумагой. Каждый этап роста детей, начиная с самого нежного возраста, соответственно отражен в его работах. Это не только две его дочери и сын, не только собственные внуки: это их товарищи, подружки, вообще дети. И наши, советские, и те, которых художник наблюдал за рубежом, в дни своих многочисленных поездок.

Выполненную им сюиту детства, отрочества, юности, слагавшуюся многие годы, можно смотреть часами. Она лучится юмором, согревает человеческим теплом и сердечностью. Бывало, придешь к нему в студию, оборудованную в просторной мансарде большого дома в центре Москвы, усталый или в мрачном настроении, а он, увидев это, усадит на табурете и начнет поочередно класть на мольберт рисунки, лист за листом. И развеивается хмурое настроение, и проблемы, заботившие тебя, уже не кажутся неразрешимыми. Издать бы, думаю, весь альбом этих «детских» рисунков и рекомендовать для лечебниц, в качестве успокаивающего и исцеляющего лекарства.

Но главное в богатом и многообразном творчестве Жукова, то, что навсегда оставит его среди первых мастеров отечественного искусства,— серия работ, посвященных Ленину, приобретшая известность и любовь в нашей стране. Еще на Калининском фронте говорил он, что заветная его мечта — воссоздать образ Владимира Ильича.

— Вот довоюем, воткнем красный флаг где-нибудь в центре Берлина, и возьмусь я за эту тему, как следует возьмусь.

И взялся. В центре его художнических устремлений, его жизни, полной забот, все время оставался образ великого вождя пролетарской революции.

Мы вместе делали книгу «Наш Ленин», выступая как полноправные соавторы. Для меня она была самой трудной из всех, какие я написал, и заняла, несмотря на свои скромные размеры, около трех лет работы, поисков. Жуков посвятил этой теме без малого четверть века, трудился с любовью, тщательностью, старанием. Читал произведения Ленина том за томом. Сидел в ИМЭЛе над ленинскими документами, делал выписки, изучал фотоснимки. Он внимательнейшим образом познакомился со всеми воспоминаниями, какие только были изданы, завел знакомства, не боюсь даже сказать, подружился с ветеранами революции, которым посчастливилось работать с Владимиром Ильичем, общаться с ним или хотя бы наблюдать его.

Мне не забыть нашей встречи с В. Д. Бонч-Бруевичем. Жукова он принимал как доброго знакомого. Усадил нас в кресла, попросил принести чай с сушками. Художник, обжигаясь, глотал. Ему не терпелось услышать приговор по поводу новой серии рисунков, которую он принес на суд ветерану партии. И вот наконец листы разложены на полу: хозяину дома, страдавшему дальнозоркостью, так было удобнее и легче, как он говорил, их «изучать».

Неторопливо переходил он от одного рисунка к другому, а Жуков

жадно следил за его лицом, стараясь угадать впечатление. Все рассмотрев, Бонч-Бруевич вновь обращался к заинтересовавшим его работам, при этом выразительные глаза были взволнованными, растроганными. Казалось, что этот старый человек возвращается в свою молодость и перед ним оживают давние, дорогие сердцу события.

С полчаса продолжалось молчаливое изучение. Потом хозяин дома глубоко вздохнул, как бы отрываясь от воспоминаний, сел в кресло, протер очки, откашлялся.

— Неплохо. Кое-что совсем неплохо. Вот тут Ильич настоящий, живой, метко схваченный. И здесь и здесь... А тут,— он указал на несколько листов,— вы уж меня извините, голубчик мой, тут Ильича нет. Он был сама простота, а здесь будто позирует фотографу. Улавливаете? Неверная нота в хорошей песне. И этот жест: рука, выброшенная вперед и вверх. Никогда Ильич не принимал такой позы. Его любимый жест — рука от себя, он как бы отдает свои слова собеседнику, слушателям. Но в общем-то хорошо, поздравляю с удачей, голубчик. Доброе вы дело делаете, дорогой мой Николай Николаевич.

Сотни произведений составляют жуковскую Лениниану. Лучшие из них были представлены на последней его выставке в Музее В. И. Ленина в Москве. Он отбирал их придирчиво, беря лишь лучшие, испытанные временем. И все-таки экспозиция едва разместилась в двух больших залах.

Я был на ее открытии, но, как часто бывает на удачных вернисажах, ничего как следует рассмотреть не удалось: слишком много было народа. Вернулся неделю спустя, с утра, в самые тихие для музея часы.

Ходил от портрета к портрету, от рисунка к рисунку и наблюдал, как у многих работ посетители останавливаются подолгу, в задумчивом, созерцательном молчании.

Заглянул в книгу отзывов. Положительные, даже восторженные записи. Вот одна из них, сделанная не очень красивым почерком: «...И еще удивляет меня, как же получилось, что товарищ Жуков не видел Владимира Ильича, а нарисовал его, будто заглядывал в его кабинет или квартиру...»

Эти слова отразили, как мне кажется, секрет обаяния большинства рисунков. В своей многолетней работе над дорогим образом художник овладел так называемым «эффектом присутствия», сообщающим произведениям изобразительного искусства мощь эмоционального воздействия. Жуков так вжился в великую тему, что, вероятно, перед его мысленным взором Владимир Ильич возникал, как живой. И художник научился угадывать, что он сделал бы, как повел себя в тех или иных обстоятельствах. И лучшие вещи, действительно, будто сделаны с натуры. Особенно хороши те, которым придан вид беглых набросков: тут кажется, что видишь настоящее волшебство.

Последние месяцы жизни, когда больное сердце все чаще давало себя знать, Николай Жуков всю свою обширную Лениниану безвозмездно отдал в дар Москве, Музею В. И. Ленина. Сделано это было тихо, без торжественного шума. (Лишь после смерти появились на эту тему коротенькие заметки.)

А потом поехал с очередной выставкой своих произведений в Поволжье. Врачи не рекомендовали, но он отвечал:

— Ничего со мной не случится. А случится, лучше уж догореть огнем, чем коптить, как головешка. Нет-нет, я еще поработаю, у меня еще столько задумок...

Выставка в нижневолжском городе прошла с успехом. Сам же он, переутомленный дорогой, встречами, беседами с посетителями, заболел.

— Ты, говорят, слег? — спросил я его по телефону.

— А, ничего нового, зато какие зарисовки привез! Приходи завтра смотреть. И знаешь, как там, в Поволжье, люди интересуются искусством, а главное, разбираются.

В ту пору в «Юности» готовился номер, где была вкладка, посвященная творчеству великого нашего скульптора Андреева — мастера, которому посчастливилось в течение продолжительного времени лепить и рисовать Ленина с натуры. Жуков со свойственной ему душевной щедростью чтил этого замечательного ваятеля и графика. Работая над Ленинианой, он учился у Андреева. К кому же, как не к Жукову, обратиться с просьбой написать статью об андреевских работах, подумал я. Сказал ему об этом и тут же услышал жизнерадостный ответ:

— Здорово. Отлично задумано. До чертиков некогда,— он пулеметной очередью выпалил длинный список дел, которые его ждут,— но сделаю. Вот что: заходи завтра ко мне в мастерскую в одиннадцать ноль-ноль. Жду...

Это была последняя фраза, которую я слышал от Николая Жукова. На следующий день мне позвонила его жена, друг и помощница во всех делах и начинаниях, и дрожащим голосом сказала:

— Колечку ночью увезли. «Скорая помощь». Сильнейший приступ. Когда увозили, просил предупредить, что свидание переносится. Но статью об Андрееве обещал написать. Как только отдышится.

Статью о любимом скульпторе Андрееве он не написал.

Через несколько дней мы видели в газетах сообщение о его кончине и некролог в черной рамке. Со страниц газет смотрел его портрет: немолодой, бравый полковник с круглым, добрым, таким русским лицом. И даже на этих траурных фотографиях в уголках его глаз угадывалась невидимая, но как бы ощутимая жуковская улыбка.

Он, этот славный мастер, умер как солдат, выполняя боевой приказ своего времени. И хоронили его, как солдата. Гроб стоял в зале Центрального Дома Советской Армии. Сменялись наряды почетного караула, вместе с многочисленными почитателями его боевого, целиком отданного сегодняшнему дню искусства целыми подразделениями проходили военные, матросы, летчики. Гроб опустили в землю под звуки ружейного залпа. Он уходил из жизни, как солдат бессрочной службы, погибший при выполнении ответственного боевого задания своего славного времени.

ФЕНЯ, МАРИЯ, СТЕПАНИДА

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Постепенно повествование Федора стало обрастать подробностями, обилием мелких деталей и второстепенных, но чрезвычайно важных для рассказчика эпизодов, то есть наступил момент, которого больше всего опасался Точка; чтобы не быть разоблаченным, он с этой минуты должен следить за каждым своим словом и находиться в состоянии предельной внутренней сосредоточенности: сведения о том, где и в каких войсках служил Федор, Точке удалось заполучить всего лишь час назад у одного завидовца, который воевал в одной части с Федором и вернулся домой одновременно с ним, а сам Точка находился совсем на других фронтах: сперва на Волховском, позднее — на Втором Белорусском и по этой причине не имел ни малейшего понятия об эпизодах, о которых вспоминал сейчас с великим упоением его встревоженный и взволнованный собеседник. Потому-то, когда речь заходила о конкретном человеке, солдате, офицере ли, или о каком-нибудь румынском или венгерском населенном пункте, Точка скромно умолкал, не перебивал Федора, лишь изредка ронял неопределенное: «Ну да», «А как же!», «Хорошо помню!», «Еще бы!» — и подобные этим словесные туманности, с тем лишь, чтобы как-то поддерживать разошедшегося не на шутку фронтовика,— так обычно люди поддерживают костер, изредка подбрасывая в него сухие ветки. Охваченный лихорадкою воспоминаний, Федор, конечно, не замечал этой уловки, и Точка вполне мог бы быть спокоен, но его покалывала собственная совесть: правдивый во всем до крайности, не терпевший даже самого безобидного вранья, глубоко убежденный в том, что половина всех бед, время от времени обрушивающихся на людей, обрушивается на них оттого, что в житейском, человеческом общежитии наряду с правдой получила по чьему-то преступному недосмотру прописку и ложь,— убежденный в этом несокрушимо, Точка тем не менее принужден сейчас лгать. Ему меньше всего хотелось бы следовать известной формуле относительно того, что цель оправдывает средства, ибо не всякое средство и не всякая цель оправдывают такое сотрудничество, но у Точки не было иного способа сблизиться с человеком, который оказался в ужасном положении; а сблизиться надо было во что бы то ни стало, потому что человек этот нуждался в немедленной помощи. Внимательно слушая его рассказ и терзаясь душою, Точка мучительно отыскивал на этот раз точку опоры для самого себя, ту точку, которая хотя бы в малой степени могла успокоить его совесть. В конце концов вздох облегчения вырвался из его груди, это когда он вспомнил, что со временем признается Федору в своем обмане, расскажет ему всю правду, снимет таким образом грех со своей души, и произойдет это тогда, когда в жизни Федора все сколько-нибудь образуется, утрясется, войдет в более спокойные берега — не прежде. Кровь, которая было густо подступила к лицу Точки, сейчас отхлынула, оставив на лбу и в переносье лишь крупные капли пота,— незаметно для Федора он быстро смахнул их рукавом рубахи.

— Точка! Хватит, брат! — поднялся Виктор из-за стола.— Вот уж бабы коров выгоняют, не дали мы с тобой старикам и часа соснуть.

— Сидите, у нас с Ориной сон теперь воробьиный, на минуту прикроем глаз — и довольно,— успокоил их дядя Коля.

— Благодарим, но нам и вправду пора,— сказал Федор, явно сожалея, что должен был вернуться из привычного мира, которым он еще недавно жил как в мире жестоком, но реальном, а минутою раньше погрузился в него в своих воспоминаниях.

Почувствовав это, Точка пообещал:

Окончание. См. «Огонек» № 34.

— Мы еще с тобой, Федор, наговоримся. Приходи вечером ко мне. Вся ночь в нашем распоряжении. Приходи! Даша моя рада будет.

— Спасибо, друг!— немедленно согласился обрадованный Федор.— Обязательно приду. Куда ж мне...

— Вот именно, куда тебе?— быстро отозвался дядя Коля.— Оставайся у нас. Мы со старухой на печке, а тебе кровать свою супружескую ссудим. Мы уж, Федяшка, с Ориной теперь и не вспомним, когда лежали на ней. Ни к чему она нам, давненько отслужила она для нас свою службу. Так что раздевайся и ложись.

— Нет, дядя Коля, я пойду.— В голосе Федора послышались и непреклонность и нетерпение. Потому-то хозяин и сказал быстро:

— Ну иди, да смотри не бунтуй.

— Что ты, дядя Коля! Я теперь...

Федор вышел из избы раньше Точки, вышел, как уже сказано, с решительным намерением отыскать Марию, объявить ей сейчас же о своем прощении и увести вместе с ее сыном домой. И когда Екатерина Ступкина указала ему точный адрес, он бегом направился в Поливановку. Федор бежал и не знал, что туда же и в этот же самый час направлялся другой человек, и звали того человека Тишкою Непряхиным...

Не только Апрель, но никто на селе не мог бы и предположить, что Тишка отважится на такой шаг, что по доброй своей воле, очертя голову кинется в самое пекло. Но бывают моменты, когда и в заячьем сердце просыпается львиная отвага, только надо, чтобы сердца этого коснулась любовь — единственное, что способно сделать невозможное возможным. Нет, нет, речь тут идет не о Тишкиной любви к Марии Соловьевой, ее, собственно, никогда не было, что могли бы со всей очевидностью засвидетельствовать Тишкины же слова, брошенные им в минуту окончательного разрыва с Соловьевой. Он сказал тогда без малейшего сожаления и огорчения: «Что ж, Марея, завлека моя сердечная? Зад об зад, горшок об горшок — и наврозь? Так, что ли? Ну, и добро! Посмешили, потешили народ честной, да и довольно!»

Другое дело — Минька, этот черномазый, цыгановатый шкетенок, которого Тишка умудрился вылепить по образу и подобию своему: не отыщется, кажется, ни единой извилинки, ни единой конопинки, ни единой крапинки на Тишкином лице, каковые не повторились, не отпечатались бы в удивительной точности на лице мальчишки: нос, глаза, оттопыренные уши, большая, чуток вывороченная нижняя губа — все, решительно все было Тишкино, а курчавая, вытянутая вверх острая головенка довершала это поразительное сходство. На все на это Тишке частенько, используя любой повод, указывали завидовские бабы, видел это и он сам, Непряхин, и, видя, все больше привязывался, прикипал душой к мальцу. Не следует забывать при этом, что законная Тишкина жена Антонина рожала ему дочерей, которых было теперь уже четверо, а он ждал все сына и потому не давал супружнице своей передышки, вел, как сам однажды признался мужикам, «дело до мальчишки». Пока что у них с Антониной это не получалось, и можно было подумать, что Мария Соловьева сжалилась над Тишкою, разрешившись прямо на поле майским деньком сорок третьего года кудрявеньким, смугловатым Минькой.

Никто в Завидове, кроме разве Дашутки, нынешней Точкиной жены, которая во все эти трудные лета заведовала детским садиком, никто, кроме нее, не знал, как Тимофей Непряхин нередко пробирался в этот самый детский сад, торопливо озираясь, точно вор, хватал на руки Миньку и, если было холодно, прятал его под полой своего полушубка и уносил куда-то, а потом возвращался, выпускал его из рук, как птенца, и, стоя у порога, долго глядел на него, счастливый. Напоследок говорил юной няньке: «Ты уж, Дашуха, того... ты не проговорись... никому, что я... это самое. Ладно?» Она успокаивала: «Иди, дядя Тиша, никому не скажу».

И вот теперь, представив мальчишку в опасности, Непряхин сначала побежал на хутор к дому Соловьевых, затем, околесив все село, переспросив десяток людей, где бы могла быть сейчас Мария со своим дитем, в конце концов нащупал дорогу, которая привела его прямо во двор к Апрелю, куда минутою раньше проследовал Федор. Завидя его, стучавшегося в дверь, Тишка в два-три прыжка оказался рядом, ухватился за ворот гимнастерки.

Ну, а что было потом, мы уже видели.

Мария Соловьева, прежде чем отправиться на поле, забежала к Шпичам, забрала сына и отвела к Степаниде, где мальчишка тотчас же присоединился к Гриньке, затеявшему какую-то игру со скамейкой—кажется, вообразил ее лошадью, потому что две скамеечные ножки были спутаны, перевязаны веревкой. Степанида, глянув на гостью, быстро поняла, что к чему:

— Оставляй, оставляй, пускай поживет у нас, сколько понадобится. Да и сама перебирайся ко мне. А сейчас иди в поле и не беспокойся за сына. Я присмотрю. Теперь ведь я все время дома, трактор мне уж не по силам, взяла вон десяток поросят с колхозной фермы — отпаиваю их у себя, там бы они в навозе все потонули. Так что ступай и ни о чем не тужи.

— Спаси те Христос, Степанида!

— Вот еще! Велика тяжесть — ребенку кусок хлеба сунуть да спать уложить. Для меня хоть один, хоть два... Иди, иди. Глянь, как они завозились! Вдвоем-то им одна радость!.. Да ты только глянь! — И Степанида осветилась вся, глаза ее радостно заблестели. Повернувшись опять к Соловьевой, сказала уж построже: — Аль не доверяешь мне?

Мария ушла, а Степанида присела у печки и, притихнув, стала наблюдать мальчишью возню, чувствуя, как теплая волна нежности заливает грудь, подступает к глазам, которые быстро увлажнялись. И опять — в какой уж раз! — вспомнила про ту ночь, которая разом покончила с ее горьким одиночеством.

Спала она тогда плохо. Что-то ее тревожило. Часто просыпалась, открыв глаза, прислушивалась, ждала чего-то. В какую-то минуту ей послышался ребеночий писк, она перекрестилась, но не поднялась с кровати, решив, что почудилось: откуда взяться дитю? А когда писк повторился, вспугнутой большой птицей сорвалась с постели и в одной станушке выскочила на крыльцо. Подхватила сверток, вбежала с ним в избу, положила на подушку, долго не могла найти спичек, чтобы зажечь лампу. Когда же нашла и зажгла, кинулась к кровати, принялась разворачивать сверток. Несчастная женщина, давшая жизнь, теплившуюся теперь в этом свертке, позаботилась все-таки о том, чтобы дитя не замерзло, не застыло до утра (во дворе был декабрь) — запеленала в полдюжину пеленок, сделанных из старых юбок и кофт, закутала в стеганное из хорошо, со вкусом подобранных разноцветных льняных и шелковых клинышков одеяло, похоже, приготовленное еще в девичью пору в надежде на скорую свадьбу; головку ребенка уложила в белоснежный шлычок, отеплив его куском платка, связанного из козьего пуха.

Степанида раздевала ребенка, словно луковку, до тех пор, пока под грубыми, очерствевшими пальцами не затрепетало, не запульсировало нежное и тепленькое, пока не пахнули на нее запахи, о которых она давно позабыла. Застонав, уткнулась пылающим лицом в подушку, прислонилась щекой к горячей головке и сейчас же почувствовала, как где-то у височка часто-часто бьется жилка, стучится в ее щеку невидимым малюсеньким молоточком. Ее душили слезы, она сглатывала их, силилась что-то сказать, а с губ срывалось невнятное:

— Капелька... Горошинка ты моя... Кто же... как же это? Пресвятая богородица! Неужто... Неужто это?.. — сухими, опаленными внутренним зноем губами пробежала по всему тельцу от прижмуренных глазенок через шейку, пузцо, через ямочку пупка до пипирочки, до этого теплого краника, только что пустившего бойкую струю, до коленок, до пальчиков на красных ножках.

В то время она не думала и не могла думать о том, чем будет кормить, во что одевать ребенка; не думала и не могла думать и о том, что скажет людям, когда они увидят его на ее руках, ибо все это, все эти соображения были так ничтожны в сравнении с тем, что испытывала она сейчас. Знала ли та, несчастная и слабая, добровольно приговорившая себя на вечную казнь, та, что робкой тенью промелькнула по спящему селению, знала ли она про то, что ее преступление, что тяжкий ее, ничем не искупимый грех обернется великим благом для другой женщины?

Степанидина печь задымила и тогда раньше других печей, но на тот раз намного раньше, только никто этого не приметил, а когда начали просыпаться соседние избы, когда закудрявились дымки и над их крышами, она уже выкупала своего Гриньку (так почему-то окрестила, едва убедившись, что перед ней мальчик), накормила молоком, сразу же отыскав соску, о которой никогда до этого не вспоминала и не знала даже, где она могла валяться. Летала по избе, по сеням, по двору и снова по избе, как на крыльях, чувствуя упругую легкость во всем теле, находя то одно, то другое, вдруг ставшее крайне необходимым. Забралась с необыкновенным проворством на подлавку, стащила оттуда широкую, рассчитанную на близнецов, сделанную покойным мужем зыбку, подвесила на крючок под маткой, застелила, отыскав так же быстро детские матрасик, одеяльца, подушки; затем осторожно, замирая, млея от счастья, уложила ребенка. Укачав его, сама переоделась во все чистое и нарядное, извлеченное со дна старенького сундука, где это нарядное и чистое лежало в печальной неприкосновенности с тридцатых годов, и, пожалуй, тоже забытое хозяйкой.

Странное дело: все вещи, которых она касалась и которыми до сегодняшнего утра пользовалась как-то механически, с тупым безразличием, переставляя их с места на место машинально, как бы не замечая вовсе,— теперь все они вдруг ожили, одушевились, задвигались, обрели свой изначальный, истинный смысл, свое доподлинное назначение. Меньше чем за полчаса в ее руках перебывали, поиграли в проворных и ловких пальцах все чайные блюдца и чашки, пылившиеся до этого на судной полке деревянные солоничка, толкушка, ложки, ковшик, и Степанида видела, что блюдца — это и есть блюдца, толкушка и есть толкушка, солоничка и есть солоничка... В углу стояли три ухвата, стояли они тут вчера, позавчера, позапозавчера — всегда стояли, но вот только сейчас она увидела, что они все разные: один большой, другой чуть поменьше, а третий еще меньше; первый предназначен для самого пузатого чугуна, рассчитанного на многосемейных, второй — для чугуна средней величины, а третий—для малого. Большой ухват—и Степанида только сейчас это заметила — поржавел, а черенок его покрылся какой-то зеленью, потому что до него не касались ее, Степаниды, руки с самых тридцатых годов. И до среднего ухвата дотрагивалась она не часто, только тогда, когда варила щи или кашу про запас, с тем, чтобы хватило на несколько дней. Увидела она и горшки, расставленные кое-как на подоконниках,— сейчас же вымыла их и сунула в печь на просушку, вспомнив при этом и похвалив себя, что не отказалась от своего пая на корову, которую они держали с Катериной Ступкиной,— как теперь сгодится молочко! Земляной пол показался ей плохо побеленным — решила про себя, что к полудню непременно побелит его заново. А над окнами у нее появятся чистые занавески — она и забыла, что давно приготовила их, выгладила рубельником, но почему-то не повесила. Придирчивым глазом пробежала по всем углам, стенам, простенкам и там обнаружила непорядок: ходики давно остановились, оконце за кукушкой захлопнулось и не раскрывалось больше, потому что гирьки уперлись в лавку, а она, хозяйка, не догадалась их подтянуть,— теперь вот только быстро подошла и подтянула, подтолкнув пальцем маятник; кукушке, оказывается, не доставало первых его нескольких шагов, чтобы выглянуть из оконца и звонко прокуковать. Большое зеркало в другом простенке засижено мухами, а рушник, которым обрамлялось, запылился, красные петухи на нем были уже не огненно-красными, а какими-то бурыми и не могли веселить человека, ежели бы тот заглянул в Степанидину избу,— хозяйка тотчас сняла его и швырнула под лавку, где лежали ее юбки, приготовленные к стирке; зеркало хорошенько протерла мокрой тряпкой, убрала с него мушиную сыпь и украдкой поглядела, полюбовалась собой, слегка разрумянившейся и оттого похорошевшей...

Делая все эти дела, носясь по избе, она всякую минуту подбегала к зыбке, наклонялась над спящим ребенком, присланивалась ухом к его грудке, слушала и, отпрянув, шептала:

— Живехонек, дышит...

Постояла посреди избы, вспоминая, что́ ей еще потребуется на первый случай. Колыбелька, корытце оцинкованное, несколько распашонок, соска — все это есть... Что ж еще?.. Ах, мыльца бы беленького, детского! Но где его сейчас добудешь?

И снова, как бы производя учет, стала осматривать вещи, находящиеся в избе.

В тот день она не могла надолго оставить того, кто тихо покачивался в люльке. Чистая, нарядная, празднично одухотворенная, взяла приемыша на руки и присела у окна. Сидела и нетерпеливо ждала, когда кто-то войдет — скорее всего это будет Феня, Степаниде очень хотелось, чтобы это была она! — придет и увидит ее, Степаниду, вот такую, сильную и гордую. Впрочем, пускай приходит кто угодно — теперь ей никто не страшен...

— Правда, сынок?— она чмокнула ребенка в сонные глазенята и рассмеялась.

Первым человеком, который заглянул к ней, была не Феня Угрюмова, а Матрена Дивеевна Штопалиха. По обязанности, возложенной ею на себя добровольно, каждое утро и каждый вечер с целью сбора свежих новостей она обходила все Завидово, заворачивая чуть ли не в каждый дом и к каждому колодцу, где сбивались, накапливаясь, бабьи гурты. Утренние сведения нужны были Штопалихе для того, чтобы поделиться ими с односельчанками во время вечернего обхода, а вечерние для того, чтобы обогатить ими своих товарок при обходе утреннем. С годами к этим Матрениным обходам так привыкли, что уж, казалось, не могли и жить без них, особенно, конечно, женщины. Многие из них не дожидались, когда Штопалиха войдет в их двор, а сами, завидя из окна ее приближение, выбегали на середину улицы, хватали за рукав и, не в силах удержать в себе нетерпеливого любопытства, справлялись:

— Ну, что, что там, Дивеевна?

— Аль ты, Глафира, не слыхала?— В свою очередь, спрашивала, всплескивая руками, Штопалиха для того только, чтобы больше накалить пока еще не погашенное, не утоленное любопытство односельчанки.

— Ничего,— признавалась выскочившая за новостями,— откудова же мне?.. Я ить, Дивеевна, и на улицу-то не выхожу...

— Не слышала, значит?

— Ничегошеньки, Дивеевна! Ничегошеньки!

— Как же это? У Катерины Ступкиной нонечесь бирюк последнюю овцу зарезал. Там слез-то, слез-то!.. Бедная! Правду сказывают люди: где тонко, там и рвется.

Так уж получалось, что Штопалиха была вроде бы живой, ходячей копилки новостей, которыми щедро делилась с односельчанами, и копилка эта не истощалась потому, что неутомимо, изо дня в день, обильно пополнялась. Словом, Штопалихиного появления на улице, на дворе, у окон ждали, и она была желанной гостьей чуть ли не в каждом доме. Лишь в войну, когда она, упредив Максима Пакленикова, приносила в иную избу совсем нерадостные вести, ее побаивались так же, как и почтальона, и, завидя Матрену торопливо вышагивающей вдоль дворов, шептали: «Господи, хотя бы только не к нам!» И собаки кидались на нее с той же яростью, что и на Максима. Другой бы на месте Штопалихи сделал соответствующий вывод и не спешил нести в дом чер-

ную новость, когда это мог сделать другой человек по тяжкой служебной необходимости. Но Штопалиха есть Штопалиха: она и в этом случае не могла уступить кому-либо первенства. Навязавшись в добровольные помощники к Максиму, она вытряхивала из его сумки на широченный стол всю корреспонденцию и принималась потрошить ее, пока почтальон подкрепляется с дороги. Не успеет Паклеников дозавтракать, а в Завидове то на одной улице, то на другой подымается бабий крик,— по улицам этим уже прошлась Штопалиха. Со временем Максим решительно отстранил Матрену Дивеевну от своих дел, рассудив: лучше все-таки ежели одна и та же горькая весть войдет в чей-то дом один раз, чем дважды.

После войны Штопалиха с ее новостями стала опять крайне необходимой всем завидовцам. Ее снова ждали. И она двигалась по селу, важная и торжественная, поскольку битком была набита разными историями, которые сейчас же будут поведаны любому, кто бы изъявил желание их услышать. А желающими оказывались без малого все завидовцы. От нее первой они узнали, например, что на десятый день после Победы вернулся домой Пишка и принес с войны только один глаз, а другой оставил где-то; что Архип Архипович Колымага прихватил на лесной тропе некую молодицу, кажется, Дашутку (это Штопалиха должна еще уточнить), с вязанкою дров и, сперва припугнув, весьма прозрачно намекнул ей, на каких условиях мог бы смягчить или же вовсе сменить свой гнев на милость, но получил неожиданно энергичный и дерзкий отпор, след которого еще долго оставался на Колымажьей физиономии. От нее же, Штопалихи, узнали люди, что в отличие от Пишки Санька Шпич объявился на селе с двумя совершенно невредимыми глазами, оставив там, на боевых рубежах, каких-нибудь два или три пальца от правой руки,— пришел не один, а с каким-то незнакомым, который прозывается Виктором Лазаревичем Присыпкиным; что Артем Платонович Григорьев, то есть Апрель, после недавней смерти Прасковьи собирается жениться, сватался третьего дня к ней, Штопалихе, но она не торопится выходить за него: боится, поскольку все ее предшественницы (а их было три) отдавали богу душу на пятый или шестой год своего замужества; что близнецам Максима Пакленикова, Петьке и Ваньке, собираются посмертно присвоить звание Героя Советского Союза,— так что скоро Максиму и Елене привезут сразу две Золотые звезды на память о сыновьях-героях; что к Аграфене Ивановне Угрюмовой, потому как она до беспамятства убивается о Григории, всякую ночь является летун (Штопалиха собственными глазами видела, как он снопом искр рассыпается на Угрюмовском дворе), и Аграфена разговаривает с ним, будто с сыном, до тех пор, пока Леонтий Сидорович не выйдет на крыльцо и не прикрикнет на жену; что днями следует ожидать денежной реформы (эту новость Матрена почему-то прежде всего принесла в дом лесника и повергла сурового Архипа Архиповича в крайнее смятение); что в городах вот-вот отменят карточки и на продукты и на промышленные товары, на обувку — перво-наперво, добавила рассказчица; что в германском городе (назвать его Штопалиха не решалась, поскольку язык ее не справился бы с такой трудной задачей) судят главных военных преступников, но самого заглавного главаря ихнего, Гитлера, не нашли, потому как он «навроде» на подводной лодке на дне морском укрылся; что Антонина Непряхина в отместку мужу родила ему чужую дочь,— теперь в доме Тишкином какой уж день идет война; что к Авдотье Степановне восейка[1] приезжала тетенька Анна, гостила три дня и все три уговаривала, чтобы она, Авдотья, смирилась, оставила своего сына Авдея и Фенюху Угрюмову в покое, не мешала их любви, но Авдотья не послушалась совета старой своей подруги, неласково спровадила ее из своего дому; что на хуторе задохнулась в своем погребе старая Антипиха,— одни говорят, нечистый ее там прикончил, грехов-то много у старухи, другие сказывают, что гас, нефта объявилась под Завидовом и вышла наружу в Антипихином погребе...

Обо всех этих и других событиях, больших и малых, важных и ничтожных, рассказывала Штопалиха. Случаи, когда бы ее сведения не подтверждались, были редки. Однако новость, какую Матрена Дивеевна вынесла однажды из дома Степаниды Лукьяновны Луговой и распространила по селу с быстротой прямо-таки непостижимой, показалась завидовцам совершенно неправдоподобной. В самом деле, можно ли поверить, чтобы Степанида, эта тихоня, эта нелюдимка, эта недотрога, эта набожница, часами простаивавшая на коленях перед горящей и днем и ночью лампадой, чтобы она прижила младенца, проносила его в своей утробе все девять месяцев тайно, никем, даже самой Штопалихой, не замеченная и минувшей ночью благополучно разрешилась им?!

— Неужто не верите?— обрушив на первую же бабью стоянку ошеломляющую эту новость и видя недоверие в глазах женщин, воскликнула Матрена, крутясь вокруг своей оси, поворачиваясь пылающим лицом то к одной, то к другой пораженной слушательнице.— Как бы вы думали, от кого бы это она? — И, не ожидая ответа, заверила: — Все одно выведаю, разнюхаю. От меня не скроешься! — Зеленые глаза Штопалихи горели сатанинским огнем, так что поневоле поверишь, что от них никто и ничто не сможет схорониться.

— Может, кума, ей подкинули ребеночка-то? — неуверенно предположила Катерина Ступкина.— Не похожа Стешка на блудную-то бабу. Это, чай, не Мария Соловьева...

Матрена Дивеевна метнула в сторону Катерины гневный взгляд, кривая усмешка пробежала по ее лицу.

— Тебе бы, кума, не Ступкиной, а Заступкиной надо прозываться... Подкинули! Скажешь еще!.. Я, милая, сама спрашивала: «Чей,— говорю,— у тебя, Стеша, ребеночек-то? Не в няньки ли к Машухе Соловьевой нанялась?» «Нет,— говорит,— Дивеевна, моя кровинка...»

— Так и сказала?

— Так, так, милые. Штопалиха врать не будет. Может, я уж из веры у вас вышла? — И Матрена обиженно поджала губы, лицо ее сделалось вдруг постным.

— Да ты не гневайся на нас, Дивеевна,— пыталась поправить свою промашку Катерина Ступкина,— новость-то больно уж такая...

— Какая уж есть...— сурово заметила Штопалиха, все еще хмурясь, как хмурился бы человек, который вместо заслуженной им благодарности получил строгий нагоняй.

И понять Штопалихину обиду можно, потому что поведала она сущую правду, то есть не то чтобы правду, а честно повторила чужую ложь. Дело в том, что Степанида не пожелала сказать Штопалихе, что ребенок подкинут, что подобрала она его глухою ночью у своего порога,— ей, Степаниде, поначалу казалось, что будет лучше, для ребенка лучше, если она выдаст его за своего и будет придерживаться этой версии всегда, до конца дней своих. Но потом передумала: скажет правду, как оно все есть, зачем навлекать на себя напраслину, развязывать по доброй своей воле чужие языки, и без того немало потешившиеся над ее бедой.

В тот же день сопровождаемая Феней и Настенькой Вольновой-Шпичихой, взятыми в качестве свидетельниц, Степанида пришла в сельсовет, решительно приблизилась к секретарю и положила прямо на его письменный стол живой сверток. Потребовала:

— Регистрируй. Теперь он не подкидыш, а мой сын. Выписывай на него метрику.

Узнав от приемной матери и от ее свидетельниц подробности, секретарь спросил:

— Как назовем твоего крикуна?

— Гриня... Гринька... Григорием!— заторопилась она.

— Мне все едино, Григорием так Григорием,— сказал секретарь.— Готовь угощенье, приду на крестины.

— Приходи. Рада буду!— сказала Степанида, прямо и смело глядя в веселые глаза секретаря.

Так в Завидове объявился еще «мамкин» — не сынок, а сын. Он пришел в этот мир и не знал, не ведал про то, что вместе с его появлением навсегда исчезнет с лика земли робкая, замкнувшаяся в себе, всех сторонившаяся и всех боявшаяся женщина по имени Степанида, а вместо нее будет двигаться по селу, гордо подняв голову и выпрямив стан, смелый, независимый, бесстрашный человек. И гордая ее осанка станет еще более гордой и осанистой, а ожившие глаза станут еще живее, когда однажды она услышит впервые выговоренное: «Ма-ма...»

[1] Восейка — на днях (местн.).

БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

В этом году советский народ и научная общественность всего мира отмечают 250-летие со дня основания Академии наук СССР. И мне очень захотелось рассказать об успехах и нашего Башкирского филиала Академии наук. Я сам башкир, родился в семье крестьянина, а теперь вот стал ученым, защитил кандидатскую диссертацию.

В 1951 году был решен вопрос об организации в Башкирии филиала Академии наук СССР.

В первое время Башкирский филиал Академии наук СССР состоял из Горно-геологического института, Института биологии, Института истории, языка и литературы, а также Отдела органической химии (позже институт) и Отдела экономических исследований. Председателем президиума филиала был избран мой земляк, доктор геолого-минералогических наук, профессор Г. В. Вахрушев.

Сейчас филиал состоит из четырех институтов и трех отделов. В его научных учреждениях трудится 445 научных сотрудников, в их числе — 2 члена-корреспондента АН СССР, 1 академик АН КазССР, 29 докторов и 190 кандидатов наук.

Над какими же актуальными вопросами работают ученые Башкирии сегодня? Это химия и нефтехимия, биология и геология, сельское хозяйство и экономика промышленности...

Только в истекшем году в Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР было подано 60 заявок и получено 23 авторских свидетельства. Ряд наших изобретений демонстрируется на ВДНХ СССР и запатентован за границей. Получены патенты из США, ФРГ, Франции...

Башкирские ученые — активные участники многих зарубежных научных собраний. Осенью прошлого года на IX Международном антропологическом и этнографическом конгрессе (г. Чикаго, США) выступал с докладом профессор Раиль Гумерович Кузеев.

Первым башкирским членом-корреспондентом АН СССР стал доктор химических наук, профессор Сагид Рауфович Рафиков. Вот уже сорок с лишним лет работает он в области химии, имеет более 40 изобретений, является автором 300 крупных научных работ. Свои знания и богатый опыт исследователя С. Р. Рафиков передает молодому поколению: им подготовлены десятки высококвалифицированных специалистов и ученых — инженеров, докторов и кандидатов наук. Председатель президиума Башкирского филиала, директор Института химии, С. Р. Рафиков ведет также большую и ответственную общественную работу: он депутат Верховного Совета СССР.

Другим членом-корреспондентом АН СССР стал доктор физико-математических наук, профессор Алексей Федорович Леонтьев. Он крупнейший специалист в области дифференциальных уравнений и работает в недавно созданном Отделе физики и математики, преподает в Башкирском государственном университете.

«...Пропадет башкир! Пропадет! Беспременно пропадет этот самый башкир!» — писал с душевной болью сто лет тому назад выдающийся русский писатель и революционный демократ Г. И. Успенский. Но нет, не пропал башкир!

Одна из самых отсталых национальных окраин царской России стала одним из промышленно развитых, экономически богатых районов СССР.

Башкиры наравне со всеми народами нашей великой Родины овладевают передовой наукой и вносят свою лепту в ее развитие, в дело строительства коммунизма.

Р. АБДУЛЛИН,

кандидат технических наук, научный сотрудник Башкирского филиала Академии наук СССР

Степан ЩИПАЧЕВ

ВО ВСЕ СТОРОНЫ СВЕТА

1
Годы на юге я не был.
Не потому ли, маня,
звездами темного неба
южная полночь глядит на меня.
Денно и нощно там горы в дозоре.
В дымке сиреневой теплое море.

2
Солнце и в полночь забыло про сон,
не приближает к себе горизонт.
Низкий туман на утесах клубится.
В тундру не льется мерцанье звезды.
След, что вдавило оленье копытце,
полон студеной воды.

3
С моря прохладою утренней веет.
Глянешь туда — хоть рукой задень —
краешек нашей земли розовеет,
в путь отправляется день:
весь в синеве, облаках кудлатых,
следом — за стрелками на циферблатах.

4
Красный закат догорает.
Памятна та сторона.
Памятна тем: мировая
первая и вторая
там полыхала война.
Взгляд за чертой небосклона.
Пусть сквозь закаты туда
воинским эшелонам
не грохотать никогда!

ВБЛИЗИ ОТ ЭЛЛАДЫ

Ветру, с простором играя и споря,
волны бросать на гранит островов.
Синие брызги Эгейского моря
видел не раз я в глазах у него.

С небом сливаясь большими глазами,
ветер в ладони упрется тугой.
Мерно слагая могучий гекзаметр,
катятся волны одна за другой.

Пусть и не гулом такого размера
строки наполню, равняя с волной,
только бы тенью слепого Гомера
время к бумаге склонялось со мной.

В ЧЕМ-ТО ДОБРЫ ЗЕРКАЛА

Из зеркала,
сколько ни стой,
глядят на меня
человек седой.

Пригладил, и все ж
волоску волосок
издалека
подает голосок.

Но в чем-то добры зеркала:
ясна
открытого лба моего
крутизна.

В ночь створки толкну,
словно думам ответ,
на нем —
мироздания свет.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

СИБИРЬ

КНИЖНАЯ ФИЛИГРАНЬ

Кандидат технических наук А. Р. Трахтенберг достает с полки книги размером... со спичечный коробок. Вскоре на столике передо мной возникает целая библиотека. Беру наугад миниатюрный томик, раскрываю его: поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Читается легко, шрифт четкий и не столь мелкий, как можно было ожидать. Впрочем, есть книжки с таким мелким шрифтом, что их выпускают в свет с прикрепленной к корешку на ниточке лупой.

— Лениниана — основной раздел моей коллекции, — поясняет хозяин необычной библиотеки.— Тут и труды В. И. Ленина, изданные на разных языках не только в нашей стране, но и за рубежом, и стихи о Владимире Ильиче, и воспоминания о нем, и народные сказания, песни... Вот книжечка размером 30 на 40 миллиметров — «Три стихотворения о Ленине». Она издана тиражом в... триста экземпляров. Набирал ее Отто Элланди — известный мастер микрошрифта, наборщик таллинской типографии «Кунст». Рядом — стихи «Ленин с нами», изданные в Белоруссии. А здесь целая библиотечка трудов Ленина. Пять томов. Формат книг 45 на 57 миллиметров. Выпущены они алма-атинским издательством «Казахстан». В Будапештской типографии имени Кошута на кожаный переплет одной из миниатюрных книжек о Ленине прикрепили чеканенный на металле портрет Владимира Ильича...

Миниатюрные книги, — продолжает мой собеседник, — издаются, пожалуй, со времени изобретения книгопечатания. В моем собрании самая почтенная по возрасту книжечка — сочинения Мартина Лютера, напечатанная в 1685 году в Люнебурге. В России в прошлом веке выходила «Библиотека-крошка», состоявшая только из мини-книжек...

Перебираю книги одну за другой и не могу оторваться. Поражаюсь мастерству и филигранной работе полиграфистов, художников, оформителей. Почти каждая книга иллюстрирована, часто в цвете.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

БАШКИРИЯ

БАНЯ В ЧЕМОДАНЕ

Именно так — в чемодане. И не просто баня, а «сухая», финская, которую знатоки предпочитают всем другим. В общем-то ничего мудреного: специальная печь, наглухо закрывающаяся мягкая камера, стул, простейшие, но надежные приборы, по которым можно следить за температурой в бане.

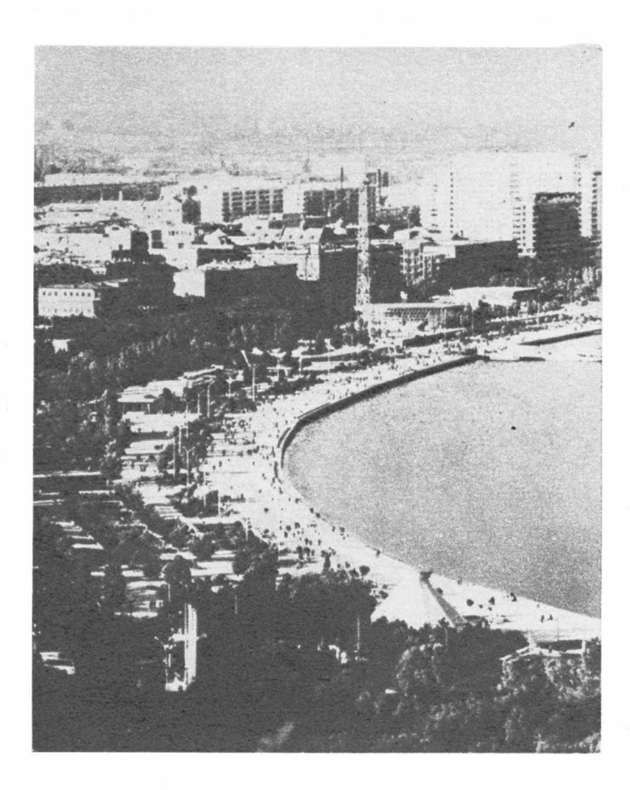
Поговаривают, что в переносной бане (ее легко установить в небольшой ванной комнате) можно подлечить сосуды, полиартриты, снять усталость. Одна из основных рекомендаций, сделанных изобретателем бани инженером А. Массарским, так и гласит: применять после тренировок.

Аппараты А. Массарского изготовляют в Башкирии. Серийный образец переносной бани можно увидеть на ВДНХ, на выставке электробытовых приборов.

К. КОСТИН

Фото Г. Розова.

АЗЕРБАЙДЖАН



ЗЕЛЕНОЕ МОРЕ АПШЕРОНА

Клювом гигантской птицы вклинился в синеву Каспия Апшерон — полуостров, на котором стоят древний Баку, молодые нефтяные промыслы и заводы, рабочие и дачные поселки, обрамленные золотистыми песками целебных пляжей. С трех сторон открыт он неспокойному морю и колючим ветрам. Его ландшафт по большей части лишен пестрой гаммы растительности. Пустынный, незащищенный полуостров стал ареной пересечения воздушных потоков: арктических, средиземноморских и закаспийских. Обилие ветров и дефицит дождей — вот что формирует климат Апшерона.

Привычный суровый пейзаж в ближайшие годы уступит место новому — ожерелью садов и лесов. Привольно раскинется здесь зеленое море. В Москве, во Всесоюзном институте «Союзгипролесхоз», разработана схема создания защитных насаждений на полуострове от Баку до Сумгаита.

Двадцать тысяч новых зеленых гектаров, включая ветрозащитные лесные полосы, сады и плантации,— вот масштабы этой гигантской работы. Сосны-великаны примут на себя главную силу ветров и возьмут в тесное кольцо юную зелень Апшерона.

Проект обновления благодатного края поставит надежный заслон штормовым ветрам, улучшит и микроклимат курортной зоны.

Г. ПОГОСОВ

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

СОТВОРЕНИЕ ВЕСНЫ

ПРОВОДА

Гудят высоковольтно провода,
Как струны всеобъемлющей души.
Они соединяют города,
Грядущие и прошлые года,
Мир техники и лоскуток глуши.

Я думала когда-то: если впредь
Моей любви случится умереть,
Она погибнет, жизнь мою взорвав,
Испепелив все цели и мечты,
Как молния, упавшая стремглав
На грозный ток высокой частоты.

Без взрыва получилось, без грозы,
Лежит обрывок провода в грязи,—
Как будто ветка, мертвая на вид.
Нагнулась я, услышала: скулит.
Вот именно: не поднебесный гуд —
Заржавленный, затравленный скулеж.

...Зачем ты здесь?! Каким ты чудом тут?!
Когда же ты, когда же ты умрешь?!

РАЗГОВОР О ЛЮБВИ

Возможно, я была бледна,
Возможно, потому
Сказал он, что другим видна
Моя любовь к нему.

Так четко он определил,
Чуть отстранив дела,
Туманное кипенье сил,
В котором я жила;

Где явь не явь и сон не сон,
И нет иных миров —
Лишь дом, в котором дышит он,
Работает, здоров.

Я это коротко в ответ
Хотела объяснить.
Но гаснул в сердце странный свет,
Рвалась живая нить.

Наверно, никогда любовь —
Любовь без всяких прав —
В намеренную четкость слов
Не втиснуть, не сломав.

СОТВОРЕНИЕ ВЕСНЫ

Это чудо — творить ежегодно весну:
В чаше серой и хмурой, как дым,
Просверлить тяготение к вечному сну
И прорваться комочком живым.

Тени — будто лежат под глазами круги,
Ветка тяжко согнута в дугу.
Но внезапно стряхнула остатки пурги,
Распрямилась, забыла пургу!

Слез еще не пролить, ведь не тронулся лед,
Лишь морщины лежат возле рта.
Но уже, забывая, прощая, растет
Животворной земли доброта.

На еще забинтованной снегом тропе,
Там, где стужи осталась печать,
Отыскала я вешнее чудо в себе —
Отыскала уменье прощать!

НИКУДА НАМ НЕ ДЕТЬСЯ ОТ ПРОШЛОГО

Никуда нам не деться от прошлого.
В гуще дел иль в ненастной бессоннице
С фотографии старой, заброшенной
Светлый взгляд неожиданно вспомнится.

Никуда нам не деться от прошлого,
От мечты, что хранила нас в юности,
От всего, что в нас было хорошего,
От отцовской и дедовской мудрости.

Никуда нам не деться от прошлого,
От счастливого и от печального,—
Так реке с полноводною ношею
Не уйти от истока начального.

Так как будто на вечность помножено
Наших будней любое мгновение.
Никуда нам не деться от прошлого,
От трагических вех поколения.

Наша память, как факел, горящая,
Неожиданно входит, непрошено
Из прожитых годов в настоящее.
Никуда нам не деться от прошлого!

ВОСХОД

Восход ощущаю как личное счастье,
Как будто в душе у меня
Опять разгорается дар соучастья
Во всех начинаниях дня.
Круг неба все более ясный и строгий.
Все меньше лиловых теней.
Уже проявляется точность дороги.
И путник шагает по ней.

Как личную гордость, восход ощущаю,
Как будто бы мне удалось
Создать перламутровый берег песчаный,
Лазурный и розовый плес.
Как будто бы я сотворила раздолье,
Подснежник, березу и ель.
Как будто бы в птичьем невидимом горле
Моя соловьиная трель!

* * *

П. К. АЕДОНИЦКОМУ

Не сотвори себе кумира,
Не называй брильянтом медь,
Пойми несовершенство мира,
Чтобы потом не пожалеть.

Шуршит осенняя дорога.
Багрянцем убраны леса.
И у холодного порога
Лежит свинцовая роса.

И ты смелей живешь на свете,
Живешь уверенней, когда
Тебе сквозь непогоду светит
Твоя высокая звезда.

Так сотвори себе кумира
Всем вдохновением своим
И по дорогам трудным мира
Старайся следовать за ним!

«Возьмите хотя бы наш знаменитый рабочий Донбасс. Вспомните старую Юзовку — это нагромождение халуп, грязь, тесноту и неустроенность. И сравните ее с Юзовкой сегодняшней — крупным современным городом Донецком, его широкими проспектами и зелеными парками, благоустроенными жилыми домами, прекрасными стадионами и дворцами культуры. Вспомните жизнь донецкого шахтера до революции, ужасающие условия его труда и быта. Сравните эту жизнь с сегодняшней жизнью донецкого шахтера или горняка Криворожья. Это люди, гордые своей профессией, окруженные всенародным почетом, достойно вознаграждаемые за свой славный труд, пользующиеся всеми благами современной культуры».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из доклада «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик».

Станислав КАЛИНИЧЕВ,

фото Н. КОЗЛОВСКОГО,

специальные корреспонденты «Огонька»

УГОЛЬ И РОЗЫ

Все мы, донецкие мальчишки, еще с той поры, когда носили штаны на одной лямке (она перебрасывалась через голое плечо), знали: наши отцы и старшие братья — герои труда. На шахте, в прокатном, на коксохиме создается то, что делает всю нашу страну сильнее, богаче, что заставляет всяких капиталистов пусть не с уважением, но с достаточно вежливым вниманием прислушиваться к советским дипломатам. И каждый из мальчишек был уверен: придет время, и он возьмет в руки отбойный молоток, станет к мартену и лично будет отвечать за дальнейшую судьбу своей Родины. Эта уверенность исходила из того, что мы видели собственными глазами.

Мой давний знакомый Владимир Волков в четырнадцать лет стал металлургом, к пятнадцати прошел путь от четвертого до первого подручного сталевара, а в шестнадцать — это случилось в год Победы — возглавил бригаду сталеплавильщиков, которая стала одной из лучших в области. Случается, что и ныне в трамвае или троллейбусе его называют молодым человеком. А у Героя Социалистического Труда старшего мастера мартеновского цеха Владимира Михайловича Волкова за плечами уже тридцать лет горячего, почти фронтового стажа сталеплавильщика.

Чувство собственного достоинства, своей значительности, которое удивительно сочетается с рабочей простотой, широтой души, сердечной ясностью,— это, пожалуй, то главное, что определяет самую суть моего города.

...Обычно мы склонны идеализировать свое детство. «Ах, как раньше лимоны пахли!» «Погода-то прежде была не то, что ныне...» Самое яркое мое впечатление о Донецке предвоенных лет — пыль.

По утрам солнце всходило из-за курящегося ядовитым дымом терриkона. Эти дымящиеся исполины были всюду, куда ни глянь. Они делали небо зубчатым. У их подножий кривились крышами одноэтажные шахтерские поселки, огороды с чахлой растительностью, выжженные солнцем бугры. Но вся совокупность рабочих поселков, растянувшихся на десятки километров, называлась городом.

Однажды мы с отцом решили посадить сад. Соседи сошлись, как на представление. Все были уверены, что здесь, кроме акации и американского клена (его называли просто деревом), ничего расти не может... А потом сады стали модой. Единственный в поселке колодец по вечерам вычерпывали до дна, поднимали воду пополам с грязью — поливали деревья.

В предвоенные годы город начал размашисто строиться. Что ни клуб, то дворец, первый в городе театр — и сразу оперы и балета, библиотека — так самая большая в республике, новые дома — с ванной и газом. И, возможно, ничего необычного в открытии театра, которое состоялось весной 1941-го, не было. Возможно... если не знать, что всего пятью годами раньше здесь, по этим улицам, верхом на бочке, в которую была запряжена лошадь, разъезжал работник горкоммунхоза. Он черпал ведром жидкую известку и поливал ею выбрасываемые на улицу нечистоты. Это считалось будничной санитарной мерой.

Но свои дела жители Донецка соизмеряют не с прошлым, не с тем, что уже сделали, а с будущим.

И каждый раз, подъезжая к Донецку, я становлюсь свидетелем или участником такого примерно разговора:

— Вы давно не были в Донецке?

— Да вот уже с год.

— Ну! Целый год... Приедете — не узнаете.

Последнее утверждение я слышу уже более десяти лет подряд. И каждый раз оно оказывается справедливым. И в нынешнем тоже.

ГОРОД ДЛЯ ЖИЗНИ

Помните крылатые слова Грибоедова: «И дым отечества нам сладок и приятен»? Донецк можно было узнать и ночью и с закрытыми глазами. Стоило сойти с самолета или выйти из вагона и глубоко вздохнуть... Здешний воздух, пахнущий степной полынью, всегда отдавал сладковатым дымком серы, острой, покалывающей бронхи угольной копотью, окалиной тяжелого дыхания мартенов.

Но тот, кто не был тут год или два, нынешним летом, пожалуй, и «не узнает» донецкий воздух. Дело не только в том, что исчезли традиционные запахи (все коммунальные и заводские котельные переведены на газ и мазут, погашены терриконы), а и в том, что появились новые. Воздух пахнет жасмином и липами. На привокзальной площади — розы, на улице Артема — розы, на бульваре Пушкина, Университетской, Щорса и сотнях других улиц — огромные цветники, заросли жасмина, на зеленых, аккуратно подстриженных лужайках группы голубых елей, каштановые рощи, бесконечные бульвары, хранимые стройными шеренгами пирамидальных тополей...

Конечно, все это возникло не вдруг. Год от года расширялись питомники, сотни людей учились прививать благородные розы к черенкам шиповника. Появился опыт высаживания многолетних деревьев, коллективы промышленных предприятий брали под свою опеку новые насаждения. А нынешняя щадящая зима и дождливое лето помогли, очевидно, тому, чтобы количество перешло в качество.

— Донецк всегда был городом-рабочим, сгустком тяжелой индустрии,— говорит первый секретарь горкома партии А. А. Кубышкин.— На его территории больше ста пятидесяти крупных шахт, заводов, фабрик.

Алексей Ананьевич о делах и событиях, с которыми связаны сотни тысяч человек, говорит просто, как о своих будничных заботах:

— Городское хозяйство у нас не из легких, население быстро приближается к миллиону человек. И территория: от окраины до окраины шестьдесят, а то и больше километров. В самом городе добываем шестьдесят пять тысяч тонн угля.

— За сутки?!

— Каждые сутки, конечно. Однако уголь — только часть промышленной продукции Донецка. Чугун, сталь, прокат, трикотаж и обувь, тяжелые машины и оборудование, приборы и холодильники с нашей маркой идут в тысячи адресов. Но превратить десятки шахтерских и заводских поселков в комфортабельный городской комплекс даже с нашими масштабами и возможностями куда сложнее, чем построить десяток-другой фабрик. Высаживаем тысячи гектаров леса — и все мало, создаем зоны отдыха, водоемы, спортивные комплексы, прокладываем новые дороги, заново перестраиваем целые районы. Несколько раз в соревновании городов Украины по благоустройству Донецк занимал первое место. Планы пятилетки наши строители выполняют с опережением.

— Скажите, а каким образом удалось вырастить на улицах города столько роз?

— Об этом писать рано. Тут у нас не все вышло, как хотели.

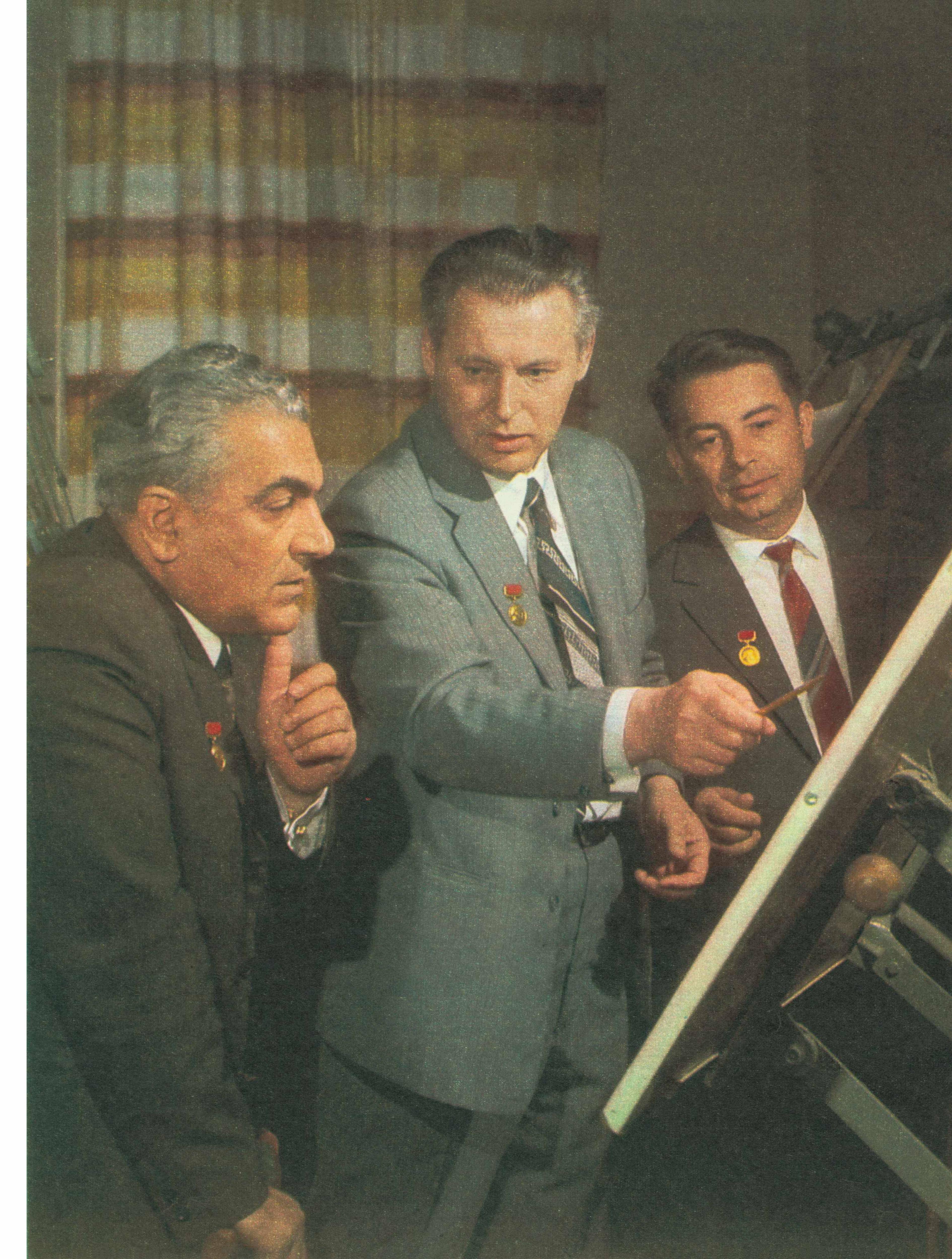
За создание угольных комбайнов для пластов крутого падения конструкторам института «Донгипроуглемаш» С. М. Арутюняну, К. И. Дьяченко и В. И. Распопову присуждена Ленинская премия.

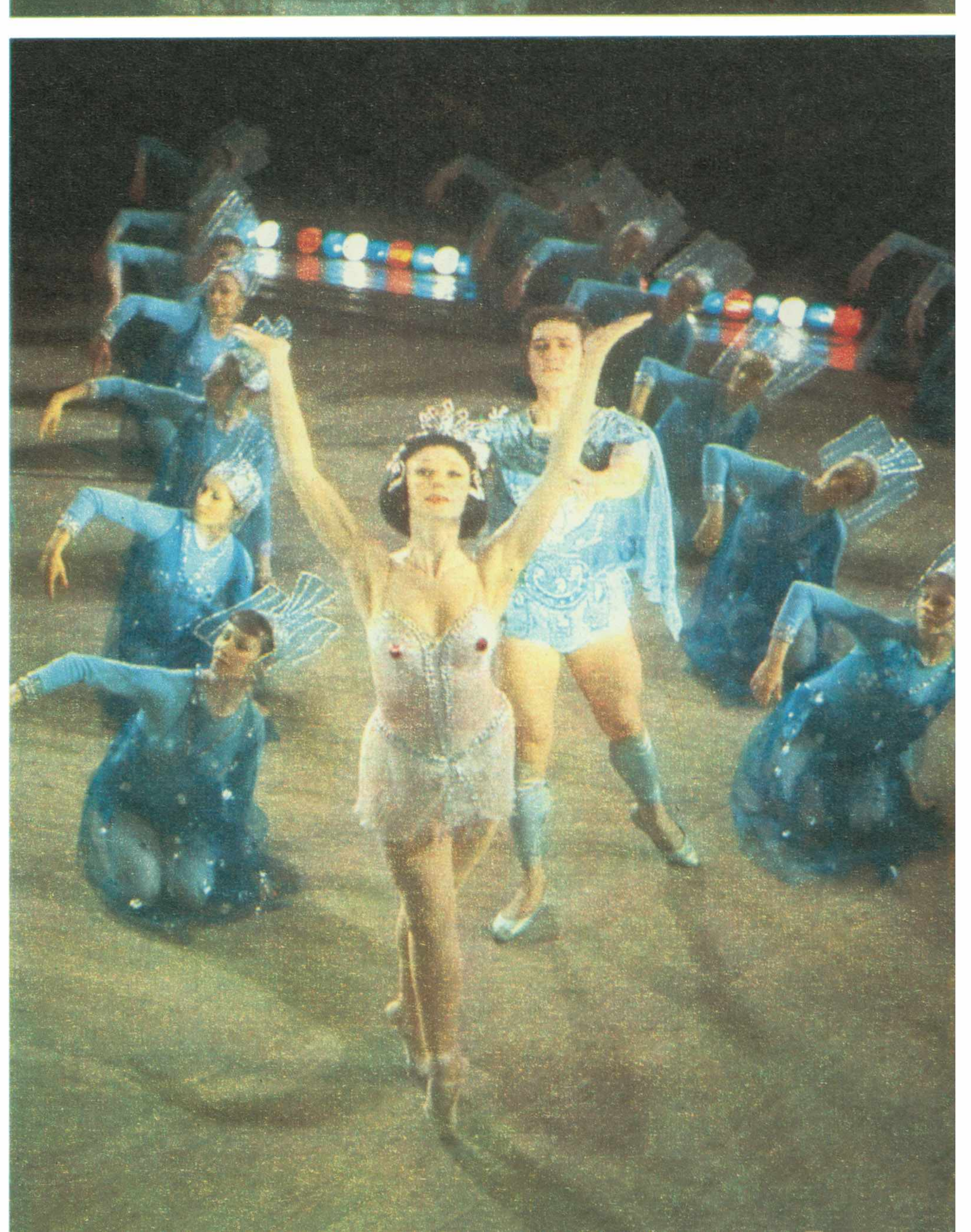
На развороте вкладки:

Солнце и моды.

Улица Артема — главная магистраль Донецка.

Продукция Донецкой фабрики игрушек нравится малышам.





Но такой ответ разжег мое любопытство. Тогда секретарь без особого желания пояснил:

— Была у нас такая инициатива: вырастить по одному кусту роз на каждого жителя. Если округлить — миллион кустов. Но пока не дотянули. Вот года через два будет миллион — тогда и напишите.

— Алексей Ананьевич, а из крупных работ что наиболее интересно?

— Трудно выделить. Впрочем, посмотрите торговые комплексы союзных республик.

Историю с комплексами я знал по рассказам друзей. В Донецке она известна многим. В общем, дело обстояло так. Когда страна готовилась к полувековому юбилею СССР, в Донецке стали обсуждать, какую бы память оставить об этом событии. Хотелось сделать что-то важное, полезное, чтобы и помнилось долго и виделось каждому.

Тут надо сказать, что трудно найти более интернациональный город, чем Донецк. Только на шахте имени Калинина трудятся люди 39 национальностей. Один знакомый сказал мне о своей бригаде: «Сорок человек — двадцать три национальности». Вот этот ярко выраженный интернационализм и подсказал идею. Стали советоваться в горкоме партии, в горисполкоме, пошли к первому секретарю обкома партии В. И. Дегтяреву.

Владимир Иванович загорелся этой идеей и взялся помочь городским властям. Вскоре в соответствующие инстанции союзных республик были направлены письма такого примерно содержания. В Донецке ежегодно вступают в строй десятки торговых центров: универмаги, дома быта, рестораны. Мы хотим некоторые из них оформить в национальном стиле одной из республик СССР. Останется Донецку на память о праздновании 50-летия СССР. Просим помочь нам. Расходы, естественно, будут оплачены.

И вот в Донецк из Тбилиси, Алма-Аты, Таллина, Минска, Душанбе стали приезжать архитекторы, художники-оформители, резчики по дереву, чеканщики. Стали поступать контейнеры с традиционными для той или иной республики отделочными материалами, мебелью и оборудованием. И вскоре один за другим в разных концах города стали открываться торговые комплексы «Киргизия», «Азербайджан», «Грузия», «Узбекистан», большой ювелирный магазин «Русские самоцветы» и другие.

Чтобы ознакомиться со всеми комплексами, от «Ленинграда» до «Баку», мне пришлось делать концы по городу в десять — двадцать километров. Но и в самых отдаленных районах радовали красотой то липовая аллея вдоль дороги, то березовая роща возле шахтного двора, рябины, елочки... Неужели и климат и сама земля здешняя так изменились?

— Земля та же...— вздохнула Антонина Михайловна Синельникова, когда я задал ей этот вопрос.

Вот уже двадцать лет работает она в городском тресте зеленого строительства. Ей, старшему инженеру производственного отдела, больше других известны все трудности долголетней борьбы за зеленый наряд города.

— Для устройства газонов завозим дерн, засеваем, удобряем, поливаем все лето. А на следующий год чуть ли не половина сделанного пропадает. Приходится снимать дернину, завозить новый плодородный слой. И все же мы ежегодно создаем двести гектаров новых газонов. Перед войной в городе было всего пятьсот гектаров зеленых насаждений, а сейчас — больше двадцати шести тысяч гектаров.

Антонина Михайловна познакомила меня с директором совхоза «Декоративные культуры» В. Т. Чернобривцем. Этот совхоз снабжает город рассадой, саженцами и ежегодно продает больше двух миллионов хризантем, роз, гвоздик... И не только жителям Донецка. И в другие города цветы самолетами отправляют.

Такова шахтерская столица!

КИЛОМЕТР ПО ВЕРТИКАЛИ

Я люблю город ночью. Теснее сходятся громады домов, уютно посвечивая окнами. Спокойно небо. Неистово пахнут цветы. Свеж и прохладен воздух. И только вздыхает и ворочается что-то огромное в районе металлургического, да изредка молодым петухом не ко времени запоет маневровый тепловоз.

Донецк и в самую глухую ночь не кажется уснувшим. Одни идут на смену к двум часам ночи, другие — к пяти утра. А бригады из спецпроходки, которые едут на объекты своими автобусами, можно встретить в любое время. Потом вдруг озарится багрянцем полнеба, забивая свет неоновых реклам. Это на заводе имени Кирова, в Макеевке, шлак вылили.

А если знаешь этот город много лет, то даже на минуту не представишь его уснувшим. Вот здесь, на центральной площади, которая носит имя Ленина, если приложить ухо к земле и напрячь свой слух, то потребуется совсем немного воображения, чтобы услышать скрежет угольного комбайна, грохот несущегося по транспортерам угля. Там, под площадью, под всем городом, идет работа: люди добывают уголь.

Донецк далеко раскинулся не только в длину и ширину, он строится на два десятка этажей вверх и на десяток этажей вниз. Правда, его нижние этажи расположились на глубине от трехсот до тысячи и более метров. Это угольные пласты Каменский, Ливенский, Прасковиевский, Смоляниновский...

Здесь, в районе городского центра, на глубине 700 метров рубит искрящийся Прасковиевский пласт смена горного мастера Виктора Бышова. Глубокой ночью, передав смену другому мастеру, он поднимется на-гора — круглолицый крепыш с застенчивой улыбкой. Горным мастером Виктор работает всего два месяца, а до этого был рядовым шахтером, заочно учился в горном техникуме. Его судьба похожа на тысячи других.

Шахта имени Калинина берет уголь под центром города на нескольких «этажах», здесь говорят — горизонтах. О ней можно бы рассказать многое, но для этого пришлось бы вспомнить всю историю Донбасса. Важно другое. В нынешнем году коллектив уже добыл сверх плана около полумиллиона тонн угля.

Шахт в городе десятки, и каждая чем-нибудь знаменита. Чтобы представить себе всю мощь современной подземной техники и высочайшее мастерство в управлении ею, надо перенестись в другой район города, на ордена Октябрьской Революции шахту «Трудовская». Здесь в ночную смену спускается под землю Иван Иванович Стрельченко — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, рекордсмен мира.

Бригада Ивана Стрельченко одной из первых в Донбассе стала добывать каждые сутки тысячу тонн угля (как средняя шахта в то время). Она осваивала новые конструкции комбайнов, внося в них десятки усовершенствований. Угольный комбайн — многотонная махина. Спустить его под землю, затащить в лаву и собрать там — сложная операция, в которой принимают участие десятки и сотни людей.

Бригада Стрельченко год от года поднимала потолок производительности этих машин. Сюда приезжали учиться шахтеры из других районов, приезжали ученые и конструкторы, срисовывали доморощенные новшества, и уже новые машины выходили с большими поправками. А в 1971 году бригада Стрельченко за 31 рабочий день добыла из одной лавы рекордное в мировой практике количество угля — 170 230 тонн, намного больше, чем должны добывать по плану все участки шахты.

...Мы встретились на рассвете в кабинете директора шахты Героя Социалистического Труда В. А. Антипова. Владислав Андреевич включил селектор и, глядя куда-то в пространство, сказал:

— Когда поднимется на-гора Стрельченко, пусть зайдет ко мне.

— Хорошо,— хриплым голосом ответил стоящий на его столе динамик.

Потом звякнул телефон. Сняв трубку, Антипов сказал:

— Да, я тебя жду. Зайди, Ваня.

И вскоре в кабинет вошел высокий беловолосый мужчина.

Меня интересовало, как отразился рекорд на дальнейшей работе бригады и шахты в целом. Иван Иванович ответил не сразу:

— Трудно рассказать обо всем. На рекорде проверяются техника, люди, организация труда. Многое потом становится нормой. Вот теперь наша бригада регулярно в одной лаве добывает больше двух тысяч тонн угля каждые сутки. Это уже государственный план. А шахта имеет такой план, который вдвое превышает ее проектную мощность. Но чтобы получить хорошую премию, надо еще сверх плана дать,— смеется он.— И мы даем. Регулярно.

Иван Иванович Стрельченко — приветливый и добрый человек. О таких говорят — безотказный. Уроженец Херсонщины, бывший матрос, сын краснофлотца, погибшего в 1942 году в Севастополе, он после службы по комсомольской путевке «рванул с братвой в Донбасс». Такие здесь приживаются. Работая в шахте, окончил школу, потом горный техникум, а теперь уже на третьем курсе политехнического института.

...Догорает над городом день. Косые тени перемещаются с тротуаров под колеса бегущих автомобилей и троллейбусов. Замерли в ожидании вечерней прохлады цветы и деревья. И все больше людей на улицах. Хоть и живет город в основном по круглосуточному графику, час «пик» чувствуется. Ведь, кроме шахт и заводов, здесь отделение Украинской Академии наук, сотни организаций и учреждений, шесть вузов, три театра, больше шестидесяти клубов и дворцов культуры, пятнадцать стадионов, двести спортзалов...

Город труда стал одновременно городом науки, культуры и отдыха. Его эмблему на равных могли бы ныне украсить два символа: уголь и роза.

Владимир ЮРЧЕНКО

РОДНОЕ

Прохладой дышит августовский вечер.
Встал сторож-месяц на своем посту.
Меж тополей высоких, крутоплечих
К себе на шахту я опять иду.

Поет баян в садах за терриконом,
Мне доверяя радости и грусть.
О край родной, как все вокруг знакомо,
Я с детства все здесь знаю наизусть.

Судьбой своей с судьбою шахты связан—
Она мне стала близкой и родной,—
Друзьям-шахтерам многим я обязан,
Мы шли в забой дорогою одной.

И это все мы счастьем называем,—
Ведь нет для нас желаннее труда.
И пусть всегда горит над отчим краем
Крылатая шахтерская звезда!

Тренируются футболисты «Шахтера».

И в большом городе есть тихие уголки.

Несущим свет и тепло — слава!

Балет «Антоний и Клеопатра» в Донецком театре оперы и балета. Солисты заслуженные артисты УССР Тамара Кушакова и Владимир Сычев.

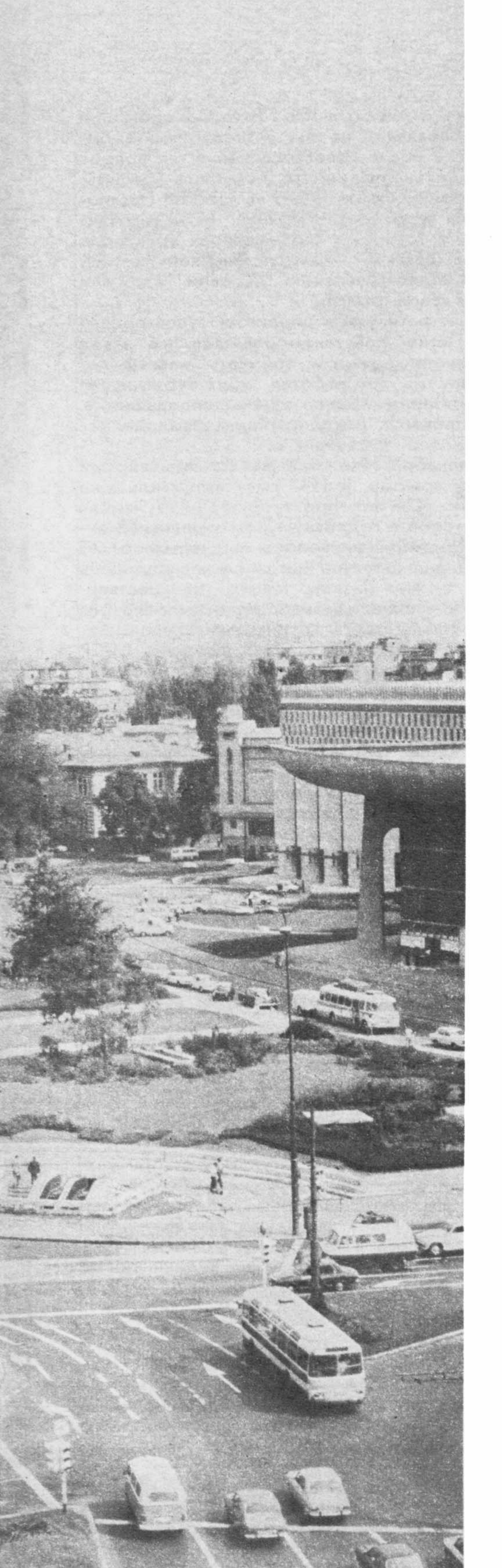
Полиграфический комбинат «Скынтейя» имени В. И. Ленина.

Центр Бухареста.

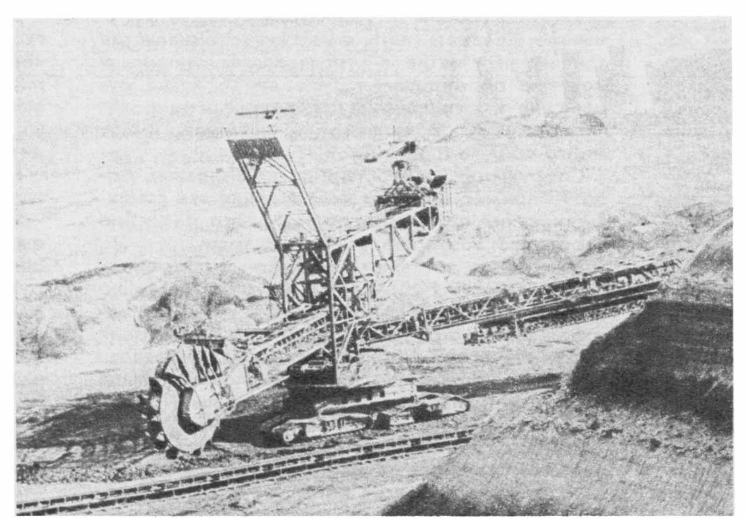
Леонид ПЛЕШАКОВ
Фото автора.

ПОРА ВОЗ

23 августа исполняется 30 лет со дня освобождения Румынии от фашистского ига. Когда страна готовилась торжественно отпраздновать этот юбилей, там побывал специальный корреспондент «Огонька». Вот его рассказ об этой поездке.



Мария Параксев, первый секретарь горкома комсомола в Азуге.



Теплоэлектростанция «Ровинарь» работает на лигните, залежи которого разрабатываются открытым способом.

Они сошли с конвейера Брашовского завода.

Встреча в Карпатах.

МУЖАНИЯ

Приближение события чувствовалось не только в праздничном наряде городов и сел. Подводился итог сделанному, и цифра завладела газетной полосой, радиоинформацией, уличным плакатом. Цифра рассказывала, сравнивала, рисовала будущее. Она царила всюду. Даже в разговорах мои собеседники, прежде чем ответить на вопрос, часто создавали из цифр жесткую конструкцию, а потом уж заполняли ее фактами и личными наблюдениями, показывая, как выросла та или иная отрасль хозяйства, мощность завода, фабрики, изменился облик города, села, уезда. И тогда еще понятнее становилось значение минувшего тридцатилетия и августовской победы над фашизмом в далеком и близком 1944 году.

ДРЕВНЯЯ БЫРКА СТАНЕТ ГОРОДОМ

Конец лета в Должском уезде напоминает август где-нибудь на Кубани. Вдоль дороги

стена созревающей кукурузы, плантации подсолнечника, сахарной свеклы и сои, сады, виноградники. Пшеница скошена и обмолочена. По полям бегают тракторы с подборщиками. Они прессуют солому в крепкие тюки, свозят их к животноводческим фермам, где уже громоздятся аккуратные скирды. Убранные поля тут же пашут, засевают. В иных местах пробились новые всходы кукурузы. К осени она поднимется, пойдет на зеленый корм и силос.

И коммуна Бырка, что на самом юге уезда, сродни кубанским селам. Просторная, многолюдная, с добротными кирпичными домами в садах, с речушкой и прудами, по которым важно курсируют гусиные эскадры.

В коммуне семь тысяч триста жителей, семь тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. Здешний госхоз и два кооператива — «Путь Ленина» и «Седьмое ноября» — многоотраслевые хозяйства.

Первый секретарь парткома и примарь Бырки Флорин Бэдянка собрал в своем кабинете своеобразную пресс-конференцию. С той разницей, что корреспондент был в единственном числе, зато на вопросы вместе с Флорином отвечали вице-примарь Митрой Георгие, директор сельского лицея Конореч Константин, директор Дома культуры Гребла Тибериу, он же заместитель секретаря парткома, оба председателя кооперативов — Троян Рестяну и Михай Чорояну. Иногда в кабинет примаря входил еще кто-то из членов правления, но, решив свое срочное дело, не уходил, а включался в общую беседу. И скоро уже на вопросы отвечали агроном, инженер-механик, руководитель художественной самодеятельности, учитель.

— Нашей Бырке более восьмисот лет,— говорит Флорин Бэдянка,— и всегда тут занимались земледелием. Чернозем, Дунай всего в пятнадцати километрах, отличный, теплый климат, все растет — что еще нужно крестьянину? Но все равно жили небогато: лучшие земли в уезде принадлежали помещикам.

Когда пришла народная власть, землю у помещиков отобрали, а в конце сороковых годов стали создавать кооперативы. Вот уже более двадцати лет работаем коллективно.

Что имеем? Землю, это понятно. Дунайская вода для полива поступает из национальной ирригационной системы. Государство помогает удобрениями. Машинно-тракторная станция — техникой. Рассчитываемся с нею деньгами и натурой за каждый вид работ. А какие работы нужно произвести машинами, что сеять и выращивать, решаем на общем собрании, учитывая советы уездных агрономов и потребности страны в сельхозпродуктах.

Едем в поля. Добрая земля и дунайская вода выгнали кукурузу метра на три. Початки налывают зерно. Нижняя часть стеблей увита фасолью. Вторая культура не только дополнительный урожай, но и обогащение самой земли азотом, который накапливается в клубеньках фасоли. Убирают ее раздельно от кукурузы, вручную, и половину урожая кооператив отдает сборщикам.

В этом году озимая пшеница на круг дала по 41,5 центнера с гектара. Кукурузы соберут по 60, а сахарной свеклы — по 450—500 центнеров.

— О доходах Бырки лучше всего узнать в нашем универмаге и сельпо: в прошлом году продано товаров на 20 миллионов лей. Есть у нас своя пекарня, медпункт, детский сад на 300 детей, лицей с сельскохозяйственным уклоном, почта, сберегательная касса, корчма. Теперь вот решили построить в летнем саду ресторан. При Доме культуры есть киноклуб. Сами сняли серию фильмов «Бырка и ее люди».

Когда мы прощаемся, Флорин Бэдянка приглашает:

— Приезжайте лет через десять, и вы не узнаете нашей коммуны. Построим фабрику по переработке сельскохозяйственных продуктов, проведем воду, газ, канализацию. Древняя Бырка станет самым молодым городом...

ЗЕРКАЛЬНАЯ ГЛАДЬ КИПЯЩЕГО КОТЛА

Нет на Дунае места более знаменитого, чем Железные Ворота. Узкая, порожистая теснина прорезана рекой между отрогами Карпат и Балкан, и вода, дробясь о каменную гряду, бурлит и кипит, словно в котле, потому и место издавна названо Казаны. Редкий лоцман решался провести корабль в этом месте, прославленном в легендах и упомянутом в школьных программах по истории и географии. Издревле тут пролегали торговые пути между Западом и Востоком, Севером и Югом. В 101 году в эти края пришли солдаты римского императора Траяна. Аполлодор Дамасский, строитель и архитектор античности, в три года построил чуть ниже порогов многоарочный мост через Дунай, а рядом с ним укрепленный пункт для охраны сооружения. Сохранись этот мост до наших дней, он и теперь, почти через две тысячи лет, поражал бы своей грандиозностью. Но вскоре после постройки мост был разрушен воинственными даками, которые не покорились римским завоевателям. В память о тех бурных временах остались на берегу Дуная только каменная опора мостового пролета да руины римских укреплений.

Нет теперь и «казанов», некогда грозных порогов: они скрылись под зеркальной гладью водохранилища гидроэлектростанции, построенной у Железных Ворот Румынией и Югославией при содействии Советского Союза. Ее сооружение началось в 1964 году, в августе 1972-го она вступила в строй. Из 12 турбин — каждая мощностью по 175 мегаватт — девять построены в Ленинграде, три — в Румынии. Двадцать пять советских специалистов принимали участие в строительстве станции и монтаже оборудования. Еще до ее пуска румынские и югославские инженеры стажировались на ГЭС в Волгограде, которая имеет много общего с дунайской.

Сооружение гидростанции у Железных Ворот — пример братского сотрудничества социалистических стран, способствующего развитию народного хозяйства этих государств.

Язык цифр доскажет любопытные подробности. Мощность ГЭС — 2 100 мегаватт, на долю Румынии приходится половина — 1 050. До освобождения страны от фашизма суммарная мощность всех ее электростанций равнялась пятистам мегаваттам, другими словами, была вдвое меньшей, чем доля Румынии в одной только гидроэлектростанции на Дунае.

В наш век производство электроэнергии определяет уровень развития страны, ее народного хозяйства. Долгое время оставаясь аграрной страной, сегодняшняя Румыния спешит развивать собственную промышленность.

Самая динамичная отрасль — химия. Обилие разнообразного сырья, потребность в химической продукции народного хозяйства, экспортные заказы — все это определило высокие темпы развития химии — более 22 процентов в год.

Развиваются машиностроение и судостроение, черная и цветная металлургия, радиоэлектроника. Производство электричества с 1950 по 1973 год увеличилось в 23 раза, капитальные вложения в эту отрасль — в 29 раз.

Разумеется, высокие темпы как в общем приросте промышленного производства, так и в развитии отдельных отраслей в значительной мере определены тем, что в самом начале отсчета мы вынуждены брать для сравнения очень низкий уровень. Румыния, например, не производила тракторов и автомобилей, теперь она их экспортирует. Как тут сравнивать, с чем? Каким процентом мерить достижение? А может, иногда обходиться без процентов? Просто говорить: это сделано при социализме.

«БЕЛАРУСЬ» В БРАШОВЕ

Еду в Брашов. Этот город, упрятавшийся между Восточными и Южными Карпатами, лежит километрах в 170 севернее Бухареста. Проскочили Плоешти с бесконечными нефтехимическими заводами, лесистые предгорья, дорога нырнула в долину реки Праховы. С нею мы не расстанемся до самого городка Предял. А когда Прахова иссякнет, дорога перемахнет через перевал и дальше покатит вниз, в Трансильванию.

Брашов — старинный город. Лежал он на торговом перекрестке, славился своими ремесленниками: суконщиками, гончарами, оружейниками, ювелирами. Был крепостью. Потом туристским центром в Карпатах. Сейчас это крупный промышленный центр Румынии.

До войны завод «ИАР» строил истребители по итальянским, польским, французским лицензиям. Были и свои, румынской конструкции. Началась война, стали выпускать одну из моделей «мессершмитта-109». Весной сорок четвертого авиазавод на три четверти разбомбили, и когда после освобождения встал вопрос о его восстановлении, то пришлось решить, какую продукцию он будет выпускать. Остановились на тракторах. Румыния, сельскохозяйственная в то время страна, своих тракторов не имела. Взятый коммунистической партией курс на коллективизацию деревни требовал создания такой отрасли.

Административный директор тракторного завода Петко Константин пришел на завод двадцатилетним юнцом, тридцать восемь лет назад. Восемь лет работал при буржуазном строе, тридцать — после свержения фашизма. Он участвовал в реконструкции завода, в освоении новой продукции.

— В декабре 1946 года мы сделали первый колесный трактор. В 1947 году выпустили уже 270 штук. Сейчас производство — 45 тысяч 500 тракторов в год. Выпускаем машины 13 видов и около 200 вариантов мощностью от 45 до 180 лошадиных сил. Бывший авиазавод лишь условно можно назвать нашим предшественником. По площади предприятие выросло раз в семь, сейчас здесь 16 тысяч рабочих.

До 1953 года мы делали по лицензии СССР гусеничный трактор «КД-35». Потом освоили «Беларусь». Теперь наши конструкторские кадры окрепли, выпускаем тракторы по своим проектам. За новую модель мощностью 65 лошадиных сил награждены золотой медалью Лейпцигской ярмарки.

Петко Константин называет города в СССР, где побывал сам и его товарищи.

— С советскими специалистами поддерживаем деловые контакты. Гордимся, что часть наших машин экспортируется в СССР. А вообще румынские тракторы идут в 72 страны Европы, Азии, Африки, Америки. Покупают их Австралия, Канада, США. Сейчас поставляем за рубеж и сборочные заводские линии. В Каире и Хайдарабаде строительство таких линий заканчивается. В Тебризе одна уже вступила в строй.

Я спрашиваю Петко Константина, сильно ли изменился Брашов с довоенного времени.

— Изменился? Он совсем другой. Наш город не только сделал первый румынский трактор, но и первый отечественный грузовой автомобиль. Выпуск грузовиков был освоен в 1954 году на заводе «Стягул рошу» при техническом содействии Советского Союза. Теперь на «Красном знамени» работает 19 тысяч человек. Только два наших завода — а они не единственные в Брашове — могли бы дать начало большому городу. Вы видели новые кварталы в центре? А я помню, когда тут были поля.

В ДОЛИНЕ ПРАХОВЫ У СИНАИ

Возвращаясь из Брашова, мы остановились на окраине модного горного курорта Синая. Чуть выше дороги, у самой опушки леса, поднимался каменный обелиск.

И вокруг белые камни надгробий. Спят под ними двадцатилетние лейтенанты и сорокалетние рядовые. Спят те, кто принес свободу Европе, а сам не дожил до Победы. Их товарищи через восемь месяцев распишутся на рейхстаге, зачерпнут воды из Эльбы, войдут в последний день войны в восставшую Прагу.

А эти навсегда останутся здесь, в долине реки Праховы, в зеленых Карпатах. Майор С. Сиболашев, лейтенант И. Доктер, солдат И. Иловнин, рядовой Иван Тарасов и многие-многие без имени, без звания, над кем просто выбито на камне «Неизвестный герой».

А где-нибудь в Сибири, под Москвой, на Украине или в Закавказье его, неизвестного героя, все еще ждет старая мать, дочь, сын. В сорок четвертом на него не пришла «похоронка», а пропавшие без вести, бывает, и возвращались. Вот и ждут дома солдата. А он лежит здесь, в зеленых Карпатах. Неизвестный герой, освободитель Европы. И это ему в центре Бухареста поставлен памятник со словами на двух языках:

Слава героям
доблестной Красной Армии,
погибшим в борьбе
за освобождение Румынии
от фашизма
1944—1945 гг.

Лев ОЗЕРОВ

ВЕТЕР, ВОЛЯ, ПЕСНЯ...

* * *

Ветер, воля, песня и раздолье.
Поле, снег, луна и облака...
Знаю русской тройки своеволье,
С Гоголем влетающей в века.

Свист! В пробежке этой неуемной
Я лирическую ширь ценю.
Песню дома во степи бездомной,
Сумрак и стремление к огню.

Тройка радости, размаха, гула...
Колокольцы — слушай и дыши.
Нет, не для купецкого разгула
Ты летишь — для праздника души.

Тройка, песнь, опущенные веки,
Удивленья вскинутая бровь.
Триединство кровное навеки:
Родина, поэзия, любовь.

* * *

С Божидаром Божиловым ходим по Пскову.
И все, что мы видим — кстати и к слову,—
Болгарская древность и старая Русь.
Гидом, пожалуй, служить не берусь.
Но сердцем я чувствую давние связи
В кладке стены, в буквенной вязи.
Да что там древние брать века,
Когда сегодня — к руке рука,
Кремиковцы рядом с нашим КамАЗом,
За путешествием, за рассказом
Песня встает. На каком споем?
Ты — на моем, я — на твоем,
На нашем общем —
На переводчицу мы не ропщем,—
На языке дружбы споем вдвоем.

* * *

Михайловское кружево — звенит оно,
горит оно
Рассветами, закатами, березами, ракитами.
Не белое, не черное кинуто на лен —
Багряное, точеное, червонный звон.

Плетут оплеты девушки, звенит весна
над Пронею.
То смех вплетают в кружево, то радость,
то иронию.
Ромашка получается, и ручеек, и речка.
Как много в ткани сказано —
ни одного словечка.

* * *

В природе происходит что-то.
Что происходит? Не пойму.
Пора весеннего прилета.
Пора осеннего отлета,
Свет, убегающий во тьму,
Тьма, убегающая к свету,
Весна, стремящаяся к лету,
А лето к осени скользит.
Во всем смятенье и забота.
В природе происходит что-то.
Что происходит? Странный вид.
Ни то, ни се, и то, и это.
Весна и осень в пору лета,
Перемещенье, беглый миг,
И становленье, и работа,
Еще один малейший сдвиг,
Еще шажок, пол-оборота,
И я скажу, что жизнь постиг.
Но рано: происходит что-то
В природе и во мне...

* * *

Об этом я вспомнил у Ви́тоши,
В кипенье дневной толпы:
«Прислушайся к песне — увидишь,
Как вяжут в поле снопы».

Прислушайся к песне — почувствуешь,
Как старушка у Шяуляя
Шинкует капусту похрустывающую,
Не соль, а слезы в нее добавляя.

Из песни, как из речной струи,
Я легко без слов узнаю,
Как ты заплетаешь в косы свои
Думу мою.

ЛИТОВСКИМ ПОЭТАМ

Настоящая дружба стыдится
Суесловия — дело верши,
И на вспаханном поле страницы
Прорастут эти зерна души.

Горячо возлюбили мы деву —
Ту, что Музой давно нарекли,
И, народному веря напеву,
Восславляли щедроты земли.

По-литовски, по-русски мы пели,
Над литовской, над русской рекой.
Звуки гуслей тонули в метели,
Звуки канклей мешались с пургой.

Для сочувствия нет расстоянья.
Пушкин прав: наш прекрасен союз!
Как мы искренне ценим звучанье
Ваших «ис», ваших «ас», ваших «ус».

Из-под крова московского дома
Я тянусь этой строчкой туда,
Где над Нямунасом знакомо
Пятикрылая блещет звезда.

МОСТ

Мост — удлинение прыжка.
Мост — это путь ученика
Из дома — ежедневно — в школу.
Мост — облегченье новоселу
И старожилу благодать.
Два одиночества связать,
Свести две жизни воедино.
Мост — это прочно, лебедино
Двух берегов красу и стать
Соединить и сочетать.

ГАСТРОЛИ

Г. ДАНИЛОВА

ЛЮБИМЫЙ ТЕАТР

Чувашский драматический театр имени К. В. Иванова по праву считает себя детищем Октябрьской революции: он возник в январе 1918 года, первым его спектаклем была комедия А. Н. Островского, переведенная на чувашский язык. Сегодня это кажется весьма знаменательным: чувашский театр в своем поступательном движении не раз опирался на помощь русской сценической культуры, неизменно встречая понимание и поддержку; его режиссеры получали высшее образование в московском театральном институте, здесь же в двух чувашских студиях, которыми руководили М. М. Тарханов и В. А. Орлов, были воспитаны актеры, составляющие ныне костяк труппы. И потому гастроли в Москве — кстати, первое за всю историю театра большое выступление за пределами автономной республики — имели для него совершенно особую ответственность.

Восемь спектаклей, показанных в столице Чувашским театром,— это откровенный, взволнованный рассказ о себе, об отношении к жизни и к искусству, о понимании своего общественного назначения.

Почти каждая гастрольная работа театра была по-своему интересна, повествуя о тематической широте репертуара, о поисках нового, о крепкой связи с традициями подлинно народного искусства, о несомненной талантливости, высокой исполнительской культуре коллектива и, наконец, о больших, еще не полностью использованных творческих резервах.

Среди показанных театром спектаклей — удостоенная Государственной премии РСФСР постановка «Волны бьют о берег» Н. Терентьева (режиссер — Л. Родионов), рассказывающая о борьбе первого чувашского педагога-просветителя И. Я. Яковлева за становление национального самосознания, в котором значительную роль сыграли помощь и дружеское участие И. Н. Ульянова... Пьеса несколько иллюстративна; спектакль же дает представление об исторической значимости затронутых проблем, раскрывая в колоритных образах дореволюционную судьбу народа, стороны национального характера.

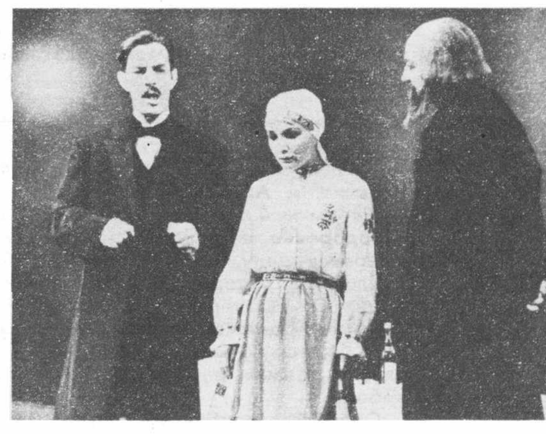
Тяготение к эпичности, рассказу о судьбе человеческой — судьбе народной, к поэтической обобщенности выразительного языка характерно для многих постановок. Играя в «Стране Айгуль» (режиссер — Л. Родионов), Н. Григорьева создает сложный, своеобразный характер Айгуль, сочетая бытовую конкретность и романтическую приподнятость как единое целое. Возникает поэтичный образ юной и доброй души, готовой объять любовью все человечество... Крупный, резко очерченный характер создает в «Кровавой свадьбе» Ф. Гарсиа Лорки (режиссер — В. Яковлев) В. Кузьмина. Ее Мать — сложная, противоречивая, а в то же время самая логичная фигура спектакля, в которой все монументально, мощно: и бурные взрывы чувств, и сокрушительный порыв поступков, и глубокая мудрость познания человечности, к которому приходит в финале героиня.

Чрезвычайно любопытно в этом театре творчество молодого режиссера В. Яковлева. Его постановкам свойственна четкость решения, последовательность проведения замысла, любовь к работе с актерами, интерес к драматургии разных авторов — разного стиля и жанра. Трагедия Ф. Гарсиа Лорки соседствует с комедией Шекспира «Двенадцатая ночь», превращенной в остроумный праздник народного жизнелюбия, торжества шутки, веселой иронии. И тут же — одна из лучших работ театра — полифонически сложная и емкая по содержанию постановка драмы-легенды Н. Терентьева «Земля и девушка», раскрывающая извечную мечту народа о счастье.

Изрядно заигранную в чувашском театре бытовую комедию «Выйди, выйди за Ивана» Н. Айзмана, где говорится о том, как послереволюционная действительность поднимала чувашского крестьянина к новой жизни, В. Яковлев решает в форме изящного, остроритмичного представления-игры, передавая оптимизм современного народного мироощущения.

Черты, свойственные не только русскому, но всему советскому народу при социализме, в том числе и чувашскому — общность судьбы всех социалистических наций,— режиссер стремится выявить в постановке «Солдатской вдовы» Н. Анкилова. Спектакль В. Яковлева в широкой эпической манере говорит о духовной стойкости и нравственной силе советских людей, сокрушивших фашизм.

Народ, его жизнь, труд и мечты, будни и праздники получают талантливое отражение в работе театра, вызвавшей живой интерес москвичей.



Сцена из спектакля «Волны бьют о берег».
Фото И. Галанюка.

Николай САПФИРОВ

РЯДОМ С БЕДОЙ

Поезд мчался по бескрайней равнине. За окнами вагонов мелькали вызолоченные спелые хлеба, голубые ленты рек, приютившиеся возле них деревеньки. Жизнь в вагоне текла шумно и беспечно. В нашем купе было четверо: белокурая девушка, ехавшая на ударную стройку, молодой инженер, командированный на один из заводов, седовласый, с бронзовым от загара лицом токарь, возвращающийся с Крымского побережья, из отпуска. И, наконец, я, корреспондент газеты.

Инженер рассказывал о ВДНХ, отпускник восхищался красотами Крыма, а белокурая девушка, узнав, что я уже бывал на ее стройке, расспрашивала, как там живут люди, как работают, отдыхают. Потом разговор зашел о будущем. Девушка со свойственной молодости горячностью стала доказывать, что при коммунизме люди будут совсем, совсем другие, без каких-либо пороков, и жить они будут как родные братья, готовые пойти на самопожертвование ради товарища.

— Что ж, все правильно,— улыбнулся инженер.— Только почему будут? Разве вам сегодня не приходилось встречать таких людей?

— Верно! — поддержал его токарь.— Не будут, а уже есть. Взять хотя бы вас, милая девушка. Отказались от домашнего уюта, родительской опеки и едете на ударную стройку... Э, да что там говорить! Вот у нас в Пензе, на компрессорном заводе, был такой случай...

Эта история заинтересовала меня, и позже я решил побывать в Пензе, выяснить подробности...

* * *

...Когда Юрий увидел, что раскаленные диски падают прямо на него, было уже поздно...

Еще минуту назад он бодро насвистывал марш из «Веселых ребят». Юрий любил эту мелодию и напевал ее всякий раз, когда было радостно на душе. А сегодня настроение у него особенное и причиной тому — похвала мастера Акимыча.

— Давно наблюдаю за тобой, Нуйкин,— сказал Акимыч.— Вижу, сноровистый ты, старательный. Хвалю!

Юрий сразу подумал о матери: «Представляю, как она обрадуется, когда узнает». Он вспомнил, как месяц назад волновалась мать, провожая его первый раз на завод. «Ты прилежным будь,— поучала его,— добрых людей слушайся, они тебя уму-разуму научат». Юрий тогда немножко удивился: «Что это она вдруг, не ребенок ведь. Справлюсь не хуже других». Но потом понял беспокойство матери. Он-то знал, как трудно ей было вырастить, воспитать трех сыновей.

Юрий был самым младшим. Родился он в тяжкую пору войны. Мать недосыпала, недоедала, выкручивалась как могла, только б дети были сыты. Лишь когда подросли старшие и пошли работать, она облегченно вздохнула.

Теперь все ее заботы сосредоточились на младшем сыне. Был он хилый, болезненный мальчик, и Александра Васильевна изо всех сил старалась поставить его на ноги. Постепенно здоровье «младшенького» наладилось. Порозовели щеки, он стал крепким ребенком.

Хлопоты матери глубоко запали в душу Юрия. Он был очень привязан к ней и однажды в пылу детского откровения признался:

— Знаешь, о чем я думаю, мама? Мы никогда не должны расставаться. Я всегда буду с тобой!

Она мягко улыбнулась, потрепала его за волосы.

— Все так говорят, когда маленькие,— сказала, смеясь.— А вырастут и покинут родное гнездо.

— Нет, я тебя не оставлю! — воскликнул Юрий.

И он сдержал обещание. Многие из его сверстников в поисках романтики отправились в другие края. Старшие братья тоже уехали из дома. А он остался с матерью...

Юрий быстро загрузил последний контейнер, зачалил его тросами и весело крикнул крановщице:

— Готово!

Тросы натянулись, контейнер медленно пополз вверх, а потом плавно опустился на самоходную тележку.

Остались незагруженными три диска. Чтобы не возвращаться за ними, Юрий положил их поверх контейнера. Правда, была превышена норма, но это не смутило его: кран мощный, поднимет и с «довеском».

Все произошло в какие-то доли секунды. Когда крановщица снимала с самоходной тележки контейнер, он вдруг накренился, и три раскаленных диска, лежавшие на нем, скатились прямо на Юрия, придавив его к земле.

В первое мгновение он не ощутил боли. Она пришла вместе с запахом дыма и гари. Из-под ног уже вырывались синевато-оранжевые полоски. Тело разом пронзили тысячи огненных жал.

— Помогите! — отчаянно закричал Юрий.

Его крик подхватила крановщица:

— Несчастье! Человек горит!..

Находившиеся поблизости рабочие бросились к нему. Они старались, как могли, но сдвинуть диски не удавалось.

Подбежал мастер Акимыч. Волосы взъерошены, в глазах испуг.

— Что случилось?

Увидев распластанного в дыму и гари Юрия, побледнел. Заорал хриплым, срывающимся голосом:

— Ломы! Несите ломы!

Наконец диски сдвинули. Потом кто-то принес носилки, и пострадавшего понесли к заводским воротам, где уже ждала машина «Скорой помощи».

...В истории болезни за номером 3997 появилась запись, сделанная рукой дежурного врача приемного покоя: «Доставлен в состоянии шока. Ожог третьей степени. Поражено около 40 процентов поверхности тела. Местами проглядывают кости...»

Случай был редкостный, и врач подумал с горечью: «Не выживет. А жаль, такой молодой... Вот разве Николай Яковлевич что-нибудь сделает...»

Главного хирурга больницы Некрасова он боготворил, считая его чародеем. На его глазах этот внешне ничем не примечательный человек вырывал у смерти обреченных людей. В годы войны, работая в военно-полевом госпитале, Некрасов спас многих солдат и офицеров. В больницу до сих пор приходили от них благодарственные письма...

Положив в ящик стола историю болезни, дежурный врач подошел к пострадавшему, чтобы еще раз проверить пульс.

Юрий лежал неподвижно. Ноги и правая рука были покрыты темно-бурыми пятнами. Лицо матово-бледное, словно из него выкачали всю кровь. Если бы не пульс, который едва прощупывался, можно было подумать, что это покойник.

В коридоре послышались быстрые шаги. Врач облегченно вздохнул: Некрасов. Его всегда отличишь по походке.

— Что случилось, Дмитрий Васильевич? — на ходу застегивая халат, спросил главный хирург.

— Ожог третьей степени.

Некрасов присел на табурет, вынул из кармана халата фонендоскоп, приложил к груди больного. Слушал долго, внимательно. Потом повернулся к врачу:

— Укол новокаина делали?

Тот утвердительно кивнул.

— А физиологический раствор?

— Ввели, как только доставили больного.

— Так...— Некрасов задумался. Вроде сделано все, что необходимо в подобных случаях. Почему же, однако, не проходит шок?

И тут он вспомнил, как однажды в полевой госпиталь доставили обожженного танкиста. Было то же самое: ожог третьей степени, шоковое состояние и безрезультатность первых попыток привести пострадавшего в чувство. Но стоило сделать переливание крови, как шок прекратился.

— Дмитрий Васильевич,— сказал Некрасов, вставая.— Срочно уточните группу крови больного.

Врач понимающе кивнул:

— Вы полагаете, есть надежда?

— Дорогой коллега! Если даже есть один шанс из ста, врач и тогда не должен терять надежды... Будем бороться и верить в благополучный исход.

Кабинет главного хирурга находился этажом выше, и, чтобы попасть в него, надо было пройти длинный коридор, затем подняться по винтовой лестнице. Едва Некрасов ступил на первую ступеньку, как его окликнули. Молоденькая медсестра сказала, запыхавшись:

— Николай Яковлевич, там, в приемной... Пожилая женщина... Просит пропустить к сыну...

— Вы же знаете, сегодня неприемный день.

— Но она настаивает.

— Фамилия больного?

— Кажется, Нуйкин. Он новенький, в пятой палате лежит. Обожженный.

* * *

О несчастье с сыном Александра Васильевна узнала в тот же день. Она догладживала белье, когда в дверь кто-то нерешительно постучал. «Войдите!» На пороге стоял парень чуть постарше Юрия. Увидев в его руках одежду сына, Александра Васильевна побледнела, схватилась за грудь: «Что с Юрой?» «Да вы не волнуйтесь, мамаша, ничего особенного. Живой он, только обжегся малость».

У Александры Васильевны подкосились ноги, потемнело в глазах. Опустившись на стул, она с трудом выдохнула: «Где он?» «Мы отвезли его в больницу».

Боже мой, ее Юра в больнице! С пустяками туда не повезут — это же ясно. От нее что-то скрывают... Александра Васильевна металась по комнате. А парень стоял у двери, ощущая неловкость. Конечно, он ни в чем не виноват.

Но горе матери видеть невозможно. «Я, пожалуй, пойду,— тихо сказал он.— Меня ждут на заводе». Постояв еще с минуту, он незаметно вышел. А вслед за ним выскочила заплаканная Александра Васильевна, на ходу застегивая пальто. В больницу...

— Присядьте, пожалуйста,— указывая на диван, сказал Некрасов, когда Александра Васильевна в сопровождении медсестры вошла в его кабинет.

В глазах ее была такая тревога, что главный хирург не решился сразу начать разговор. Он сделал вид, будто просматривает какие-то бумаги. Потом встал из-за стола и прошелся по кабинету.

— Так вы хотите видеть сына?

Она кивнула головой и устремила на него умоляющий взгляд.

— Это невозможно,— мягко сказал Некрасов.— Ваше появление может взволновать его. А ему нужен покой. Понимаете, полный покой.

Ну, что она могла ответить на это? Раз доктор считает... Нет, она вовсе не настаивает, хотя ей так хочется повидать Юру. Она на все готова, лишь бы ему было покойно. Тихо спросила:

— Скажите, доктор, это опасно?

Что ж, теперь, когда она немножко успокоилась, можно сказать правду.

— Ваш сын в тяжелом состоянии,— медленно проговорил Некрасов.— У него ожог третьей степени. Но мы сделаем все возможное, чтобы спасти его.

Александра Васильевна уронила голову на грудь и зарыдала.

Некрасов принялся успокаивать ее:

— Зачем же так? Не надо впадать в отчаяние. Мы спасем вашего сына.

* * *

Шли десятые сутки. Шоковое состояние давно кончилось, но боль не проходила.

Все эти дни больной был в каком-то странном состоянии, когда теряется ощущение реальности и окружающее воспринимается в неестественном, искаженном виде. Собственное тело казалось ему непомерно тяжелым и чужим, в голове непрерывно гудело, а в ушах звенело так, словно рядом били в десятки колоколов.

С той минуты, как случилось несчастье, он не принимал пищи, катастрофически слабел. В отчаянии Юрий спрашивал себя: «Неужто это конец?» — и чувствовал, как лоб покрывается холодной испариной.

А врачи требуют: «Крепись, не предавайся отчаянию, не теряй веры. Ты молодой, сильный, выдюжишь!» Ухаживают за ним как за малым ребенком. Ни днем, ни ночью не отходят от его койки. Переливание крови, искусственное питание... Только бы дотянуть до того дня, когда произойдет отторжение пораженных тканей и можно будет оперировать.

— Вот сделаем пересадку кожи, и тебе сразу станет легче,— подбадривает Юрия Некрасов.

В часы приема в палату бесшумно входит мать, садится на табуретку рядом с Юриной койкой и с молчаливым состраданием всматривается в осунувшееся, изможденное лицо сына. Когда Юрий поднимает отяжелевшие веки, она наклоняется к нему, шепчет: «Ты, Юрочка, не падай духом. Все будет хорошо».

То же самое повторяют и его товарищи, которым иногда удается проникнуть за больничные «кордоны». А почему, собственно, все они так настойчиво твердят об этом? Разве он дал повод считать его малодушным, разве он перестал любить жизнь? Она так маняще шумит за окном. Там — весна, солнце, людской поток на улицах. Литейщики, небось, уже возвращаются с работы. Юрию даже кажется, что он слышит их голоса. Заметив вошедшего в палату Некрасова, Юрий настойчиво просит:

— Доктор, делайте операцию. Не могу больше ждать!

К концу третьей недели началось отторжение омертвевшей ткани. Теперь, когда четко обозначились ее границы, можно начинать подготовку к операции.

На лице главного хирурга, однако, не было улыбки, которой он обычно одаривал больных и которая так успокаивающе действовала на них. Доктор был явно озабочен. Предстоит пересадить около трех тысяч квадратных сантиметров здоровой кожи. Для этого потребуется не меньше двадцати двух доноров. А где их взять? На такое дело охотников мало. Это не то что кровь дать. Тут надо у каждого срезать кусок кожи размером с ладонь.

«Задача с двадцатью двумя неизвестными»,— невесело усмехнулся Некрасов. И вдруг его осенило: позвонить в заводской комитет комсомола.

Некрасов снял телефонную трубку, набрал номер.

— Товарищ Дуденкова? Беспокоит главный хирург Некрасов. Вот какое дело...

В трубке слышалось прерывистое от волнения дыхание, девушка молчала, видимо, раздумывая над столь необычной просьбой.

Наконец послышался тонкий, звенящий голос:

— Доноры будут, доктор. Непременно будут!..

Маша Дуденкова не знала этого парня — он не был комсомольцем. Но о том, что с ним случилось несчастье, ей было известно.

В тот день Маша зашла к директору завода поговорить о предстоящем комсомольском субботнике. Зашла в тот момент, когда между директором и мастером Акимычем происходил нелицеприятный разговор, из которого секретарь комсомольского комитета поняла: в литейном произошло ЧП. Но она не предполагала, что это так серьезно.

Звонок главного хирурга вызвал в ее душе смятение. Маша не могла простить себе, что до сих пор не поинтересовалась состоянием молодого литейщика. Конечно, дел у нее по горло: подготовка к теоретической конференции, встреча с ветеранами производства, поездка в подшефный колхоз. Все это так. Но разве нельзя выкроить часок-другой, чтобы навестить больного? Ощущение своей вины заставило Машу действовать быстро и энергично. Не прошло и получаса, как в большой комнате комитета комсомола уже собрались секретари цеховых комсомольских бюро и комсорги. Многие пришли в спецовках. В комнате запахло соляркой.

— Что случилось, секретарь? — спросил кто-то из ребят.— Почему такая спешка?

— Ребята,— взволнованно сказала Маша,— вы, наверное, слышали о несчастье в литейном? Так вот, тот парень в очень тяжелом состоянии. Чтобы спасти его жизнь, требуются доноры. Много доноров...

Подробно рассказав о своем разговоре с главным хирургом, Маша спросила:

— Какие будут предложения?

Поднялся комсорг Балуев из механического цеха:

— Дело ясное. Помочь товарищу — наш долг. Предлагаю немедленно разойтись по цехам и начать запись добровольцев.

— Правильно! — дружно поддержали все.

— Значит, договорились? Сбор добровольцев — после окончания дневной смены. Здесь, в комитете.

Проводив ребят, Маша позвонила Некрасову и сообщила, что в три часа дня доноры будут в больнице.

Вроде бы все было в порядке. Маша хорошо знала комсомольцев завода — надежные товарищи. И все-таки где-то в глубине души у нее шевелился червячок сомнения: хватит ли у ребят мужества лечь на операционный стол ради человека, которого они, в сущности, совсем не знают?

Но вот окончилась дневная смена, и минут через пять в коридоре послышались шаги. Шумно распахнулась дверь, и в комнату ввалилась целая ватага комсомольцев сборочного цеха во главе со своим вожаком Колей Селивановым.

— Принимай, секретарь, наших посланцев! — крикнул он еще с порога.— Ровно тридцать! Желающих было гораздо больше, но я сказал, что хватит.

А в это время в дверях показалась новая группа добровольцев. Это были чертежники из конструкторского отдела завода. Комсорг Инна Володутова, невысокая, полная девушка со строгим лицом, подойдя к Маше, торопливо и негромко докладывала:

— Мы решили пойти всей организацией. Никто не захотел остаться. Даже Алла Блехманова. Ты же знаешь, какая она слабенькая. Я ей говорю: «Не ходи, обойдемся без тебя». Ужасно обиделась. «Не твое дело! — отвечает.— Ты мою силу не измеряла».

«Молодец, Алка!» — мысленно похвалила Маша и поискала глазами Блехманову. Девушка стояла возле двери, худенькая, бледнолицая. Когда их взгляды встретились, Маша приветливо кивнула. А добровольцы все шли и шли.

Людей набралось много больше, чем требовалось. Кому же отдать предпочтение? «Пусть

Юрий Нуйкин с женой и дочерью Аленкой.

решают сами»,— подумала Дуденкова. Когда она сказала об этом, в комнате поднялся гвалт. Никто не хотел добровольно уступить место другому.

— Юрий работал в нашем цеху! — размахивал рукой смуглолицый литейщик.— Беда с ним случилась тоже у нас. Стало быть, спасать его должны мы, литейщики.

— Не согласны! — возражал ему Коля Селиванов.— Он и наш товарищ.

— Одну минутку,— усмехнулся литейщик.— А вы хоть раз видели его?

— Это не имеет значения.

В спор вмешалась Инна Володутова.

— Вы оба не правы,— сказала она.— Нельзя забывать о производстве. Допустим, в больницу ляжет молодежь из цехов. А что будет с планом? Вы подумали об этом? Предлагаю послать нас, конструкторов. Ничего не случится, если наш отдел временно поредеет. Наверстаем потом.

Маша примирительно сказала:

— Не надо горячиться, ребята. По-моему, Инна права. Пойти должны те, кто непосредственно не связан с производством.

Страсти сразу приутихли.

— А мне можно? — спросила нарядчица литейного цеха Лена Александрова.— С завтрашнего дня я в отпуску.

— Конечно, можно,— улыбнулась Дуденкова.

— Удивительное совпадение! — воскликнула кладовщица того же цеха Оля Симакова.— У меня завтра тоже начинается отпуск. Значит, вместе?

В кабинет врача входили поочередно. Терапевт прикладывал к спине каждого фонендоскоп, просил дышать и не дышать, выстукивал тонкими, длинными пальцами грудную клетку. Закончив эти манипуляции, передавал обследуемого невропатологу, а тот — медсестре. Она уводила донора к своему столу, усаживала рядом с собой, наносила укол иглой в кончик мизинца и набирала в стеклянную пробирку кровь для анализа. Если кровь оказывалась первой группы, обследуемого просили подождать в приемной, если же второй или третьей, отсылали обратно. «Забракованные» долго не уходили, требовали повторных анализов.

Оперировать Юрия решили в два приема, с интервалом в десять дней, поэтому молодых доноров разбили на группы. Двенадцать человек тут же разместили по палатам, а остальных попросили прийти в больницу через неделю.

Ребят облачили в просторные пижамы, девушек — в белые халаты. Но в этом наряде они больше походили на курортников. Громко разговаривали, шутили, наполняя тишину больницы юношеской жизнерадостностью.

Наутро их пригласили в операционную. Тут было не до шуток. Сама обстановка — огромные круглые зеркала, ослеплявшие отраженным светом, люди в масках, острый запах лекарства — все это означало, что сейчас начнется операция, о которой никто из доноров не имел ни малейшего представления.

Испытывали ли они робость, переступая порог этой необычной комнаты, куда люди попадают лишь в силу величайшей необходимости? Дрогнуло ли юношеское сердце при виде острых, блестящих скальпелей, пинцетов и щипцов, лежавших в медных тазиках? Возможно, что все это было. И робость была, и сердечко екало. Но держались они спокойно. Одна лишь Оля Симакова выдала свое напряжение, спросив:

— А вы не знаете, чем срезают кожу?

— Обыкновенным ножом,— пошутил кто-то из ребят.— Возьмут двумя пальцами, оттянут и... рубанут!

— Трепач! — Оля надула губы, отвернулась.

— Да ты не волнуйся, Симакова,— успокоил ее конструктор Корякин.— Сущий пустяк! Так срежут, что и не почувствуешь.

Когда открылась дверь операционной и пожилая медсестра спросила: «Кто из вас самый смелый?» — Корякин решительно шагнул вперед. За ним последовали еще двое.

Их уложили на квадратные белые столы. Протерли спиртом бедра, где надлежало снять кожу, смазали каким-то клейким веществом и сделали уколы новокаина. Потом они увидели в руках хирургов маленькие валики в металлической оправе.

— А что это за чудо техники? — с любопытством спросил Корякин.

— Дерматом,— ответил один из хирургов.— Внизу, как видите, острая бритва. Она снимает кожу, которая благодаря клею наматывается на валик. Кожа потом замораживается. Вот и вся технология.— И хирург положил валик на правое бедро конструктора.

— Оригинально! А я-то думал...— Корякин не успел договорить, как почувствовал тупую боль в бедре.

Примерно через полчаса доноров увезли, их места на операционных столах заняла новая тройка: Алла Блехманова, Оля Симакова, Лена Александрова.

А человек, для которого все это делалось, тем временем лежал в пятой палате и громко стонал. Он и не подозревал, что где-то рядом заводские комсомольцы тоже терпят боль, чтобы спасти ему жизнь. Он не знал этих ребят и девчат. Они не знали его. Но их соединяла незримая, прочная нить товарищества и долга.

И вот наступила его очередь.

Когда Юрия уложили на каталку, он сразу понял — операция!

Долго, целую вечность ждал он этого часа. Ждал с невероятным упорством и терпением, на которое только способен человек. Это была его последняя надежда, не покидавшая даже тогда, когда, казалось, уже не было сил выдерживать мучительные боли.

Юрий устало закрыл глаза, прислушался. В операционной было тихо. Вполголоса переговаривались врачи, сестры, а потом послышался голос главного хирурга: «Наркоз!»

...Очнулся Юрий уже в палате. Шумело в голове, но боли были не так мучительны, как прежде. И все как-то изменилось. Обстановка палаты, к которой все эти дни он проявлял полное безразличие, теперь вызывала интерес. Юрий долго разглядывал букет левкоев, стоявший в вазе на тумбочке. Это были его любимые цветы. «Кто же их прислал?» — пытался угадать он.

Вошла медсестра. Подойдя к тумбочке, она стала поправлять букет. Юрий впервые заметил, что у нее удивительно тонкие, нежные руки.

— Тебе нравятся эти цветы? — почему-то краснея, спросила девушка.

— Очень!

— Совсем свежие. Я нарвала их час назад.

«Так вот кто принес чудесный букет!» Юрию было приятно, что это сделала именно она. Он вспомнил, как заботливо ухаживала за ним эта девушка, когда он лежал совсем беспомощный. Часами не отходила от койки, в глазах ее было такое сострадание, словно она физически ощущала его боль. Любопытно, сколько же ей лет? Совсем еще девчонка... Нос вздернутый, косички смешно торчат изпод чепчика. «А она симпатичная!» — подумал Юрий и впервые улыбнулся.

Вечером в палату заглянул Некрасов.

— Как мы себя чувствуем? — весело спросил он.

— Благодарю, доктор. Мне намного лучше.

— Не меня надо благодарить,— серьезно сказал Некрасов,— а тех молодцов, что лежат в третьей и шестой палатах. Хорошие у тебя друзья. С такими не пропадешь!

Так Юрий узнал о своих спасителях.

Если б только можно было, он сразу пошел бы к ним, расцеловал, поблагодарил.

...Александра Васильевна пришла к сыну на следующее утро. Юрий впервые с аппетитом позавтракал и теперь бездумно лежал на койке, наблюдая, как на стене резвится солнечный зайчик.

Взглянув на сына, Александра Васильевна сразу заметила резкую перемену в его состоянии. На лице Юрия уже не было страдальческого выражения, которое заставляло сжиматься материнское сердце. Не было и прежнего отчаяния в его глазах.

— Вижу, тебе полегчало, сынок? — сдерживая радость, осторожно спросила Александра Васильевна.— Кто оперировал-то?

— Сам Некрасов.

— Дай бог ему здоровья!

— А знаешь, кто дал мне кожу для пересадки? — спросил Юрий.— Наши заводские комсомольцы. Они лежат в третьей и шестой палатах. Ты поблагодари их, мама.

— Хорошо, сынок, я сделаю это сейчас же.

...Когда она вошла в третью палату, ребята сидели за столом и гремели костяшками домино.

— Милости просим,— любезно сказал Корякин.— Значит, вы мама Юры Нуйкина? Очень приятно. Присаживайтесь.

Но Александра Васильевна продолжала стоять. И вдруг все увидели, как по ее щекам катятся слезы.

— Что случилось, мамаша? — забеспокоились ребята.— Операция прошла удачно, Юра скоро поправится. Зачем же плакать?

Александра Васильевна вытерла кончиком платка лицо: — Это от радости...

Весть о благородном поступке комсомольцев компрессорного завода быстро разнеслась по городу. В областной газете был напечатан рассказ об этой истории. В больницу зачастили посетители. Приходили соседи по квартире, товарищи по работе, знакомые и незнакомые горожане. Приходили с букетами цветов, пакетами фруктов.

В выходной день с компрессорного завода прибыла целая делегация во главе с секретарем парткома Александром Степановичем Драгуновым.

— Ну, как вы тут? — войдя в палату доноров, громко спросил Драгунов. Увидев на тумбочках многочисленные пакеты со снедью, он весело воскликнул: — Ого!

Пока выгружали из авосек пухлые кульки, Драгунов пристально вглядывался в лица ребят.

— А вы молодцы! Действовали по-нашему, по-фронтовому... Приказом директора вам объявлена благодарность. А горком комсомола наградил вас почетными грамотами.

Неделю спустя Юрию сделали вторую операцию. В тот день он спал намного дольше обычного. Сон был ровный, спокойный. Проснулся от прикосновения чьих-то рук. Болей почти не было, во всем теле ощущалась непривычная легкость.

«А ведь я почти здоров»,— с радостью подумал он и открыл глаза. То, что он увидел, изумило и растрогало его. Прямо над изголовьем, образуя полукруг, стояли те, кто спас ему жизнь. В руках у них были стаканы с лимонадом.

— За твое здоровье, Юра! — подняв стаканы, дружно крикнули ребята.— И за нашу дружбу!

У него учащенно забилось сердце, сдавило горло. Долго не мог он собраться с мыслями, найти подходящие слова.

— Я буду долго жить,— наконец сказал он.— В моем теле теперь течет кровь верных друзей.

...Я обратился в комитет комсомола Пензенского компрессорного завода с просьбой сообщить, как сложилась судьба Юрия. После нашей встречи с ним прошло много времени. И вот письмо.

Вскрываю конверт, извлекаю из него два листка бумаги, исписанные ровным каллиграфическим почерком, и несколько фотографий. Две из них мне уже знакомы. А с кем Юрий снят на третьей, узнаю из письма.

«Вы спрашиваете, как сложилась моя судьба после той несчастной истории? Отвечу кратко: неплохо. Я окончил техникум и теперь работаю мастером отдела технического контроля. Продолжаю учиться на вечернем отделении машиностроительного факультета заводского втуза. Уже перешел на третий курс.

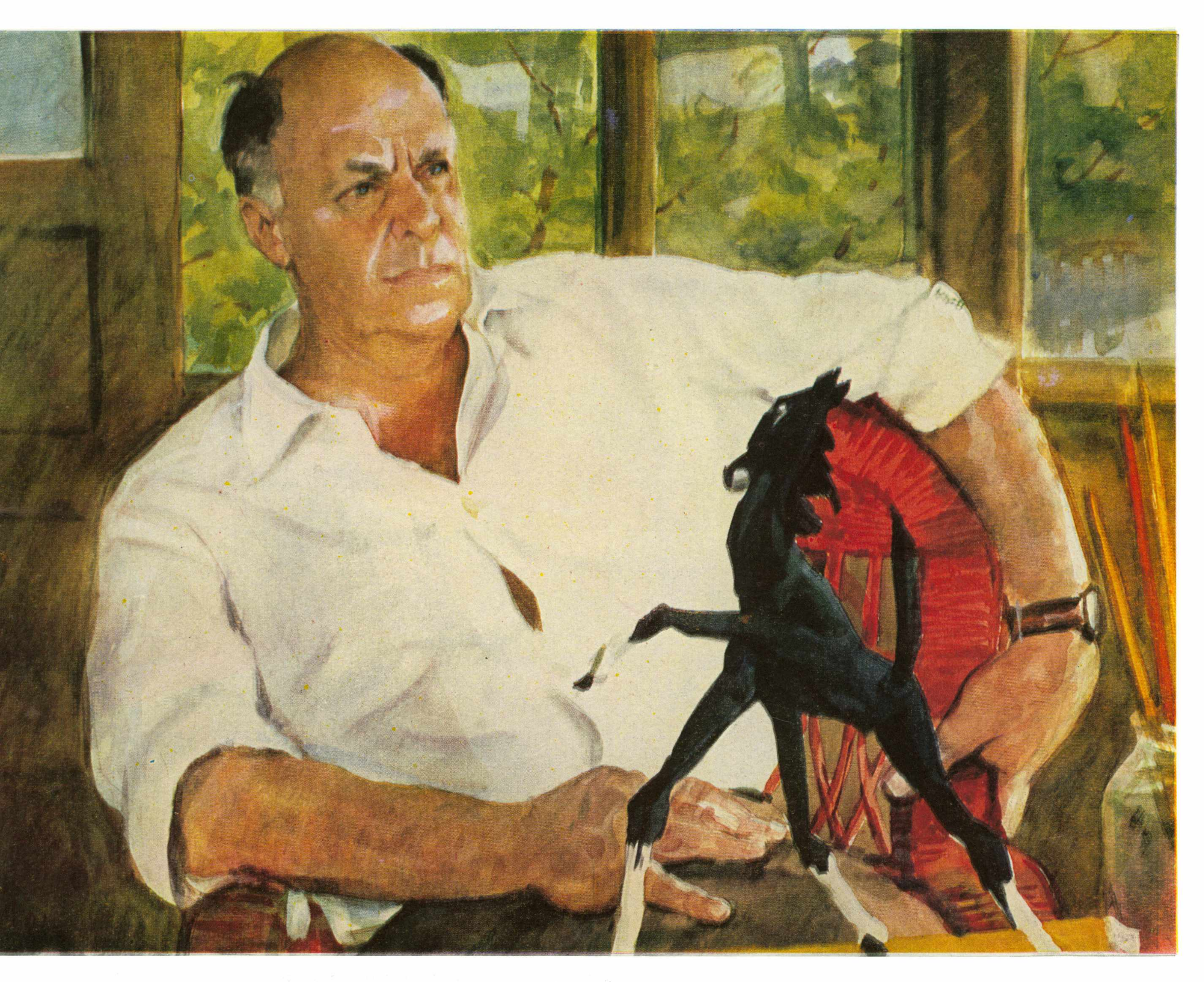
Обзавелся семьей. Помните медсестру, которая ухаживала за мной в больнице? Она теперь — моя жена.

Есть у нас дочь Аленка. Учится в первом классе. Очень любознательная девчушка. Часто пристает ко мне с расспросами: «Папка, как тебя спасли доктора и заводские комсомольцы?» И я, уже в который раз, начинаю все подробно рассказывать.

Мне понятен ее интерес: Аленке хочется стать похожей на этих людей, в ее представлении самых мужественных, самых добрых и самых бескорыстных...»

Как хорошо, что есть у нас такие люди!

Н. Жуков. АНДРЮША.



Н. Жуков. НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР БОРИС ЛИВАНОВ.

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИОГАННА ВОЛЬФГАНГА ГЕТЕ

Существуют имена-символы, имена, олицетворяющие как бы всю литературу, всю словесность своего народа. Для России это Пушкин, для Польши — Мицкевич, для Германии — Гете.

Иоганн Вольфганг Гете переплавил в своей душе старинные немецкие баллады и сказания, он стал настоящим этой поэзии, этого языка — и залогом его будущего. Величайший поэт, драматург, он был и замечательным прозаиком, стоит только вспомнить «Страдания молодого Вертера», облетевшие мир в те давние времена, когда не было ни радио, ни телевизоров, ни прочих, как теперь принято выражаться, средств массовой информации. Он автор блистательных лирических стихотворений и гениальной трагедии «Фауст», над которой трудился всю свою жизнь. Современники и потомки нередко называли его олимпийцем, но это определение не слишком подходило к нему, ибо он был не из тех, кто «добру и злу внимает равнодушно».

Поражает в Гете широта его поэтических интересов. Гете неоднократно обращался к творчеству великих поэтов Востока Низами, Саади, Хафиза.

Когда в Веймаре у Гете побывал Василий Андреевич Жуковский, Гете вручил ему перо, гусиное перо, для передачи Пушкину. И сопроводил этот подарок стихами, в которых говорило как бы само перо:

Что себе ни разрешу,
Буду я для всех любезно,
Коль хвалу тебе я честно,
По заслугам напишу.
(Перев. С. Шервинский.)

Гете был не только величайшим поэтом Германии, на многие годы вперед определившим развитие немецкой поэзии. Он, выдающийся мыслитель, был и крупным ученым, живо интересовался геологией, анатомией, биологическими науками. Он не умел и не мог замкнуться в пределах литературы, в пределах изящной словесности — живая жизнь увлекала его во всех своих проявлениях.

Предлагаем читателю новый перевод одного из известнейших созданий Гете — баллады «Ученик чародея», искрящейся задорным народным юмором, в которой поэтический гений Гете раскрывается с еще одной, быть может, несколько неожиданной для творца «Фауста» стороны.

Иоганн Вольфганг ГЕТЕ

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Наконец ушел из дому
Чернокнижник седовласый!
Так за дело! Мне знакомы
Все его слова и пассы.
На него похоже
Буду говорить,
Смело стану тоже
Чудеса творить!

Пусть же влага
Хлынет щедро
И привольно заструится,—
Пусть вода, а не водица
Хлынет в чан,
Покинув недра!

Ну-ка, старая метелка,
Наготу прикрой ветошкой;
Хлопотунья, балаболка,
Раздвоись — и шаркни ножкой!
С головой-кастрюлей
Что ты вьешь круги?
Перестань — и пулей
За водой беги!

Что ж! Метелка покорилась,
И, подобно человечку,
Живо сбегала на речку,
И в обратный путь пустилась.
Подчиняясь свято,
Наполняет враз
Три больших ушата,
Чан, ведро и таз.

Стой, метелка!
Право, малость
Потрудилась,
И готово!
Ой, метла перестаралась!
Я ж забыл заклятья слово!

Я забыл слова пароля,
Чтоб водица не текла,
Чтоб вернулась к прежней роли
Обнаглевшая метла!
Перестань! Иль очень худо
Будет и тебе и мне,—
А метла все носит с пруда
Эту пакость в чугуне!

Стой! Ну, кто тебя торопит?
Воду носит,
Воду копит,—
Брось!
Отставить половодье!
Ох! Оно меня утопит,
Это швабрино отродье!

Ах ты, дьявольское семя!
Иль моей ты жаждешь смерти?
Над порогами над всеми
Водопады-круговерти!
Снова прежней палкой
Будешь, ведьма-дрянь!
Вновь метелкой жалкой
Раболепно стань!

Непокорна
Ты, неряха,
Ты без страха
Смерти ищешь,—
Так топориком проворно
Рассеку я метловище!

А метла без промедленья
Лезет с полною лоханью,—
Где ж топор? В одно мгновенье
Я расправлюсь с этой дрянью!
Бац! И раздвоилась
Палка-рукоять —
Бремя умалилось,
Мне вольней дышать!

Только
Половинки обе
Вновь тазы и крынки
Тащат!
Иль отпор их адской злобе
В небесах душа обрящет?!

А меж тем с усмешкой рабьей
Водоносы колобродят;
Сгину я от этих хлябей...
О спасенье! Мастер входит!
— Мастер! То-то страсть:
Твой секрет разнюхав,
Смог я вызвать духов,
Но не смог закласть!

«Половинки, слейтесь вместе
И метлою
В угол влезьте!
Это мастера приказ!
Лишь один седой волшебник
Вправе для трудов служебных
Вновь из пекла вызвать вас!»

Перевел Александр ГОЛЕМБА.

Эрнест **ЛЕМАН**

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Эрнест Леман — американский писатель, один из авторов сценария известного фильма «Вестсайдская история».

1

Пусть себе выговорится...

Я сидел за своим рабочим столом, прижав к плечу телефонную трубку, а ее назойливый, монотонный голос сверлил мой мозг. Левой рукой я вытер платком лоб, правой стряхнул с сигареты пепел.

Стоял один из тех удушливо пасмурных августовских дней, когда лишь две категории идиотов сидят в своих конторах: те, кому необходимо там сидеть, и те, для которых эта необходимость может вот-вот кончиться, пойди они с нужной карты.

Мне надоело принадлежать к первой категории.

Я сидел и слушал ее (уже сколько лет я ее вот так выслушиваю!). Но теперь, когда съеденное за ленчем стало отзываться в желудке коликами, я почувствовал, что с меня достаточно. Сегодня моя совесть должна молчать. Будущее в моих руках, и я не допущу, чтобы оно выскользнуло у меня из-под носа — то, за что я дрался всю свою жизнь...

— Ма, послушай... Ма, прошу тебя!..

— Я знаю, что говорю, Сидней,— не унималась она.

— Ма, ты не могла бы...— Я отшвырнул платок в сторону.— Ма, послушай меня...

— Майк всегда был толковым мальчиком. Он понимает то, чего не понимаем мы с тобой, даже чего твой бедный отец не понимал. Если он видит зло...

— Послушай! — Я взял трубку в руку.— Да Майк еще ребенок! Шпана зеленая!

— Не кричи на меня, Сидней! Ты-то уже не мальчик.

— Ладно, но откуда ему знать жизнь: ведь он все время торчит в своем колледже! Да и кто он такой, в конце концов, чтоб приглядываться к каждому доллару, есть или нет на нем следы пота?

— Не пота, Сидней,— грязи.

Меня бесила ее невозмутимость.

— Слушай, звонит другой телефон,— поспешил я от нее отвязаться.— Завтра поговорим.

Но она не унималась:

— Ты сможешь ко мне заехать?

— Тысячу раз твердил тебе: перебирайся в Нью-Йорк. За квартиру буду платить я. У меня нет времени мотаться в Форест Хиллз.

— Бродвей — это для тебя. Меня же больше устраивает здешний свежий воздух.

— Ну, тогда и дыши им, сколько влезет.

— Мог бы хоть изредка меня навещать.

— Чего ради? — возмутился я.— Чтоб собственные родственники то и дело тыкали тебе в глаза, что ты недостоин помогать им?

— То, что ты делаешь, Сидней, ты делаешь не для нас. Никогда не пытайся себя этим обмануть.

— Благодарю,— злобно буркнул я.— Премного благодарен. А теперь разрешите откланяться. Меня ждут дела.

— Ты не должен так переутомляться...

— Конечно, конечно, до свидания.

— Старайся больше спать...

— Ладно, ладно...

— Правильно питайся.

— До свидания.

— И нет-нет навещай меня.

— Ясно!

Я бросил трубку.

Тут же зазвонил телефон в приемной. Глория сняла трубку.

— Кто это? — осведомился я.

— Не знаю. Не захотел назваться.

— Меня нет,— предупредил я.— Нет ни для кого.

— Похоже, это был Стив Даллас.

— Ну и пусть. Меня нет.

Интересно, отозвалась ли в моем голосе та внутренняя дрожь, которую вызвало во мне его имя? Не такое уж это и неприятное ощущение. Я думал, куда хуже. Выходит, я себя недооценивал. Все эти годы сам себя держал в тени, вдалбливая в голову, что существуют вещи для меня невозможные.

Из кучи бумаг на столе я выудил чек, взял письмо, с которым мой брат возвращал его обратно, и перечитал в третий раз. Как человек, который бьет себя «под ложечку», чтоб доказать свою стойкость.

«Дорогой Сид!

Сомневаюсь, чтобы до тебя это дошло, но я счел невозможным принять твои пять сотен. Все равно, спасибо тебе за твою щедрость. Тебя, вероятно, ужасает, что на учение я зарабатываю в прачечной. Но, поверь мне, в этом нет ничего плохого. Прачечная, Сид, тем и хороша, что нет в ней грязи. К тому же мы всегда работаем стоя, никогда не ползаем на коленях. Понимаешь?

Кстати, как тебе нравится упорство «Доджерсов»? Если они не сдадут, у меня предчувствие, что вымпел за ними. Попомни мои слова.

Майк».

— Попомню твои слова,— пробормотал я, разрывая письмо в клочки, которые отправились в мусорную корзину.— Явись только ко мне за помощью с дипломом в руке и тревогой во взоре, и я их припомню. Мой брат Майкл Уоллес, славный рыцарь Галаад[1]. Я помню наш последний разговор, ты был тогда в сверкающих доспехах и шпага твоя разила в самое сердце.

... — Привет, Сид.

— Здорово, Майк.

— Вчера видел тебя на матче.

— Правда? Что же ты ко мне не подошел?

— Ты был с Хансекером.

— Ну и что?

— Не знаю.— Он шаркал по ковру ногами.— Я решил, ты, может, не хочешь, чтобы я к тебе подходил, когда ты с ним.

— Почему не хочу? — Я сказал это резко, будто за гневом можно скрыть правду.

— Не знаю,— уставившись в ковер, пробормотал он.— Игра была что надо, а?

— Угу,— буркнул я в сторону.

— Тебе понравился Кремер?

Я промолчал, чувствуя, как приливает к щекам кровь. Я знал, что молчанием тут не отделаешься.

— Сид, почему Хансекер встал и ушел, не дождавшись конца матча?

— Откуда мне знать? — Слова застревали у меня в горле.

— Почему он ушел с настоящей, по-спортивному честной игры? — не унимался Майк.

— Наверно, чтоб избежать давки.

Я пошел в ванную, он за мной. Голос у него был тихий и вкрадчивый, как у матери.

— А почему ты, Сид, встал и ушел вместе с ним? Ты ведь всегда говорил...

— Не суйся не в свое дело! — отрубил я.

— Ты ведь всегда говорил, что мог бы пожертвовать правой рукой, лишь бы увидеть по-спортивному честный матч?

— У тебя превосходная память.

— А тут так красиво бьют «Кардиналов», и ты уходишь, не дождавшись конца,— невозмутимым голосом продолжал он,— только потому, что ты пресс-агент, обозревателю же вздумалось уйти...

— Пусть так! — не выдержал я.— Пусть так!

Тут он мне улыбнулся и раздумчиво покачал головой... Мой брат, Майкл Уоллес, большой хитрец...

Я разорвал чек и клочки тоже бросил в корзину. Он меня больше не трогал. Ма тоже. Плевать я на них хотел.

— Глория, узнайте, не вернулся ли Ирвин Спэн.

— Сию минуту.

Я взял влажный платок и вытер им шею. Беда в том, что сегодня на карту поставлено все. Чутье мне подсказывало, что я впервые оказываю Харви Хансекеру столь значительную услугу. Я понял это уже тогда, когда утром продрал глаза, чувствуя противный холодок в низу живота и испытывая нежелание вставать с постели. Потом я сидел за своим столом в конторе, стараясь не думать о газетах, которые появятся днем. Когда, наконец, вошла Глория и положила передо мной пачку газет, я минут десять не решался их раскрыть. И не потому, что боялся не найти там этого фельетона. Нет. На таких писак, как Отис Элвелл и Лео Барта, всегда можно положиться, особенно когда подбрасываешь им большие и свежие куски сырого мяса, приправленные соответствующими специями. Я боялся собственной реакции на fait accompli[1], на отпечатанное черным по белому доказательство того, что я ни перед чем не остановлюсь, как бы низко ни пришлось опуститься. Только бы угодить Хансекеру.

Уроженец Среднего Запада, он за короткий срок добрался почти до самой вершины, на которой хозяйничали Уинчеллы и Салливаны. Пока большинство обозревателей, повернувшись спиной к Бродвею и Голливуду, внимательно следили за сценой, на которой разворачивались важнейшие международные события, Хансекер похитил мантию и провозгласил себя истинным королем подмостков.

— Хансекера не интересует политика,— сказал он мне, проработав в редакции «Глоб» всего несколько недель.— Пусть другие интересуются проблемами мира и Объединенных Наций. Хансекера интересует Хансекер.— Он сверлил меня своими косыми глазками.— Если ты, Сидней, мальчик сообразительный, а я думаю, оно так и есть, тебя тоже будет интересовать Хансекер.

Тогда, оставшись наедине с собой, я усмехнулся. Но с тех пор прошло пять лет. Теперь

[1] Галаад — персонаж легенды Мэлори о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, благородный, бескорыстный человек. (Прим. переводчика).

[1] Свершившийся факт (фр.).

уже никто не смеялся. Хансекера почитали. Деловой мир почтительно преклонял колена перед его стремительно растущими тиражами и все возрастающим влиянием. А достиг он этого всего лишь тем, что обогатил слово «слухи» новыми, скабрезными значениями.

— Ирвин Спэн по первому,— крикнула Глория.

Я снял трубку.

— Ирв, детка? Сидней.

— Что все это значит?

— Я что-то тебя не пойму, Ирв.

— Ума не приложу, чем все это вызвано.— Меня поразил его ледяной тон.— Ты и сам, Сидней, не видишь причин, верно? По-моему, ты еще не читал газет, да?

— Детка, я их никогда не читаю, если только не рассчитываю узреть там кое-что для себя. Сегодня же мне рассчитывать не на что.

— У тебя есть свежие газеты?

— Нет,— солгал я.

Наступило молчание.

— Ну, ладно. Тогда позволь, я тебе кое-что зачитаю.— Я услышал, как он зашуршал газетами.— Позволь, я зачитаю тебе основную суть высказывания одного насекомого по имени Отис Элвелл. Ты меня слушаешь, Сидней?

— Валяй.

— «Сенсационные новости,— начал читать он,— которые вы сейчас услышите, связаны с карьерой одного эстрадного певца, восходящего вверх по лестнице успеха в ды́мке славы, дымке́ марихуаны. Не очень-то выиграет некое заведение в Ист-Сайде, где этот парень теперь процветает, когда обнаружится, что он, кроме всего прочего, душа партии. Какой? Да коммунистической!».

— Да ну?..— начал было я.

— Обожди минутку,—перебил он.—Не бросай трубку. Позволь мне зачитать вот это, из заметки маленького Наполеона, моего д р у г а Лео Барты, который мне кое-чем обязан. Ты только послушай.

— Я тебя слушаю, детка.

— Мой друг Лео Барта пишет: «Благодаря своеобразному пристрастию к курению, которое отличает этого громко хваленого новичка, элегантный boite[1], в котором он поет, пропах дурным запахом. Ах он, эдакий озорник! А что еще можно ожидать от человека, именующего себя коммунистом?»

Я разглядывал свои ногти. Необходимо сделать маникюр.

— И кого они имеют в виду?

— Кого они имеют в виду? — Внезапно его голос дрогнул.— Не знаю, кого они имеют в виду. А ты, Сидней, случайно не знаешь? Они тоже, вероятно, этого не знают, но все остальные думают на Стива Далласа. Вот кого они имеют в виду!

— Стива Далласа? Да ты с ума сошел! — Я вложил в эту реплику как можно больше души.— Даллас — коммунист? Даллас — наркоман? Этот мальчик? Не будь идиотом, Ирв!

— Послушай меня, Сидней.— Он с трудом овладел своим голосом.— Ты думаешь, я идиот? Да, я знаю, что это неправда. Этого парня я знаю лучше, чем самого себя. Он изумительный парень. Но люди читают фельетоны и верят тому, что в них написано. Вот в чем вся беда. И когда ты читаешь вот это, так уж получается, что на ум прежде всего приходит Стив

---

[1] B o i t e (фр.).— ресторан, преимущественно ночной.

Даллас. Не знаю, почему. Просто так получается. Благодаря специальному подбору слов.

— Просто так получается... Как ты думаешь, Ирв, откуда Элвелл с Бартой зачерпнули этих помоев?

— Они никогда не называют первоисточники. Разве тебе, Сидней, это не известно?

Я молчал.

— Сидней?

— Да, Ирв?

— Есть у тебя какие-нибудь соображения, чем все это вызвано?

— Нет... нет,— тянул я.— Ну, я не могу ручаться, но...

— Но что?

— Ну, это всего лишь мои предположения. Ты ведь знаешь, как Элвелл с Бартой завидуют синдикату Хансекера и как они дохнут от зависти, что ему за несколько лет удалось достичь того, чего они не достигли за всю жизнь...

— Продолжай, я тебя слушаю.

— Это всего лишь мои предположения... Они, Элвелл с Бартой, похожи на злобных подростков. Может, они обрушились на Далласа потому, что его недавно видели с Сьюзен Хансекер? Может, они поливают твоего мальчишку помоями, чтоб расквитаться с Хансекером через его младшую сестру?

— Все это, Сидней, очень неправдоподобно.

— Ты считаешь?

— У меня всегда было впечатление, что Хансекер посвящает тебя во все, даже в свои сны. А тут ты говоришь так, будто не знаешь, что Хансекер вовсе не в восторге от этого романа. Будто ты не видишь, что́ происходит вокруг тебя.

— Все это разные вещи,— поспешил заверить его я.— Одно дело — это знаем мы с тобой. Другие ведь не знают. Поверь мне, у Элвелла и Барты есть все основания думать...

— Сидней...

— Да?

— Мне бы очень не хотелось тебе говорить, что я обо всем этом думаю.— Голос снова ему изменил.— Боюсь сказать, но мне пришло в голову...

— Детка, не давай волю своему воображению. Встряхнись.

— Ладно, Сидней, встряхнусь, — запинаясь, сказал он.— Забуду, что через пять минут после того, как вышли газеты, мне позвонил Ван Клив. Забуду, что сегодня днем он ждет нас с Далласом. «Зачем?» — спросил я у него. «Неважно зачем,— отрезал он.— Приходите, и все». Ему и не надо говорить, зачем. Я все понял. По его голосу. Через десять минут еду туда, чтоб услышать, что «Элизиан рум» в Далласе больше не нуждается. И это — только начало. Слово не воробей: выпорхнуло — и все тут. Стива теперь никто не захочет взять...

— Послушай, детка...

— Ты понимаешь, Сидней, что это значит? У меня двое ребятишек, а Грейс еще не может работать. И в кармане нет своего Харви Хансекера. У меня вообще пусто в кармане. Был только этот парень Даллас, который в один прекрасный день мог стать золотоносной шахтой: у него есть для этого все данные. В с е. А теперь все летит к чертям!

— Послушай, Ирв...

— И за что, Сидней, за что?

— Детка, послушай меня...

— Чем я такое заслужил? Чем он такое заслужил?

— Минуточку, Ирв. Давай рассуждать здраво. Все не так уж и плохо. Может, он на самом деле потеряет один-два контракта, но дальше этого дело не пойдет. Пара абзацев, в которых не названы имена, в паре второсортных фельетонов не могут сгубить такой талант, как у него. Уже через неделю об этом все забудут. А как только эти завистливые и злобные кретины узнают, что твоему парню нет больше дела до сестры Хансекера, они его бросят и выберут для себя новые мишени. Они...

— Что ты сказал, Сидней? — медленно и осторожно спросил он.

— Я сказал, что двух второсортных фельетонов мало, чтоб сгубить такой талант.

— Нет, Сидней, не это. Ты сказал что-то еще. Я помню.

Я сделал глубокий вдох. Все это не так уж и легко дается.

— И я сказал, что с Далласом ничего не случится, если он забудет о Сьюзен Хансекер,— набравшись храбрости, выпалил я.— Больше ничего не случится.

Наступила жуткая тишина, хуже которой я не помню.

— Сидней,— простонал он,— господи, Сидней... ты и я...— Он поперхнулся.— Мы вместе росли. Играли в одной баскетбольной команде... в одной школе. Вместе ходили на свидания. Разве ты этого не помнишь? Ведь это я, Ирв Спэн... Ты ведь тоже тогда был со мной. Неужели ты ничего не помнишь?

Он явно раскис.

— Ирв! — крикнул я в трубку.— Послушай меня!

— Ладно,— всхлипывал он.— Слушаю! Слушаю! Давай. Что мне еще остается делать?

Я подождал, пока он высморкается и постарается взять себя в руки.

— Послушай, детка,— примиряюще начал я.— Давай рассуждать здраво. Ты его агент, к тому же лучший друг. Поговори с парнем. Он тебя послушает. Уговори его отказаться от этой девушки, и все будет в порядке. Если он от нее откажется, с ним больше ничего не случится. Ничего. Ну как, проявишь благоразумие?

Его ответ прозвучал сухо и натянуто, будто между нами никогда ничего не было:

— Ладно. Я... Я с ним поговорю. Я посмотрю, что можно сделать.

— Ты, детка, мой друг, да и Стива я очень уважаю. Поэтому не хочу, чтоб с вами что-нибудь случилось. Ты ведь это понимаешь, да, Ирв?

У него в горле что-то булькнуло.

— А, Ирв?

Телефон замолчал.

Вытирая со лба пот, я снова ощутил в желудке колики.

— Глория! — нетерпеливо воскликнул я.— Подите сюда.

Она молча вошла и, подойдя к столу, уставилась на меня.

— Что с вами, мистер Уоллес?

Я сердито глянул на нее.

— А что такое со мной?

— Вы неважно выглядите. У вас какой-то... какой-то... странный вид.

— А вы что хотите от меня в эту жару? — фыркнул я.— Может, вы не знаете, что сегодня жарко? Я и так всегда вам все объясняю. Выходит, еще нужно объяснять, что сегодня жарко?

— Прошу прощения.— Она обиженно глянула на меня. — Я только хотела сказать...

— Плевать, что вы хотели сказать. Если мне понадобится узнать, как я выгляжу, я подойду к зеркалу. А теперь пишите на листке из синего блокнота. Необходимо, чтоб это доставили одновременно Отису Элвеллу и Лео Барте. Пошлите к ним курьера.— Я вытер шею и стал диктовать: «Дорогой, хочу, чтоб ты знал... что я приписал это исключительно тебе». «Исключительно тебе» выделите. «Будь уверен, уж ему это понравилось». «Ему» выделите.

— «Дорогой,— читала Глория,— хочу, чтоб ты знал, что я приписал это и с к л ю ч и т е л ь н о т е б е. Будь уверен, уж е м у это понравилось».

Она ждала, нацелив карандаш.

— Это все,— сказал я.

— Но... что я пошлю Элвеллу?

— То же самое. И тому и другому.

Она как-то странно на меня глянула.

— И тому и другому?

— И тому и другому,— подтвердил я, выдерживая ее взгляд.

Она тупо уставилась на меня, не двигаясь с места.

— Может, вы хотите что-нибудь сказать? — резко спросил я.— Есть вопросы, Глория?

Она повернулась, чтоб идти.

— А хоть они и есть, я их слышать не хочу,— послал я ей вдогонку.

В самом начале Глория была мне большой подмогой; ведь нередко от того, удовлетворит или нет ваша секретарша пустяковую просьбу подождать несколько недель с жалованьем, зависело, быть или не быть делу. Теперь же у меня появилось ощущение, будто мы слишком долго проработали вместе. Глория была частью старого порядка. А мне теперь нужна такая секретарша, в огромных карих глазах которой я не увижу никаких отражений былого и которая не станет ожидать от меня того, чего я в настоящее время уже никак не могу себе позволить.

Я взглянул на свои часы. Пять минут пятого. Гранки очередного обозрения должны быть готовы. Застегнул воротничок рубашки, затянул узел галстука и снял с крючка пиджак.

— Буду у Хансекера,— бросил я Глории, проходя мимо ее стола.

— Вы вернетесь?

— А в чем дело?

— Понимаете, здесь так жарко. Я думала... думала, может, я смогу уйти пораньше.

— Только не сегодня.

— Большинство девушек в других учреждениях...

— Я вернусь, но если вдруг кто-то зайдет, меня сегодня не будет. Ясно?

— Да,— тихо ответила она.

Я направился по коридору к лифту и нажал кнопку «вниз».

Разумеется, вид у меня был поганый. «А у кого он в такую жару лучше?» — спрашивал я самого себя.

Продолжение следует.

Перевела с английского Наталья **КАЛИНИНА**.

ГОРЖУСЬ И ЗАВИДУЮ

Дорогая редакция!

Увидев снимок строителей Байкало-Амурской магистрали в № 20 «Огонька», я подозвал сына Андрея (учится в шестом классе).

— Ну и что? — спросил сын.— Строители как строители!

Действительно, строители как строители. Но вглядитесь внимательно. Как прекрасны их лица, как красиво они одеты. Сразу видно: идут наши современники, настоящие строители коммунизма.

Вот на переднем плане две девушки в современных пальто, с не менее современными прическами. А ребята! Не буду говорить о внешнем облике. Но посмотрите на их лица. Это лица и «физиков и лириков». Конечно, и у них будут трудности. Но это радостные трудности. Посмотришь внимательно, вдумаешься во все происходящее, и охватывает радостное чувство гордости. Если бы я был в их возрасте, то непременно поехал бы на эту стройку.

По-хорошему завидую и желаю им больших успехов!

В. А. ГАЙДЕНКОВ,
военный преподаватель Армавирского высшего военно-авиационного Краснознаменного училища летчиков ПВО

Александр БОЙКО

УЧИТЕЛЬ САФАРОВ

Мы идем по весеннему Баку. Сафаров неожиданно бросается в сторону и ловит мальчишку с хоккейной клюшкой в руках. Только теперь замечаю: на улице идет матч. Мальчишка вырывается, игра замирает, и команды спешат к нему на выручку, а Сафаров о чем-то расспрашивает мальчика, что-то записывает и отпускает с миром. Сафаров жестикулирует: «Какой хоккей?! У нас и в футбол играть не умеют. А мальчик быстрый! Вот Саша Корнелюк уехал в Москву. И разве только он один? Уехал Пищулин, Лисин, Мироненко... Надо искать смену...»

Корнелюк — любимый ученик Афгана Гейдаровича Сафарова — для многих остался загадкой. Найдите такого! Маленький, щуплый. За всю жизнь Сафаров впервые нашел такого. В 1969 году мы проводили соревнования в Ужгороде на призы журнала «Легкая атлетика». Поздно ночью постучался Сафаров, заросший, с воспаленными от бессонницы глазами, заохал: «Ох, трое суток летели! В Москве и Львове ждали погоду. А завтра соревнования». Сашу уложили, а мы с Сафаровым долго сидели, и он рассказывал об олимпийских планах. Перед Корнелюком была поставлена задача: бег 100 метров — 10,0 — финал Олимпийских игр.

Хорошо помню те дни. Меднолицая закарпатская осень. Первые туманы. И мы, тридцать тренеров всесоюзного сбора, встав до солнца, в белом мареве ровняем, чистим гаревую дорожку. Стараемся, будто сердцами чувствуем — что-то будет. И на таком несовершенном стадионном покрытии Саша Корнелюк промчался 100 метров за 10,1 секунды. Как мы тогда радовались за Сафарова!

Прошло три года. В Мюнхене Александра Корнелюка всего тринадцать сотых секунды отделили от бронзовой медали.

Трудно новичку на стадионе. Он с почтением взирает на тренера, с уважением — на более старших. Увидев, как новенький мнется, не рискуя начать, Сафаров складывает ладонь рупором: «Внимание! Внимание! Прыгает Алиев Адыль, чемпион XXV Олимпийских игр 1992 года». И все смотрят на парня, и никто не смеется. А он расправляет хилые плечи, и после таких слов прыжок действительно удается. И тогда Сафаров обнимает его: «А ты думаешь, я шутил? Спроси у других». И парень оглядывается вокруг: никто не смеется.

Растут достижения его учеников. Когда начали подсчитывать рекорды сафаровских ребят, то их оказалось 119. Вот сколько раз рядом с новым юношеским достижением страны стояли три слова: «Баку, «Динамо», А. Сафаров».

С высоты 13-го этажа бакинской гостиницы, где я живу, экс-рекордсмен СССР в барьерном беге среди юношей Ч. Бедалов показывает пальцем вниз: «Там был стадион «Динамо». Жара, холод, ветер. А мы тренируемся. Когда сейчас слышу, как спорят о двухразовой тренировке, улыбаюсь. Мы тренировались три раза в день: до школы, после школы и вечером. Будущий рекордсмен мира Ненашев, пришедший с войны Мадатов.

Остальное добавлю от себя: Чингиз-Абульфа-Оглы Бедалов, которого учил трудиться Сафаров, в 35 лет стал доктором наук и профессором. И хоть сейчас он совсем не похож на молодого атлета со старой фотографии, хранящейся в альбоме его учителя, но он сохранил свою спортивную стать.

Всегда с молодежью.

Что же главное в работе и успехах Сафарова? Почему мальчишки льнут к нему, почему пишут из других городов? Откуда у него интуиция? Откуда педагогическое чутье? Все мы живем работой. Но у нас есть семья, другие увлечения. Афган Сафаров одинок. В один месяц у него умер отец и после тяжелого ранения скончался старший брат. Это случилось в мае 1945 года... Последние слова отца: «Я умру, а ты учись». Забота о младших братьях и сестрах легла на плечи Сафарова. Он их растил, женил, выдавал замуж. И еще была полуслепая мать, которая жила в его доме. Он был для нее и врачом и санитаркой. И остался один. Нет, это неправильно: у него много детей. И чем дальше растут его дети, тем больше понимают, сколько отдает им учитель. И когда Сафаров, сломленный переутомлением, был уложен в лечебницу, больные удивлялись непрерывной череде посетителей: «Кто этот человек?» И если Сафаров поднялся до срока, если, по собственному признанию, у него сил стало больше, чем раньше, то потому, что увидел он, скольким людям еще нужен...

Война кончилась. Сафаров пришел в школу № 10 и создал там секцию «Юный динамовец». В квартире Сафарова шкаф, набитый книгами и газетами, сувенирами, привезенными издалека, портретами учеников. В тяжелые послевоенные годы весельчак Ненашев в ответ на требования Сафарова увеличить нагрузку выдвинул лозунг, успешно прошедший через несколько поколений: «Без питания нет метания». И Сафаров начал кормить его на свои деньги. Заслуженный тренер Сафаров всегда думает о своих учениках, даже тогда, когда он читает лекции в Иране, Гвинее или Судане или работает со сборной командой страны.

Когда-то он круглый год босиком бегал в школу, собирал колоски, чтобы накормить семью, работал на ткацкой фабрике, учился на рабфаке, в институте народного хозяйства, во время войны служил интендантом, снабжал хлебом армии, оборонявшие Ленинград. А после войны окончил институт физкультуры, нашел свое призвание в спорте. Сафаров — заслуженный тренер СССР. Это звание получено за подготовку легкоатлетов Азербайджана, но он советчик и бегунам Литвы, и метателям Кишинева, и прыгунам из Армении. Увидев орлиный нос, лукавые глаза, спокойную мудрость в мыслях и пулеметную скороговорку в спорах, его часто за границей страшивают: «А вы кто?» «Я советский азербайджанец! — отвечает Сафаров. И, чтобы не было сомнений, добавляет: — Я из Баку». И когда у Саши Корнелюка спрашивают, в каком городе он вырос, он с гордостью отвечает: «В Баку».

Трудно представить сейчас, что один из сильнейших спринтеров мира был заурядным мальчишкой: рост 158, вес 45. В 1972 году на XX Олимпийских играх он завоевал серебряную медаль в эстафетном беге, в беге на 100 метров установил личный рекорд — 10,0.

Я вспоминаю Минск 1970 года. Тогда Корнелюк выиграл у Борзова и стал чемпионом страны. Сафаров сидел в столовой один и сам, как привык давно, молча переживал свою радость. Не пил, не ел, просто ему хотелось быть на людях. И каждый входивший в зал шел к Сафарову и обнимал его. И все теснее и теснее становилось за столом Сафарова. Латыши, узбеки, литовцы, казахи — все шли к Афгану Сафарову.

С того момента, как он начал работу тренера, прошло тридцать лет. И на том месте, где был когда-то стадион «Динамо», сейчас взметнулся ввысь отель «Интурист», а рядом уцелела лишь маленькая площадка. Высоко поднялись деревья и скрыли ее. И многие бакинцы идут мимо, не подозревая, что на маленьком легкоатлетическом пятачке выросли чемпионы СССР А. Корнелюк, Б. Пищулин и многие другие. Все собираются снести эту площадку. А может, не стоит? Пусть приходят сюда школьники, как приходили сюда в прежние годы сотни маленьких бакинцев. Они давно выросли и разошлись по жизни. Где только не работают ученики Сафарова! Их можно встретить в высших органах республики и на нефтяных промыслах, на стройках и в магазинах, в школах и институтах. Их прошло столько через его руки, что он стал забывать имена и лица. Через четыре года можно на пенсию. Но ведь Сафаров ни разу не отдыхал. Придет, получит отпускные, распрощается, а через день приходит с какой-то просьбой — и вот он снова со своими детьми. Он всегда будет вместе с ними, Афган муэллим! Учитель Афган Сафаров.

Баку — Москва.

ЗА НИМ – 2000001-Й

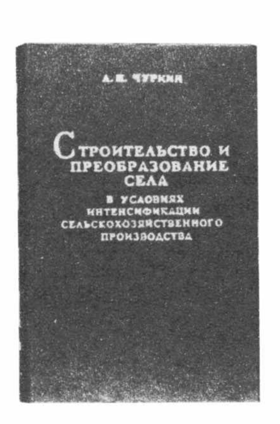
Юбилейная вахта началась утром. Этот будущий автомобиль ничем не отличается ни от тех, что уже прошли конвейер, ни от тех, что ждали своей очереди. Но на заводе знали: идет двухмиллионный! Все почести, причитающиеся юбиляру, достались этой машине по праву — и алые звезды на борту и широкая, размашистая, наискосок надпись: «2 000 000!»

В полдень 16 августа «Москвич-412» сделал свои первые метры по заводскому двору. Почетный эскорт мотоциклов, аплодисменты тех, кто собрался в этот день на заводском дворе, и митинг, выступая на котором секретарь парткома завода А. Жидков заявил: «Открыт счет третьему миллиону».

Сходят с конвейера Московского автозавода имени Ленинского комсомола автомобили. Когда мы будем встречать трехмиллионный? Посчитайте, если мы знаем, что на выпуск первого миллиона потребовалось 20 лет, а на второй миллион ушло лишь семь...

Б. КОНСТАНТИНОВ.
Фото В. Климова.

●



РАДОСТНАЯ ПРИМЕТА

Если говорить об одной из самых примечательных черт советского села сегодня, то это размах строительства, как общественного, так и индивидуального. Радостная примета нашей действительности!

Преобразование сельских населенных пунктов в поселки городского типа при сохранении природного своеобразия, создание для жителей села бытовых условий, не уступающих городским,— одна из важнейших задач, поставленных XXIV съездом КПСС.

«Политика партии,— говорил товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду,— направлена на то, чтобы содействовать сближению рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, постепенному преодолению существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Это — один из главных участков строительства бесклассового коммунистического общества».

Этой проблемой и связанными с ней вопросами сейчас занимаются многие научно-исследовательские институты, проектные организации, большие отряды ученых и специалистов. Издано немало книг, посвященных сельской архитектуре сегодняшнего и завтрашнего дня, экономике села, его планировке, строительству и т. д. Среди этих изданий — вышедшая недавно в Тбилиси монография кандидата экономических наук, депутата Верховного Совета СССР А. Н. Чуркина «Строительство и преобразование села в условиях интенсификации сельскохозяйственного производства».

Круг тем, затронутых в монографии А. Н. Чуркина, весьма широк: это и принципы архитектурно-планировочных решений генеральных планов, и выбор наиболее рациональных типов жилых и общественных зданий, проблемы миграции сельского населения, задачи сельской экономики и другие вопросы, характерные именно для наших дней, когда советская деревня становится все более богатой, красивой и благоустроенной.

Как и в предыдущих своих работах (новая книга — итог многих исследований), А. Н. Чуркин особое внимание уделяет индивидуальному строительству. Увеличение не только числа, но и качества индивидуальных строений — несомненный результат бурно растущего материального уровня колхозников и сельскохозяйственных рабочих.

Большой фактический материал посвящен эффективности творческих поисков советских архитекторов в планировке сельских населенных пунктов. На конкретных примерах А. Н. Чуркин убедительно доказывает преимущества социалистических методов решения проблем сельского строительства.

Борис ПРИВАЛОВ

А. Н. Чуркин. Строительство и преобразование села в условиях интенсификации сельскохозяйственного производства. Тбилиси, «Сабчота сакартвело», 1974, 648 стр.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Юмористические рассказы

УПОРСТВО ТУРИСТА

Кто такой турист, я вас спрашиваю. Это человек, у которого на первом месте стоит упорство, на втором — воля, на третьем — целеустремленность... В общем, сквозь землю пройдет, а своего добьется.

У меня знакомый турист есть. Как раз такой человек. Занялся туризмом он совсем недавно, а уже успехов достиг: стал разрядником. Сначала, правда, не все у него гладко получалось. Тут вот в чем загвоздка вышла. Как задумал он за это дело взяться, ну стал у людей опытных спрашивать: что, мол, для этого требуется? Ему кто-то возьми и скажи: дескать, первое дело для туриста — кеды хорошие, по ноге чтоб были.

А легко сказать по ноге, если нога у этого знакомого сорок шестого размера да еще с половиной. Вот и стал он по магазинам ходить, кеды искать. Ищет, ищет — все без толку. Однако не сдается. Пошел по второму кругу.

Тридцать магазинов обошел, и в каждом открыточку оставил со своим адресом. Дескать, прошу черкнуть пару слов, когда будет товар подходящий.

Вот неделя проходит, другая. Стал он свои открытки обратно получать, только уже со штампом магазинов. Из одного прислали, что кед нету, но, возможно, на будущий год будут. Из другого — что нету и, возможно, на будущий год не будут. Из третьего — что раньше эти кеды были, но сейчас нет. Из четвертого — что их и сейчас нет и раньше никогда не было.

И все тридцать открыток в таком духе. Только в одной про кеды вообще не упоминается, зато сообщается, что поступили резиновые галоши и дорожное домино.

Собрал мой приятель эти открытки, пошел в Совет по туризму, да там их и предъявил. И заявление написал: так, мол, и так.

Пересчитали там открытки, адреса магазинов проверили.

— Вы что,— у приятеля спрашивают,— неужели за неделю все тридцать обошли?

— А как же,— он отвечает,— вот документы, сами смотрите.

— Ну тогда,— говорят,— мы вас душевно поздравляем, потому что вы, значит, выполнили нормативы.

Пожали ему руку и вручили торжественно значок туриста третьего разряда. И удостоверение дали.

Вот оно как. А вы говорите: турист. Нет, как ни кинь, а для туриста упорство — это первое дело...

УДАЧА

На прирожденного неудачника Ивана Ивановича Макушкина вдруг с потолка свалилась удача.

— О-ох! — только и смог прошептать счастливый Иван Иванович, поймав удачу на лету и бережно прижав ее к груди.— Теперь я с тобой, голубушка, никогда не расстанусь. Ни за какие деньги!

Он мечтательно поднял глаза кверху и неожиданно увидел в потолке порядочную дыру. Видимо, она образовалась на том самом месте, откуда свалилась удача.

«М-да, придется делать ремонт,— подумал Макушкин.— Вот неудача...»

В это время зазвонил телефон. Приятель предлагал два билета в театр. Едва Иван Иванович повесил трубку, как пришел почтальон и принес перевод на сто рублей: дальний родственник возвращал Макушкину старый долг. Развернув свежую газету, Иван Иванович увидел там лотерейную таблицу и обнаружил, что на свой единственный билет он выиграл пуховый платок.

Придя на службу, Макушкин узнал, что его повысили в должности. А машинистка Нонна Викторовна, которая прежде не обращала на его ухаживания ни малейшего внимания, ласково улыбнулась ему и кокетливо сообщила, что давно не была в кино.

Потрясенный Иван Иванович весь день провел как во сне и, только, вернувшись домой, вспомнил про незаделанную дыру в потолке.

— Ну, теперь это для меня пара пустяков!—бодро воскликнул Иван Иванович.— Первым делом надо сходить в жэк. Где у меня тут был записан телефон?..

Но позвонить он не успел. Раздался стук в дверь. Пришел техник-смотритель.

— Зашел к вам узнать, все ли в порядке, нет ли жалоб...

Макушкин, показав на потолок, сказал:

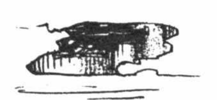
— Вот, заделать бы надо...

— Сделаем,— с готовностью откликнулся техник-смотритель и спросил: — Кто-нибудь палкой в потолок тыкал?

— Нет-нет,— испугался Иван Иванович.— Это просто... знаете ли... удача оттуда на меня свалилась.

— Ага,— понимающе кивнул техник,— наверно, в квартире над вами танцевали всю ночь? Небось, тунеядцы какие-нибудь там проживают?

— Что вы, что вы! — пробормотал Иван Иванович.— Там профессор живет пожилой. Он, я думаю, и танцевать не умеет. Просто она сама по себе свалилась...



— Сама по себе не свалится,— убежденно покачал головой техник-смотритель,— потому как два года назад ремонт делали. Ни у кого еще после этого ничего не сваливалось. Ваш первый случай. Да вы не беспокойтесь. Мы сейчас с вами поднимемся к этому профессору и акт составим по всей форме. Если не танцевал, так, наверно, ногами на жену топал или еще что. В общем, обяжем его через суд ремонт вам произвести.

— Нет, пожалуйста, не надо,— умоляюще сказал Макушкин.— Он тут совсем ни при чем, я лучше за свой счет отремонтирую...

— Ну, как знаете,— пожал плечами техник.— Только предупреждаю, что через две недели комиссия домкомская будет обход делать. Если к этому времени не отремонтируете, на вас самого акт придется составить...

После его ухода Иван Иванович почесал в затылке и принялся разыскивать в справочнике телефон бюро добрых услуг. Собственно, искать почти не пришлось. Справочник сам раскрылся на нужной странице.

— Мне бы ремонтик сделать,— просительно сказал в трубку Макушкин.

— Пожалуйста,— приветливо откликнулась приемщица заказов.— Сколько у вас комнат?

— Одна...

— Всего одна?.. Ну и кухня, конечно, коридор?..

— Да нет, коридор не надо ремонтировать. Только комнату...

— Гм, маловато. Ну ладно, так и быть, запишу. Значит, так. Пол перебрать? На стены накат или обои? Перегородочку будем ставить?

— Не будем,— упавшим голосом произнес Макушкин,— мне только дыру в потолке заделать.

— Что?! — удивилась приемщица.— Да вы что, гражданин?! Это из-за какой-то дыры мы к вам бригаду будем высылать?!

— А одного мастера нельзя?

— Нельзя. Мы уже давно на комплексный метод перешли. Сразу полный ремонт производим. И потом с вашей дырой целый день провозишься, а нам план выполнять надо. Вот если бы у вас, скажем, десять дыр было...

— Как же мне быть, если на меня только одна удача свалилась?

— Гражданин, я же вам сказала: одной удачи недостаточно. Невыгодный для нас объем работ. Попробуйте договориться частным путем.— И она повесила трубку.

Иван Иванович вздохнул, посмотрел на удачу с некоторым недоверием и пошел искать частника. Спускаясь по лестнице, он нос к носу столкнулся с человеком в перепачканном комбинезоне.

— Папаша, ремонт не требуется? Красим, штукатурим, точим, паяем...

Макушкин ухватил его за рукав и втащил в комнату.

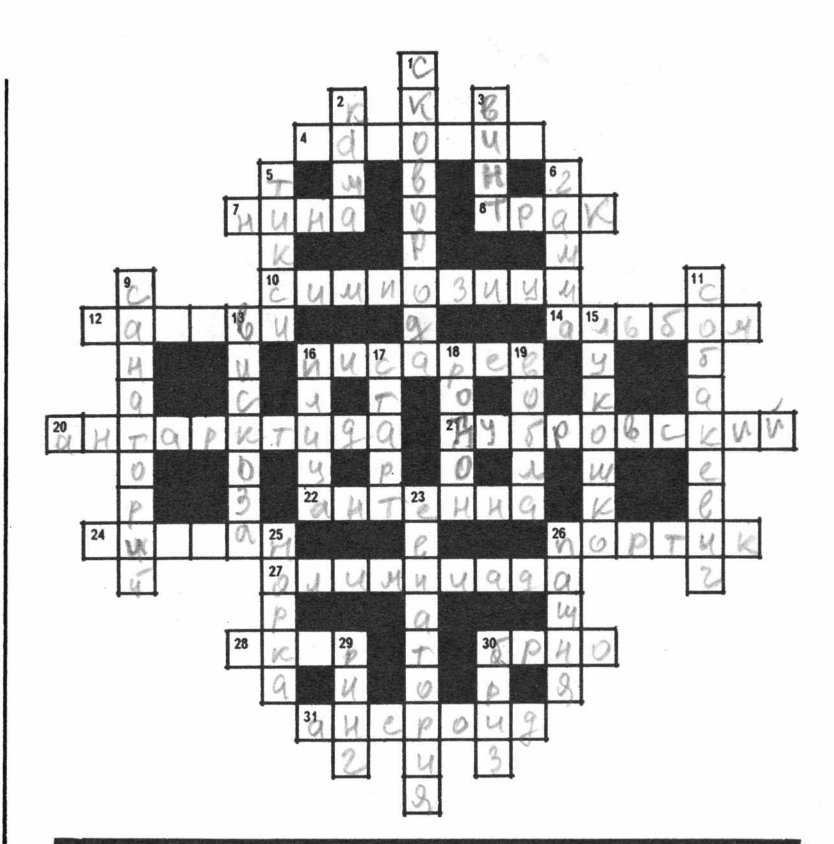
— Мне вот эту дыру заделать.

— Можно,— деловито заявил мастер и назвал сумму, которой, по мнению Макушкина, хватило бы на капитальный ремонт Большого театра.

— Дело ваше,— бормотал он, пока Иван Иванович выталкивал его на лестницу,— только еще придете, попросите...

Прошла неделя. За это время Макушкин дважды получал премии, трижды ходил с Нонной Викторовной в театр, двоюродный дядя подарил ему дубленку, а тетя достала туристскую путевку на Кавказ с семидесятипроцентной скидкой. И всю неделю Макушкин хлопотал насчет ремонта. Он обошел десять инстанций (секретарши всюду пропускали его вне очереди) и еще в пятнадцать звонил по телефону. На восьмой день у него появилась привычка в разговоре подергивать левой щекой. На одиннадцатый — он перестал бриться. На четырнадцатый день знаменитый невропатолог, к которому все записывались за полгода, а Макушкин попал сразу же, прописал ему полный покой и предупредил, что в противном случае дело кончится плохо.

Вернувшись от него, Иван Иванович, не раздеваясь, лег в постель и, положив руки под голову, долго смотрел в потолок. Наконец он встал, взял в руки свою удачу, нежно погладил ее и поцеловал. Потом решительно влез на стул и, тяжело вздохнув, огромными гвоздями приколотил удачу к потолку.



КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Советский композитор. 7. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 8. Звено гусеницы трактора. 10. Совещание по научному вопросу. 12. Государство в Восточной Африке. 14. Книга рисунков, чертежей, фотографий. 16. Русский критик, публицист. 20. Материк. 21. Повесть А. С. Пушкина. 22. Часть радиоустановки. 24. Итальянский живописец. 26. Галерея перед входом в здание. 27. Массовые спортивные соревнования. 28. Малая планета. 30. Город в Чехословакии. 31. Прибор для измерения атмосферного давления.

По вертикали: 1. Украинский философ и поэт XVIII века. 2. Приток Волги. 3. Стержень с резьбой. 5. Бухта моря Лаптевых. 6. Звукоряд в пределах одной октавы. 9. Лечебно-профилактическое учреждение. 11. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 13. Сырье для изготовления искусственного волокна. 15. Корзина из лубка или прутьев. 16. Лопасть гребного колеса. 17. Момент запуска ракеты. 18. Химический элемент. 19. Рыба семейства карповых. 23. Курорт в Крыму. 25. Пушной зверек. 26. Вспаханное поле. 29. Площадка для бокса. 30. Прибрежный ветер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 4. «Светлана». 8. Железо. 9. Декрет. 10. Кадр. 11. Несессер. 12. Амударья. 13. Вольт. 15. «Кавказ». 17. Лазер. 18. Константиновка. 21. Самбо. 23. Август. 26. «Оплот». 28. Демосфен. 29. Кантемир. 30. Овес. 31. Купюра. 32. Фрегат. 33. Сказание.

По вертикали: 1. Делакруа. 2. Панорама. 3. Бредень. 5. Баккара. 6. Телефон. 7. Вельвет. 14. Танго. 15. Котка. 16. «Зенит». 17. Левко. 19. Камерун. 20. Комитас. 22. Брошюра. 24. Виноград. 25. Секстант. 27. Плещеев.

На первой странице обложки:
Донецк. На улице Артема растут шестнадцатиэтажные дома.
Шахта «Трудовская». Комплексная бригада, руководимая Героем Социалистического Труда И. И. Стрельченко (см. репортаж «Уголь и розы»).
Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки:
Поэма о Ленинграде.
Фото Р. Мазелева (на фотоконкурс «Огонька»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора —253-39-05; Спорта —253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/VIII — 74 г. А 00615. Подп. к печ. 20/VIII — 74 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1739. Тираж 2 112 000 экз. Заказ № 2566.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Сердце музыканта

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Больше тридцати лет назад, в военную пору, пришлось мне побывать у Елены Фабиановны Гнесиной, чье столетие со дня рождения недавно отмечала страна.

— Так о чем будем говорить,— спрашивает Елена Фабиановна, поудобнее устраиваясь в кресле,— о прошлом, настоящем или будущем? Одинаково волнующие меня темы...

Седая голова, высокий, чистый лоб. В комнате старого особнячка холодновато; у Елены Фабиановны усталое лицо. Наработался человек за долгий день, а тут еще нога болит, сил нет.

— Значит, так,— начинает хозяйка кабинета, стены которого увешаны фотографиями с дарственными надписями.— Нас было пятеро сестер и брат Михаил. Скопили мы денег. Купили рояль. Написали от руки объявление: открывается, мол, частная музыкальная школа... Несколько дней никто не приходил, потом — «первая ласточка». Начали работать. И вот работаем до сих пор...

Она была любимой ученицей знаменитейшего Ферручио Бузони. Гениальный музыкант сулил ей большую будущность. Великие русские композиторы Сергей Васильевич Рахманинов и Александр Николаевич Скрябин считали Елену Гнесину своим другом. Но были отложены на далекое, неопределенное время сольные концерты. В маленьких классах с утра до вечера звучит терпеливый голос учительницы: «Не педалируй, не барабань, вслушивайся в то, что играешь... Вот уже лучше. Повторим еще раз...»

— Каждому свое,— говорит Елена Фабиановна.— Мне, видно, на роду написано учить... Грустила ли о концертной эстраде? Да когда же было грустить! Мы в первые же дни после революции отправились к новой, Советской власти — просить, чтобы нашу музыкальную школу приняли в руки государства. И тут очень скоро стали приходить к нам молодые таланты... Пришли Тихон Хренников, Арам Хачатурян... Поверьте, высшее счастье, которое может выпасть на долю музыканта,— знать, что ты нужен! Нужен многим людям, нужен родной стране. Мы это счастье испытали! Как же мне не быть оптимисткой? Говорят, уж слишком я беспокойная, все хочу сделать сама... Вот, мол, смотрите, и война-то какая идет: до музыки ли?! Холодно, голодно; у моих ребят замерзают руки в нетопленных классах, занимаются иной раз в пальто и перчатках... Но нам в первую очередь выделяют дрова, присылают горячие завтраки. И занятия идут нормально, и абсолютно никто нос не вешает! Взгляните, пожалуйста, в эту папку: написала детские пьесы для малышей. Скоро будут изданы... А вот проект и чертежи нового здания — для нашего училища и музыкально-педагогического института на улице Воровского... Да, я оптимистка! Вот посмотрите, скоро переедем в новый, прекрасный музыкальный дом, которому позавидует любой центр музыки в Европе!..

Такой была Елена Фабиановна Гнесина в тот студеный вечер, в ту военную пору... Такой и запомнилась.

В комнату, где мы разговаривали, кто-то легонько постучал. Вошла молодая женщина с девочкой:

— Привела к вам Таню... Вы хотели ее послушать.

— Да, разумеется.

Елена Фабиановна извинилась, тяжело встала с кресла, подошла к роялю.

— Ну, покажи, Танюша, что умеешь. Давай сначала немножко попоем.— Девочка, стесняясь и оттого немного сбиваясь, запела.— Хорошо... Только ты посмелее! — И девочка стала петь точней, увереннее.— Вот и молодец, отлично...— повторяла Елена Фабиановна, сама не меньше Тани довольная тем, что хорошо получается...

Все сбылось; все, о чем говорила Елена Фабиановна, осуществилось. Кипит творческая жизнь в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных.

В раскрытые окна на московскую улицу льется музыка. Сердце музыканта продолжает жить...

М. АЛЕКСАНДРОВ

Выпускник Института имени Гнесиных Владимир Иванович Пушечников.

Студенты факультета артистов оперетты играют дипломный спектакль.

Педагог Б. Шляхтер и его ученицы по классу вокала.

Дебют.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663